4
Т-58

Топономастика и транскрипция

М., 1964

59408

4
Т-38

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТОПОНОМАСТИКА И ТРАНСКРИПЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

59408.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
КОМИССИЯ ПО УПОРЯДОЧЕНИЮ
НАПИСАНИЯ И ПРОИЗНОШЕНИЯ
ИНОЯЗЫЧНЫХ СОБСТВЕННЫХ ЛИЧНЫХ ИМЕН
И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

ТОПОНОМАСТИКА И ТРАНСКРИПЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

4
Т-58
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
59408.
20

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
член-корреспондент АН СССР *С. Г. БАРХУДАРОВ*,
доктор географических наук *Э. М. МУРЗАЕВ*,
доктор филологических наук *А. А. РЕФОРМАТСКИЙ*,
Л. П. КАЛАКУЦКАЯ,

Топонимастика и транскрипция

Утверждено к печати Институтом языкознания и АН СССР
Редактор издательства *М. С. Кожухова*
Технический редактор *О. М. Гуськова*

Сдано в набор 30/IX 1963 г. Подписано к печати 27/I 1964 г.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Печ. л. 6$^{1}/_{4}$=10,25 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 10,5.
Тираж 2500 экз. Изд. № 2253. Тип. зак. № 399.

Цена 63 коп.

Издательство «Наука», Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства «Наука», Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12

Содержание

Предисловие . . . . . .

I

А. А. Реформатский (Москва). Топономастика как лингвистический факт . . . . . .
А. В. Суперанская (Москва). Имена собственные в чужой языковой среде 3

II

Н. А. Еськова (Москва). О некоторых морфонологических явлениях современного русского языка (На материале образований с суффиксом *-ец* от географических названий с основой на задненебные согласные) 6
Я. И. Шубов (Москва). Практическая транскрипция и эпонимические термины 8
К. Н. Вальдман (Ленинград). К вопросу о стяжении английских топонимов 9

III

Н. И. Толстой (Москва). Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции 10
В. Д. Андреев (Ленинград). Передача болгарских имен собственных в русском языке 12
Е. И. Мельников (Прага). Заметки о морфологии и правописании чешских собственных имен в русской передаче 13
В. Э. Сталтмане (Москва). К вопросу о морфологическом оформлении латышских имен собственных в русской транскрипции 14

ИРЯ
институт русского языка
им. В. В. Виноградова
www.ruslang.ru

А. В. Суперанская. К вопросу о практической транскрипции собственных имен стран английского языка 16
З. Д. Голубева (Ленинград). О передаче номенклатурных терминов, входящих в состав немецких географических названий 17
З. Д. Голубева. Передача суффигированного артикля в норвежских и шведских географических названиях 18
З. В. Перцмахер (Ленинград). Некоторые вопросы русской передачи географических названий стран Южной и Юго-Восточной Азии 19

Предисловие

Сборник «Топономастика и транскрипция» подготовлен Комиссией по упорядочению написания и произношения собственных имен и географических названий ОЛЯ АН СССР. Комиссия эта была организована в 1960 г. по постановлению Президиума АН СССР в связи с обращением в Президиум Секции книги Дома ученых, где указывалось, что необходимо унифицировать транскрипцию иноязычных имен собственных, так как они передаются по-разному в картографии и библиографии, в связи с чем в каждой редакции и в любой энциклопедии существуют свои правила.

В 30-е и 40-е годы вопросами транскрипции занимались серьезно по преимуществу географические организации (Институт Большого советского атласа мира, Редакция Морского атласа, Бюро транскрипции ГУГКа и др.) или же лингвисты-одиночки (Л. В. Щерба, А. М. Сухотин, Н. В. Юшманов), а в плане топонимики и ономастики — А. М. Селищев, В. К. Чичагов и др. Единственная область, где собственные имена стали объектом внимания в государственном масштабе, были проекты реформы и упорядочения русской орфографии и пунктуации (Проект реформы правописания. Главнаука, 1930; Свод орфографических правил и Свод пунктуационных правил, 1-я и 2-я редакции. М., 1936; Орфографический справочник. Л., 1936; Свод орфографических и пунктуационных правил. М., 1939; Правила единой орфографии и пунктуации. М., 1939 и 1940; и, наконец, до сих пор действующие Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956).

В разработке правил написания собственных имен в этих проектах участвовали: М. Н. Петерсон, А. М. Пешковский, А. А. Реформатский, М. В. Сергиевский, А. М. Сухотин, Н. Н. Филиппов, Л. В. Щерба, Б. И. Ярхо, а также возглавлявшие Московскую и Ленинградскую комиссии Д. Н. Ушаков и С. П. Обнорский.

В эти годы, как правило, специалисты разных дисциплин этой области имели мало контактов; исключение представляла Транскрипционная комиссия Института Большого советского атласа мира, где наряду с географами (В. Е. Мотылев, Л. Я. Зиман, А. А. Борзов, В. В. Богданов, А. С. Барков, М. С. Боднарский, эпизодически даже и Ю. М. Шокальский и др.) активно сотрудничали лингвисты (Б. В. Горнунг, Л. И. Жирков, А. И. Иванов, А. А. Реформатский, П. П. Свешников, М. В. Сергиевский, А. И. Смирницкий, В. П. Старинин, А. М. Сухотин, Р. О. Шор, К. К. Юдахин и др.).

В 50-е годы, наоборот, контактирование географов, лингвистов и историков стало нормой для обсуждения вопросов транскрипции собственных имен и разработки общей теории топономастической проблематики, о чем свидетельствуют конференции и совещания, объединявшие лингвистов, географов, картографов, топографов, историков, этнографов и библиографов: Транскрипция географических названий (Москва, 1960), Топонимика Востока (Москва, 1961), Первая и Вторая конференции по ономастике (Киев, 1960 и 1962) и конференция Принципы топонимики (Москва, 1962), на которой официальными организаторами были: Отделение литературы и языка АН СССР, Отделение исторических наук АН СССР, Отделение геолого-географических наук АН СССР и Топонимическая комиссия Московского филиала Всесоюзного географического общества.

Сборник, посвященный этой последней конференции, выходит в ближайшее время под грифом указанных организаций в Институте русского языка АН СССР. Сборники «Транскрипция географических названий» и «Топонимика Востока» вышли в 1960 и 1962 гг. Кроме того, по данной проблематике издан еще сборник Топонимической комиссии ВГО «Географические названия». М., 1962 («Вопросы географии», № 58).

* * *

Называть ли тот сектор лексики, который охватывает собственные имена в целом, ономастикой, делить ли его на ономастику (личные имена) и топонимику (географические названия) или же объединить их общим термином — топономастика, — дело традиции; тем более, что дихотомическое деление не охватывает всего, так как есть ряд переходных случаев в разряде собственных и «полусобственных» имен. В данном сборнике принят последний термин — топономастика.

Авторами настоящего сборника являются не только научные работники-лингвисты, но и сотрудники различных редакций, имеющих дело с фактами топономастики. Поэтому сборник включает статьи как теоретического, так и прикладного характера. Всего в сборнике 13 статей; авторы шести статей — из Москвы, четырех — из Ленинграда и одной — из Праги. Общие статьи не локализованы по языкам, частные же касаются языков славянских, балтийских, германских и языков Южной и Юго-Восточной Азии, включая и индийские.

Материал сборника разбит на три раздела. Первый раздел включает статьи общетеоретического характера, второй содержит статьи частнотеоретического характера; третий раздел охватывает статьи прикладного порядка и посвящен в основном транскрипции.

Конечно, данный сборник не может претендовать на законченность своей тематики: нет статей о романских и иранских индоевропейских языках, нет статей о транскрипции собственных имен неиндоевропейских языков народов СССР (что представляет собой особую задачу), нет, наконец, обобщающей статьи по теории практической транскрипции[1]. Все это в значительной

---

[1] См. об этом: Л. В. Щерба. Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий. «Известия Комиссии по русскому языку АН СССР», т. 1. Л., 1931; А. М. Сухотин. О передаче иностранных географических названий. «Вопросы географии и картографии». НИИ БСАМ, 1935; Л. В. Щерба. Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1940, № 3; Е. М. Поспелов. Транскрипция географических названий. М, 1957; А. А. Реформатский. О подаче и передаче географических названий на русских картах. «Транскрипция географических названий». М., 1960; его же. Транслитерация русских текстов латинскими бук-

мере обусловлено составом авторов, согласившихся участвовать в данном сборнике, а также и нецелесообразностью повторять уже известное и опубликованное.

Редакция думает, что и в данном составе статей сборник заинтересует как лингвистов, занимающихся теоретическими вопросами топономастики, так и историков, этнографов, географов, картографов, топографов, библиографов и переводчиков, а также и всех тех, кто имеет дело с вопросами практической транскрипции.

вами. — ВЯ, 1960, № 5; его же. Практическая транскрипция иноязычных собственных имен. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1960, № 6 и др.

I

А. А. Реформатский

Топономастика как лингвистический факт*

Заглавие этой статьи отнюдь не отрицает и таких положений, как «Топонимика как географический факт» или «Ономастика как исторический факт», но тем не менее претендует на первоочередность именно так сформулировать тему[1].

Исходным положением теоретического рассуждения об именах собственных, или личных именах, и о географических названиях является тезис о том, что ономастика и топонимика входят как две родные сестры в один общий раздел лексики, образуя сектор топономастики.

Сектор этот отнюдь не однороден, каждая из «сестер» имеет свое особое место и лицо, обладает своим «ядром» и своей «периферией», по-разному соприкасаясь с массой нарицательных, которые в свою очередь не образуют аморфного континуума и не являются нерасчлененной массой, а организованы в некоторые категории, различные по своим структурным свойствам.

Для того чтобы выяснить специфику топономастики как сектора лексики языка и специфические черты топонимики в отличие от ономастики, необходимо подвер-

---

* В основу этой статьи положен доклад автора на конференции Принципы топонимики в мае 1962 г.

[1] См. тезис 7 сообщения Э. М. Мурзаева «Основные направления топонимических исследований» и тезисы 5 и 8 сообщения А. И. Попова «Основные принципы топонимического исследования» в брошюре «Принципы топонимики» (М., 1962).

гнуть анализу весь словарный состав в целом, распределив его по группам и по классам.

Для этого надо наметить какие-либо координаты, относительно которых и определять место того или иного класса слов в системе лексики[2].

В качестве таких координат Е. Курилович берет содержание (contenu) и сферу употребления (zone d'emploi)[3]. Эти координаты достаточны для того, чтобы показать различие местоимений (*celui-ci*) и «единичных собственных имен» (типа *Наполеон*, *Монблан*), но вряд ли ими можно ограничиться при рассмотрении всех возможных лексических классов и категорий, в частности для того, чтобы выяснить различие топонимики и ономастики (*Монблан* и *Наполеон*) и топономастики в целом как особого сектора собственных имен.

В аспекте лексико-семантическом наиболее важным является констатация интенций понятийности и номинативности, что позволяет не только различить нарицательные как максимально понятийные и собственные как максимально номинативные[4], а среди нарицательных выделить абстрактные имена типа *верность*, *красота*, *вечность* и т. п., термины и даже семасиологически охарактеризовать части речи, отмечая бóльшую конкретность имен и глаголов по сравнению с прилагательными и наречиями. Учет дейктической функции позволяет выделить класс местоимений, которые имеют очень широкую сферу употребления, но значение которых сведено к нулю и связано с ситуацией речи, способность же называть осуществляется через указание (deixis). Особыми критериями определяется положение числительных (см. ниже).

---

[2] О системе лексики см.: J. Vachek. Dictionnaire de linguistique de l' École de Prague. Utrecht — Anvers, 1960, а также: А. А. Реформатский. Термин как член лексической системы. Сб. ИРЯ АН СССР (в печати).

[3] J. Kuryłowicz. La position linguistique des noms propres. «Onomastica», 2. Wrocław, 1956; русский пер. «Положение имени собственного в языке». В сб.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962. — Следует отметить, что еще в 1940 г. А. И. Зарецкий писал: «Собственное имя имеет значение «абсолютное», предельно конкретное, местоимение — относительное, предельно абстрактное. Это как бы два полюса» (А. И. Зарецкий. О местоимении. «Русский язык в школе», 1940, № 6).

[4] См.: А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1960, гл. II, § 6, 7.

Ввиду того, что семасиологические критерии и признаки трудно поддаются формальной индексации, очень существенно, чтобы они были подкреплены такими грамматическими характеристиками, как отношение к категории числа, рода, как возможность вхождения в парадигму, а также по испытанию на сочетаемость; так, например, числительное не может образовать чистую объективную синтагму с другим числительным, не может иметь при себе атрибута прилагательного и т. п.

Существенно также учитывать и деривативные возможности слов тех или иных классов; при этом могут обнаружиться у разных классов различные наборы аффиксов. Так, например, для ономастики характерны притяжательного значения суффиксы *-ов*, *-ин*, и лишь через них возможно присоединение суффикса *-ский* (когда образуется производный суффикс *-овский*, *-инский*), тогда как для нарицательных деривативов от топонимов невозможны суффиксы *-ов*, *-ин*, а типичной при деривации является модель: К + *ский*, ср. *Даль — Далев — Далевский* и *Каргополь — каргопольский* (а не **каргополевский*, **каргополинский*)[5].

После этих вводных соображений можно подойти к вопросу о стратификации словарного состава. Словарный состав языка включает в себя и весь нарицательный фонд, в котором можно выделять то, что можно назвать «основным фондом лексики»[6], и то, что Курилович называет «маргинальной лексикой»[7], куда входят и многие разряды нарицательных, и, по мнению Куриловича, имена собственные. Последний вопрос не так прост. Конечно, собственные имена не обладают теми качествами, которые характеризуют основную «необходимую лексику» языка, и тем самым в принципе это — «маргинальная лексика», по Куриловичу. Но факты топономастики находятся в очень разных отдалениях от основного фонда лексики и сами по себе чрезвычайно разнообразны и разнокалиберны. Кроме того, различные разряды топономастики имеют разного потребителя, а тем самым, как правило,

[5] Случаи типа *Орлов*, *Москвин* — не нарицательные, а собственные, это фамилии, образованные от топонимов или от прозвищ.

[6] См.: А. А. Реформатский. Методические указания и руководство по современному русскому языку для студентов-заочников. Литературный институт ССП. М., 1950.

[7] J. Kuryłowicz. Указ. соч., стр. 1.

они не общенародны. Но и в любой топономастике есть такие случаи, какого бы языка они ни касались, которые выдержали испытание времени и нужны всем; таковы в русской топонимике слова *Россия*, *Москва*, имена *Ваня*, *Маша*, и т. п.

О возможности разграничения собственных и нарицательных имен нет единого мнения.

Так, например, Отто Есперсен в «Философии грамматики» утверждал: «С лингвистической точки зрения совершенно невозможно провести четкую демаркационную линию между именами собственными и именами нарицательными ... поскольку различие между ними количественное, а не качественное»[8]. Полемизируя с Дж.-Ст. Миллем, утверждавшим, что «имена собственные лишены сопутствующих значений», что «единственные названия предметов, которые лишены коннотации, — это собственные имена; строго говоря, эти имена не имеют никакого значения»[9], Есперсен утверждает: «Милль и его последователи слишком много внимания уделяли тому, что можно назвать словарным значением имени, и очень мало занимались его контекстуальным значением в той конкретной ситуации, в какой оно произносится или пишется. Правда, совершенно невозможно определить значение слова *Джон*, когда дается только это слово и ничего больше; однако то же самое можно сказать и о многих "именах нарицательных"»[10]. И далее Есперсен приводит английское слово *pipe*, которое может значить: 1) «курительная трубка», 2) «водопроводная труба», 3) «свисток», 4) «труба орга́на», и заключает: «. . . так же обстоит дело и со словом *Джон*: в каждом отдельном предложении оно имеет одно определенное значение, которое явствует из контекста и ситуации; и если это имя собственное, его значение в каждом отдельном случае будет более специальным, чем значе́ние *pipe* или других упомянутых слов. Здесь мы наблюдаем другую сторону того важного обстоятельства, что бо́льшим количеством признаков обладают имена собственные, а не имена нарицательные»[11].

---

[8] О. Есперсен. Философия грамматики. Русск. пер. М., 1958, стр. 76, 77.

[9] Там же, стр. 70.

[10] Там же, стр. 71.

[11] Там же.

Рассуждение это очень удивляет. Хотя правильно, что любого мальчика, носящего имя *Петя*, можно назвать *Петей*, как и любой стол назвать словом *стол*, но это касается только номинативной интенции (способности, что ли?) слов, которая у нарицательных имеет больше ограничений, чем у собственных; ведь нельзя *стол* назвать *стулом* и *кошку* — *коровой*, тогда как любого мальчика можно «окрестить» *Петром* и любую девочку — *Марьей*; а в немецком и в испанском для имени *Maria* и обе возможности налицо: вспомним имя немецкого поэта *Рейнар-Мария Рильке* или имя героя повести Проспера Мериме «Кармен» *Хосе-Мария*... (ср. в русских уменьшительных: *Саша*, *Шура*, *Женя*, *Лёля* — и девочки, и мальчики...). Но все это не имеет никакого отношения к «признакам», так как признаки относятся к понятиям, а собственные имена не соотнесены с понятиями, они семантически редуцированы.

Отсюда есть одно очень важное следствие: собственные имена стоят вне полисемии. А это очень важный индекс для семантической характеристики имен нарицательных.

Хотя бы этот чисто лексический признак позволяет нащупать демаркационную линию собственных и нарицательных имен; а этих «линий» гораздо больше. Ведь тот же Есперсен приводит очень интересный пример обособления имен собственных в английском языке: это—отсутствие артикля перед ними. Этот пример Есперсена бьет по его же тезису о неразличимости имен нарицательных и имен собственных и еще раз убеждает, что есть «демаркационная линия» этих явлений в лексике.

Интересным толчком для раздумий в этой области является указанная выше статья Е. Куриловича, где автор начинает с сопоставления весьма «далековатых» единиц лексического состава языка. Он берет два полюса: указательное местоимение *celui-ci* («этот») и такие собственные имена, как *Сервантес*, *Наполеон*, *Монблан*. Критерий его сопоставления опирается на противоположение богатства содержания (contenu) и широты сферы употребления (zone d'emploi). Курилович констатирует, что *этот* (*celui-ci*), имея широчайшую сферу употребления (любой предмет, лишь бы был он мужского рода), почти не имеет содержания; а такие единичные имена,

как *Сервантес* или *Монблан*, не имеют никакой сферы употребления, так как привязаны к одному носителю (биографическому или географическому). Сюда можно было бы прибавить и такие исторические «случаи», как *Ватерло*, *Варфоломеева ночь*, *Бородино*, где важна не географическая, а историческая реалия. Курилович правильно и остро наметил крайние точки лексических возможностей, но между ними есть многое; и не только в дихотомии собственные — нарицательные, но и в среде самих нарицательных.

Совершенно различны в смысле «нарицательности» слова знаменательные и слова служебные. Но это не тема данных рассуждений, здесь главное: что́ в служебных словах грамматическое, а что же в них и лексическое? Но эта тема, сама по себе очень интересная и продуктивная, все же не принадлежит данному вопросу.

Гораздо существеннее, что такие слова, как местоимения, резко противостоят хотя бы по двум признакам, указанным Куриловичем, словам знаменательным. И это касается не только указательных местоимений в полном смысле слова — Zeigwörter (см. К. Бругманн, К. Бюлер и др.), но и других разрядов местоимений (личных, вопросительных, определительных и т. п.). Местоимения — это как бы «слова-схемы», «слова-скелеты», «слова-модели»... Они — безличны, хотя бы это и были личные местоимения. Все дело здесь в том, что они как схемы почти лишены собственного содержания, т. е. оно сведено к функциональному моменту и к ограниченному грамматическому индексу (число, род). Это слова ситуационные, и при их употреблении в речи без знания ситуации речи нельзя понять нужную информацию, хотя значение информант понятно (*Я сейчас здесь* — кто *Я*? Когда *сейчас*? Где *здесь*?).

Особую группу среди несобственных имен занимают числительные. Это слова узкого и четко очерченного назначения. Их особенность в языке не только и не столько в том, что они выражают словесно отношение числа в языке (а это можно и иначе выразить), сколько в том, что они стоят грамматически вне числа, не склонны различать род, не могут сочетаться в «чистую объективную синтагму» с другим числительным, не могут сочетаться в атрибутивную синтагму с прилагатель-

ным, а лексически — не терпят знаменательной синонимии [12].

По сравнению с местоимениями числительные еще менее ограничены в отношении сферы употребления (может быть: *три мальчика*, *три девочки*, *три озера*, *три велосипеда*, *три смерти*...), за исключением одного пункта: в числительных исключается синонимика [13] и замена одного числительного другим (*четыре* всегда «четыре» а не *три* и не *пять*), ср. в местоимениях: *этот — сей — тот самый — оный*..., поэтому числительные, как и термины, стоят вне стилистики, а местоимения связаны со стилистикой возможностями выбора и замены. В целом числительные в системе лексики стоят гораздо обособленнее, чем местоимения, следующие, как тени, за теми именами, которые они заменяют.

Есть ли различие у нарицательных и собственных в отношении их грамматического поведения? Мы уже видели, что Есперсен считал это различие количественным, а не качественным; еще категоричнее высказывается В. Ташицкий: «...никакой существенной разницы между ономастическими и нарицательными словами нет» [14]. Однако это не так, и тот же Есперсен на примере употребления артикля в английском языке показал различие (см. выше). Еще решительнее показывает это различие Е. Курилович [15]; вот его примеры:

Французский язык

Нарицательное	Собственное	Сложное собственное
mercier «галантерейщик»	Mercier	Lemercier
du mercier	de Mercier	de Lemercier
au mercier	à Mercier	à Lemercier
		без контракции *де* и *à* с *le* (7)

---

[12] См. подробнее: А. А. Реформатский. Число и язык. Сб. «Вопросы грамматики». АН СССР. М.—Л., 1960.

[13] Такие случаи, как во французском *quatre vingt* и *huitante*, *quatre vingt dix* и *neunante* — факты разных идиомов: первые — из литературного языка, а вторые — из просторечия.

[14] В. Ташицкий. Место ономастики среди груманитарных наук. — ВЯ, 1961, № 2, стр. 11.

[15] J. Kuryłowiz. Указ. соч., стр. 7—9.

суффикс *-ette*

maison	разные	Anne	та же вещь, но разное
maisonette	вещи	Annette	отношение говорящего

(9)

Арабский язык

Нарицательное	Собственное
ʿaḳrabun «скорпион» (с нунацией)	ʿaḳrabu
N. al-ʿaḳrabu	N. ʿaḳrabu
G. al-ʿaḳrabi	G. } ʿaḳraba
Acc. al-ʿaḳraba	Acc. } ʿaḳraba

(8)

В этих примерах объективные грамматические приметы Е. Курилович ищет в отношении к числу, к падежу, к сочетанию со служебным словом и в истолковании деривативной аффиксации. Идею Куриловича — проверить особое поведение собственных имен грамматической индексацией — можно продолжить хотя бы на примерах из русского языка. Есть нарицательные *вера*, *надежда*, *любовь* и есть собственные *Вера*, *Надежда*, *Любовь*... Нарицательные легко позволяют образовать деноминативы типа *верный*, *надежный*, *любовный*; *верю*, *надеюсь*, *люблю*; нарицательное *любовь* дает в косвенных падежах основы с беглым [о]: *любовь — любви*... Собственные же имена *Вера*, *Надежда*, *Любовь* порождают притяжательные тоже собственные: *Верин*, *Надеждин*, *Любовин* (без беглого [о]) и фамилии: *Верин*, *Надеждин*, но отнюдь не глаголы (что может быть только в каламбурной речи: «*Я вВерился*», «Я *разНадеждился*» или чисто графическое: «Я *вЛюб(ов)ился*»...). Собственное имя *Любовь* не получает беглой гласной в склонении (*Любовь*, *Любови*...). Зато собственные имена имеют богатейшую гамму деминутивов: *Верочка*, *Веруся*, *Верусенька*, *Верусёночек*, *Верка*; *Надя*, *Надюша*, *Надюшенька*, *Надька*, *Надюшка*; *Люба*, *Любаша*, *Любашка*, *Любка* и т. д.

То же примерно и с топонимикой. От нарицательного *тайга* прилагательное *таёжный*, а от названия станция *Тайга — тайгинский*, от названий станций *Лев-Толстой* и *Ерофей-Павлович* производные *лев-толстовский*, *ерофей-павловический* и др.

Когда собственные имена образованы из словосочетаний (здесь речь идет не о грамматических синтагмах,

а просто, когда имя собственное состоит не из одного слова), вступает еще один фактор — интонация; например, если сравнить нарицательные словосочетания и те же лексемы в составе собственного имени, то это будет ясно:

Нарицательный план	Собственный план
Обращение: «*Алеша! Боже мой!*»	*Алеша Боже-Мой* (лихой налетчик)[16]
В молитве: «*Отче наш!*»	*Отченаш* (фамилия хлебороба-орденоносца, ср. чешский деминутив в фамилии писателя *Отченашек*, что в свою очередь морфологически похоже на фамилию валютчика *Будьздоровчик*)
В реплике одного из семи братьев: «*Мы-с — семь братьев!*»	*мыс Семь Братьев* (топоним)
В испуганном восклицании: «*Пронеси, господи!*»	скала «*Пронеси-Господи*»

Приведенные соображения и примеры О. Есперсена, Е. Куриловича и из русского языка показывают, что между именами нарицательными и именами собственными есть размежевание по грамматическим индексам. Да и в целом в системе лексики имена собственные своей «гипертрофированной номинативностью» и редукцией семасиологической функции объективно противопоставлены именам нарицательным. Все это позволило С. Роспонду сделать следующее заявление: «...многие факты языка свидетельствуют о том, что собственные имена имеют лишь им свойственные структурные (нефонетические) закономерности развития, которые можно было бы в определенном смысле назвать ономастическими законами»[17].

К этому хочется еще добавить одно соображение. Имена собственные принципиально ограничены своей номинативностью, так что иногда создается впечатление, что семейство собственных имен, с одной стороны,

[16] А. Серебров (А. Тихонов). Время и люди. М., 1949, стр. 18.

[17] С. Роспонд. Перспективы развития славянской ономастики. — ВЯ, 1962, № 4, стр. 12.

59408
БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА НН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

напоминает чем-то эсперанто, особенно топонимика, — настолько она «ничья», а с другой стороны, даже... «заумный язык»!

Вспомним давнюю статью К. И. Чуковского[18], где он сопоставлял «заумные» опыты В. Хлебникова — *Бобэоби* и *Вэоэми* — с именами индейских племен в «Гайавате» Лонгфелло (в переводе И. А. Бунина):

Шли Чоктосы и Команчи
Шли Шошоны и Омоги,
Шли Гуроны и Мендэны,
Делавары и Мочоки...

На что В. Б. Шкловский заметил: «Для русского уха *бобэоби* так же «заумны», как и *чоктосы*, *шошоны*»[19]. Конечно, «заумность» надо понимать как редукцию семасиологической (понятийной в первую очередь!) интенции, как «оголение» номинативности, ибо любое *бобэоби* может и не быть сопряжено с понятием, но если это слово, то называть-то оно — обязано! Пусть бы даже нечто мифическое (*кентавр*, *недотыкомка*), пусть даже «отсутствие данности» (*нуль*, *ничто*, *небытие*, *абстракция*). Но это пока только нарицательные. Но когда в этом устремлении выступают имена собственные (а они и призваны к этому устремлению!), то всякая иллюзия «чего-то» (т. е. понятийности) исчезает. И хотя *шошоны* и *чоктосы* и не вполне собственные имена (это же, судя по всему, этнонимы типа *орочоны*, *тунгусы*...), но и эти полусобственные имена «заумны» вне своей языковой среды. Тем более «заумны» настоящие собственные имена, а их семасиологизация — попытка с негодными средствами. Тем самым имя собственное колеблется между параметрами нового термина и «заумного» слова.

Одним из самых острых вопросов в лексикологии является омонимия. Действительно, если слова, называя, должны различать вещи, то как же мириться с омонимами, которые как раз не различают? Однако, поскольку

---

[18] К. И. Чуковский. Опыт хрестоматии образцов футуристической поэзии. Альманах «Шиповник», кн. 22. СПб., 1914, стр. 144.

[19] В. Шкловский. О поэзии и заумном языке. Сб. «Поэтика». Пг., 1919, стр. 25.

омонимы в языке все же существуют и имеют свою теорию, то следует о них поговорить и в связи с именами собственными.

Омонимами можно называть те лексические случаи, когда при фонемо- и морфотожестве двух слов: 1) то же фономорфологическое образование соответствует двум разным понятиям или 2) двум разным называемым вещам (*лама*[1] — «животное» и *лама*[2] — «монах», *балка*[1] — «овраг» и *балка*[2] — «бревно»), 3) когда при тожестве морфем и образующих их фонем между двумя семасиологическими вариантами нет синхронно-генетической (sic!) связи (т. е. полисемии) (*голубец*[1] — «краска» и *голубец*[2] — «кушанье» или *самострел*[1] — «оружие» и *самострел*[2] — «саморанение с целью дезертирства») и 4) когда при всех прочих совпадениях данное образование расходится в разные парадигмы: *зло* — существительное, *зло* — прилагательное, *зло* — наречие.

Есть ли такие случаи между собственными и нарицательными? Безусловно, есть, хотя бы *любовь* и *Любовь*, а также императивы глаголов *угадай* и собачья кличка *Угадай* (Чехов, «Предложение»), *ругай* и *Ругай*, *порывай* и *Порывай* и т. п., где нарицательные принадлежат спрягаемой парадигме (*ругай*, *ругал*, *ругаю*, *ругаешь*...), а собственные — склоняемой (*Ругай*, *Ругая*, *Ругаю*..., *Ругаи*, *Ругаев*...).

Но бывает ли омонимия внутри собственных имен, между собственными именами? Также бывает. Это, во-первых, нейтрализация двух наиболее полных имен в совпадающих деминутивах, например *Саша* и *Шура* от *Александр* и *Александра*, *Леня* от *Леонид* и *Алексей*, *Леля* от *Елена*, *Ольга* и *Алексей*; во-вторых, такие случаи, как, например, *Гертруда*[1] — немецкое заимствованное имя и *Гертруда*[2] — сокращение из «героиня труда» или *Рената*[1] — романское имя (см. «Огненный ангел» Валерия Брюсова) и *Рената*[2] — полуаббревиатура из «революция, наука, труд» и т. п. Но тем не менее в области нормальных собственных имен различия объектов наименования не позволяют сами эти именования считать омонимами, например *Никита Толстой* (сын писателя А. Н. Толстого) и *Никита Толстой* (славист, правнук Л. Н. Толстого) — это каждый раз и в отношении имени, и в отношении фамилии то же слово, хотя «вещи»-то и разные...

Следующий вопрос — это взаимодействие собственных и нарицательных имен в составе собственного имени.

Поскольку собственные имена могут быть и не однословными, то они могут включать и имена нарицательные. Это случаи разные.

1. Нарицательные могут входить в состав собственных как служебные слова — предлоги, союзы, частицы, артикли. Что они сами по себе не собственные, а лишь ингредиенты собственных на правах морфем, в этом нет ни у кого сомнения, однако эти «частичные слова» доставляют много хлопот транскрипторам, например вопрос о постпозитивных артиклях в румынском (*-ул*), или в скандинавских (*-ен*). Непричастность служебных слов к категории собственных настолько очевидна, что об этом далее не стоит говорить.

2. Нарицательными в составе собственного могут быть так называемые «номенклатурные термины», т. е. родовые обозначения объектов наименования (*озеро*, *река*, *море*, *гора*, *хребет*, *равнина*, *ущелье*, *город*, *село*, *деревня*, *урочище* и т. п.). Термин «номенклатурный термин» противоречив, об этом я уже писал в статье «О подаче и передаче географических названий на русских картах» [20], поэтому не буду возвращаться к этому вопросу. Только добавлю: слова *озеро*, *река*, *море*, *гора* и пр. — это географические термины, а номенклатуру географии составляют как раз имена собственные: *Европа*, *Азия*, *Адриатика*, *Мещера*, *Прибалтика*, *Закарпатье* и т. п.

3. Нарицательными в составе собственного могут быть некоторые слова, сопровождающие основное название: в ономастике это титулы: *граф*, *князь*, *герцог*, *барон*, *курфюрст*, *фельдмаршал* (или *маршал*), *генерал*, *полковник* и пр., что сохраняется и в топонимах «имени»: *мост лейтенанта Шмидта*, *остров принца Эдуарда*, *острова королевы Шарлотты*, *архипелаг эрцгерцога Карла* и т. п.

4. Слова *имени*, *памяти*, частые в русской современной топонимике и «полуономастике» применительно к колхозам, совхозам, предприятиям, пароходам и т. д.

5. Особый вопрос представляют те названия объектов, в которых действительно «рассказывается», что́ это та-

[20] А. А. Реформатский. О подаче и передаче географических названий на русских картах. — Сб. «Транскрипция географических названий». М., 1960, стр. 50—51.

кое нарицательно значащими словами без всякой условности и обязательной для собственных имен конвенциональности (*Российское общество пароходства и торговли*, *Высший Совет Народного Хозяйства* и т. п.), где опять же был найден выход в утверждение собственного имени через аббревиацию: *РОПИТ*, *ВСНХ*.

Следует оговорить, что иноязычные для данной языковой среды слова, пусть они и подходят под категорию нарицательных, не могут котироваться как нарицательные: во-первых, они непонятны, чтобы соотноситься с понятиями; во-вторых, они уже номенклатурны, что исключает нарицательность; таковы всяческие названия реки: *Дарья*, *Су*, *Ривер*, *Рио*, *Йоки* и т. п. Такие «квазиноменклатурные термины» нацело десемасиологизованы с точки зрения языка-рецептора. Их или надо при передаче отбрасывать (река *Биг*), либо включать в собственное (река *Биг-Ривер*). В плане десемасиологизации наблюдается и обратное явление: нарицательные имена могут быть субституцией собственных. Это происходит в порядке эллипсиса, когда вся индивидуализирующая «дифференциа специфика» данного наименования эллиптируется, а «недоэллиптированный» остаток, т. е. определяемое нарицательное, становится заместителем собственного. Мы имеем в виду такие случаи, как *Московский городской педагогический институт* и «Я сегодня зашел в *Институт*» или *Костромской областной совнархоз* и «Я сегодня зашел в *Совнархоз*». Здесь такие «номенклатурные определяемые», как *Институт*, *Совнархоз*, становятся заместителями длинного и не очень ономастически звучащего названия и коротко «именуют» объекты, претендуя быть в этих случаях именами собственными. Но это — случаи ситуационные; так же можно пользоваться и местоимениями, т. е. говорить вместо *Иван — он*, вместо *мельница — она*, вместо *событие — оно* и т. п.

Спорным в отношении принадлежности к нарицательным или же к собственным является тот раздел лексики, который охватывает этнонимы, т. е. названия народов и их представителей, названия жителей по месту жительства или происхождения, названия лиц по принадлежности к какой-нибудь корпорации, к какому-либо общественному течению или направлению и т. п. Это — случаи переходные от собственных к нарицательным;

они очень легко превращаются в собственные, например, как названия действующих лиц в пьесах (ср. персонажей «Мистерии-Буфф» Маяковского).

Можно ли найти какие-нибудь приметы, которые бы позволили не по называемой предметности, а чисто лингвистически различить факты топонимики и факты ономастики? Думаю, что такие приметы есть, но прежде чем их устанавливать, необходимо размежевать сектор собственных имен на топонимику и ономастику. Оказывается, что и здесь не все ясно.

Безусловно к топонимике относятся: 1) гидронимика: названия «водоемов» — морей, озер, прудов, рек, протоков, ручьев, каналов, заливов, проливов, бухт, водопадов; 2) оронимика: названия частей земной поверхности — гор, хребтов, вершин, долин, плато, лесов, степей, пустынь. А куда отнести названия континентов, островов, полуостровов, мысов и т. п., что хотя и является элементами суши, но не мыслится вне воды! 3) названия стран, государств, районов и провинций, населенных пунктов, что условно можно назвать «полинимика (от греч. πόλις «город») или «урбонимика» (от лат. urbs «город»).

Во всех этих отделах топонимики имеются факты, которые можно обнаружить лишь на крупномасштабных картах и в специальных списках и справочниках — это то, что принято называть микротопонимикой: названия деталей рек, озер, прудов, названия мелких речушек и ручейков, названия отдельных скал, камней и т. п. По пункту же третьему к микротопонимике относятся названия улиц, площадей, переулков, тупиков, мостов, туннелей и т. д.

А куда отнести названия дорог и других путей вне городов? Названия каких-либо «урочищ» вне населенных мест? Названия больниц, санаториев, магазинов, музеев, театров, гостиниц, ресторанов (особенно затруднительно это в отношении таких случаев, как «*поплавок Чайка*» и под.), памятников разного характера или случаев «микротопонимики» типа внутренних названий (*Октябрьский зал* Дома Союзов, *Камеронова галерея* в Царскосельском дворце, *столб Бонивара* в Шильонском замке, *статуя Свободы* в Нью-Йорке, *Царь-Колокол* в Московском Кремле)?

Безусловно к ономастике относятся: 1) личные имена людей; 2) отчества; 3) фамилии; 4) псевдонимы; 5) прозвища людей (реальных или мифологических, сказочных или персонажей художественной литературы, в том числе и такие нарицательные, как *Сторож*, *Могильщик*, *Вестник*, *Старый слуга*, *Лакей*, *Голос с неба*, *Некто в сером* и т. п.); 6) клички животных, птиц и пресмыкающихся (лошадей, коров, собак, кошек, обезьян, попугаев, черепах и др.); 7) клички деревьев и других растений, например *Дерево бедных* в Ясной поляне; ср. у И. Ильфа: «Некоторые секвойи, самые старые, имеют имена. Одно дерево называется „*Генерал Шерман*“, другое — „*Сентинел*“, что значит „Часовой“, „Страж“»[21] и т. п.; 8) индивидуальные названия средств передвижения (пароходов, кораблей, самолетов, автомобилей, велосипедов и под.: танкер «*Дербент*», теплоход «*Илья Муромец*», яхта «*Чайка*», автомобиль «*Антилопа-Гну*»[22], велосипед «*Серёжа*», пушка «*Матвеевна*» у капитана Тушина в «Войне и мире» Л. Толстого. Несколько иного типа такие названия, как «*Большая Берта*» — германская пушка во Франции в 1915 г., и особенно наша «*Катюша*» 1943 г., которая очень быстро стала «*катюшей*», т. е. получила характер нарицательного, типа сеялка «*триумф*» или клубника «*виктория*», обозначая тип и сорт. Сюда же относятся и папиросы «*Дядя Костя*» в честь артиста К. А. Варламова и т. п.; 9) индивидуальные названия предметов одежды, обстановки, быта, например известные мне по семейным традициям шуба «*отец Алексей*», одеяло «*Абрам*», колода карт «*Аделаида Ивановна*» в «Игроках» Гоголя[23]; сюда же относятся и

---

[21] И. Ильф. Письма из Америки. «Новый мир», 1961, № 12, стр. 182.

[22] Вот как Остап Бендер мотивирует это название:

— Адам! — закричал он, покрывая скрежет мотора. — Как зовут вашу машину?

— «Лорен-дитрих», — ответил Козлевич.

— Ну, что это за название? Машина, как военный корабль, должна иметь собственное имя. Ваш «лорен-дитрих» отличается замечательной скоростью и благородной красотой линий. Посему предлагаю присвоить машине название — «Антилопа-Гну» (И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок, гл. III).

[23] Вот как Гоголь вводит этот комический эпизод:

Ихарев. ...Вот она! За то уж не прогневайтесь: она у меня носит имя, как человек.

Утешительный. Как имя?

индивидуальные названия частей тела в интимных жаргонах.

Особую трудность вызывает квалификация родов, видов и подвидов в зоологии и ботанике, а также названия типов и подтипов машин и механизмов в технике. Для решения этих вопросов необходимо условиться о том, что́ такое терминология (безусловно нарицательные!) и что́ такое номенклатура, где могут быть и нарицательные и что-то уже похожее на собственные, но это особый и специальный вопрос, связанный с рассмотрением терминологической и номенклатурной иерархии зоологических и ботанических классификаций[24].

Особым вопросом являются различия топонимов и личных имен. А есть ли они вообще? И в каких же морфологических и структурных показателях? Думаю, что, несмотря на «кровное родство» личных имен и топонимов, между ними существуют объективные различия. Например, вопрос о так называемых «номенклатурных терминах» (см. выше), которые входят так или иначе в топоним, но в области ономастики это не представляет вопроса. Действительно, в составе географического названия такие слова, как *река*, *озеро*, *остров*, *хребет* и т. п., стоят прочно рядом с такими подлинно собственными, как *Ока*, *Ильмень*, *Мальта*, *Кунь-Лунь* и т. п., чего нет в области ономастики: например, *Петров* может быть сегодня сержант, завтра — лейтенант, послезавтра — полковник, а позднее — и генерал, или же просто: плотник, кочегар, инженер, доктор, профессор — и мало ли что. Но главное в том, что это не входит в состав собственного имени, а так называемые «номенклатурные термины» — входят! Правда, бывают такие экстраординарные случаи, когда такой номенклатурный термин» становится принадлежностью и дальнейшего именования, но это уже почти факт лексикализации, например, пароходы «*Фельдмаршал Суворов*», или «*Академик Тимирязев*», или же, если это «вторичный факт»,

---

Ихарев. Да, имя: Аделаида Ивановна.

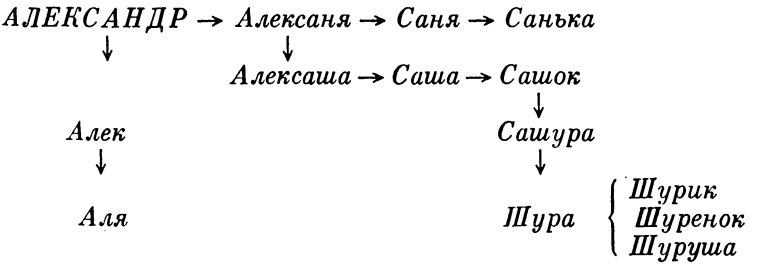
Утешительный (*усмехаясь*). Слышь, Швохнев, ведь это совершенно новая идея — назвать колоду карт Аделаидой Ивановной... (Н. В. Гоголь. Игроки, явление VIII).

[24] См. об этом: А. А. Реформатский. Что такое термин и терминология. М., 1959; «Вопросы терминологии». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 46 и сл.

как *генерал Лукач=Мате Залка*, или, с другой стороны, призовая лошадь *Дженерал-Эйч* (General H, которую побил в 1911 г. Манташевский Крепыш).

Дело здесь прежде всего в том, что *остров* не может стать *хребтом*, или *река — озером*, и даже, если, допустим, река или ее протоки, а также и вокруг лежащие озера превращаются путем подпора воды в море, то это — исключения, а чаще всего при этом меняется и имя собственное, ср. названия цепи озер вокруг по Некрасову известных *Мазаевых Вёж* и нынешнее водохранилище под Костромой *Костромское море*.

Одной из особенностей ономастики является богатство производных, и в частности деминутивов и ласкательных. Так, имя Александр дает в русском языке такую богатую сетку:

А ведь эти деривативы можно и продолжать: *Сашочек*, *Сашуренок*, *Шурушечка*, *Шуричек* и т. п. К тому же параллельно существуют для этого имени и иноязычные эквиваленты: *Искандер*, *Сандро*, *Сендрик*... В основе здесь отношение говорящих, их взаимоотношения, их эмоции и т. п., т. е. то, что иногда в основу угла лингвистического зрения кладут американские «бихейвиористы», когда правильно, а когда и зря, так как надо строго различать случаи речи и модели языка. В русской ономастике возможность деминутивов охватывает не только имена, но — окказионально — и отчества, и фамилии, например *Марь Иванночка*, *Лидь Николавночка*, также *Зиндерок*, *Зиндерочек*, *Шаумянчик*, *Шабатики*, даже *Ушачкй* (отнюдь не от топонима *Ушаки*, а от фамилии *Ушаковы*).

А отсюда — одно важное следствие: личные имена «многолики» (но отнюдь не многозначны! см. выше), т. е. одного и того же человека можно назвать по-разному

в зависимости от ситуации речи и от взаимоотношений говорящих.

В топонимике такие двойные именования могут быть в зависимости 1) от переименования данного объекта: *Петербург — Петроград — Ленинград*; *Царицын — Сталинград — Волгоград*; *Самара — Куйбышев* и т. д., 2) либо как официальное название и «прозвище», употребляемое в просторечии: *Петербург — Питер* (это наименование и сейчас практикуется, хотя *Петербург* уже давно стал *Ленинградом*), но вряд ли можно услышать *Питерок*, *Питеруша...*, 3) либо в порядке описательной перифразы: *Ленинград — город Ленина*, *Петербург — Северная Пальмира*, *Москва — Белокаменная — Первопрестольная — Столица нашей Родины*, что уже далеко уходит из сферы собственных имен.

Но главное, все это не типично для топонимов; как правило, они не имеют ни вариантов, ни дублетов: таковы *Орел*, *Тула*, *Курск*, *Калуга*, *Кострома*, *Кинешма*, *Саратов* и т. п. А столица Болгарии только *София*, тогда как женское имя *София* имеет множество деминутивов: *Софа*, *Софочка*, *Соня*, *Сонька*, *Сонечка*, *Сонюшка*, *Сонетка* и т. д.

Словообразовательные модели топонимов и личных имен хотя и могут иногда совпадать (см. ниже), но это не типично, и, как правило, это разные модели. Так, для деривативных названий русских городов и селений характерны такие суффиксальные и реже префиксальные модели:

1) на *-ск*: *Архангельск*, *Брянск*, *Витебск*, *Вольск*, *Мценск*, *Мосальск*, *Рыбинск*, *Уральск*, *Хабаровск*... А также и *Шацк*, *Кузнецк!* Это очень продуктивная модель, свидетелем чего служат новые наименования городов на *-ск*: *Магнитогорск*, *Зеленогорск*, *Волжск*, *Дзержинск*, *Комсомольск*, *Беднодемьянск* и даже *Зеленоградск*!

2) на *-ец*: *Городец*, *Грязовец*, *Череповец*, *Торопец*, *Керженец*, *Юрьевец*, *Воротынец*, *Малый Ярославец* и т. п.

3) на «мягкую шипящую»: *Китеж*, *Пудож*, *Вавож*, *Пучеж*, *Радонеж*, *Бытош*, *Домагощь*, *Будогощь*, *Галич*, *Котельнич*; сюда же относятся и такие топонимы, где нет «мягкой шипящей», а есть эквивалентная ей просто мягкая согласная: *Новосиль*, *Суздаль*, *Ярославль*, *Судиславль*, *Рославль*, *Переяславль*, *Перемышль* и т. п.

4) на *-нь*: (от модели собирательных типа *дрянь*, *рвань*): *Рязань* (из *Резань*), *Лебедянь*, *Обоянь*, *Любань*, *Умань*, *Епифань*, *Медынь*, *Стромынь*, *Усмынь*, а по аналогии и *Казань* (из татарского *Казан*).

5) Что касается названий городов на *-ов* (*-ев*) и *-ин* или *-ово* (*-ево*) и *-ино*, то они омонимичны аналогичным фамилиям на *-ов* (*-ев*) и *-ин*, но это неполная омонимия, так как в творительном падеже они расходятся: *с товарищем Калининым*, но *с городом Калинином*, *с Петей Львовым*, но *с городом Львовом* и т. п.

Для топонимов эта модель очень типична: *Горбатов*, *Глазов*, *Гдов*, *Димитров*, *Касимов*, *Осташков*, *Порхов*, *Псков*, *Ростов*, *Серпухов*, *Одоев*, *Берендеево*, *Крюково*, *Костерево*, *Кунцево*, *Селижарово*, *Сормово*, *Чудово*, *Щелково* и, наконец, *Орехово-Зуево*; *Калязин*, *Кашин*, *Мглин*, *Скокин*, *Тихвин*, *Ядрин*; *Бармино*, *Голицино*, *Колпино*, *Кривандино*; *Лотошино*, *Ильино*, *Нахабино*, *Ступино*, *Юрино* и т. п.

6) на *-ня*: *Алешня*, *Глазечня*, *Дубечня*, *Запрудня*, *Ельня*, *Кретня*, *Лобня*, *Локня*, *Лопасня*, *Песочня*, *Пожня*, и т. п.

7) на *-на*: *Дубна*, *Крапивна*, *Купавна*, *Коломна*, *Устюжна* и т. п.

8) на *-ка*: *Дубровка*, *Добринка*, *Ильинка*, *Каменка*, *Мозженка*, *Опочка*, *Поваровка*, *Собинка*, *Щербинка* и т. п.

9) на *-ье* (по преимуществу префигированные): *Заозерье*, *Заручье*, *Заречье*, *Запрудье*, *Замошье*, *Заболотье*, *Загорье*, *Заполье*, *Замостье*, *Запорожье*, *Забродье*, *Засулье*, *Заволжье*, *Забурунье*, *Подберезье*, *Поддубье*, *Подволочье*, *Поречье*, *Разнежье*, *Усолье*, и т. п., а также: *Зимогорье*, *Копорье*, *Краснополье*, *Рыбачье*...

10) модель pluralia tantum разных подвидов: *Бороды*, *Вины*, *Вязники*, *Валуйки*, *Вербилки*, *Дертники*, *Горки*, *Лысые горы*, *Моркины Горы*, *Липки*, *Лубны*, *Львы*, *Ливны*, *Люберцы*, *Луховицы*, *Кузнецы*, *Жеребцы*, *Душищи*, *Мытищи*, *Селищи*, *Вятские Поляны*, *Великие Луки*, *Пруды*, *Озёры* (sic!), *Озерки*, *Наволоки*, *Муханки*, *Мошки*, *Кузьминки*, *Ожерелки*, *Петушки*, *Парфёнки*, *Петрищи*, *Поныри*, *Наволоки*, *Работки*, *Сумки*, *Шапки*, *Снегири*, *Щигры*, *Бронницы*, *Черновицы*, *Речицы*, *Боровичи*, *Высокиничи*, *Климовичи*, *Костюковичи*, *Сухиничи* и т. п. Формы на *-ичи* совпадают с отчествами и некоторыми фамилиями, но, во-первых, такие топонимы не представляют основ-

ной модели топонимов pluralia tantum, а во-вторых, для имен личных это не исходная форма, а форма словоизменения, а для топонимов — исходная. Любопытно, что «обиходным» названием станицы *Вёшенской* на Дону служит не *Вёшка*, а *Вёшки*.

11) на *-иха*: *Барвиха* (очевидно, *Борвиха*), *Ежиха*, *Максатиха*, *Опалиха*, *Рикасиха*, *Потопиха* и т. п.; ср. названия улиц: *Палиха*, *Плющиха*...

12) о модели на *-уха*, *-уша* А. М. Селищев замечает: «Применялись эти суффиксы редко»[25], например: *Кри-(в)уша*, *Бологуша*, *Боровуха*, *Теплуха*...

Я привожу здесь только некоторые словообразовательные модели топонимов, отнюдь не претендуя дать исчерпывающий список. Мне важно лишь показать, что это не та морфология, которая типична для личных имен.

Для личных имен свойственна цепочка деминутивов типа *Надежда*, *Надя*, *Надька*, *Надюха*, *Надюша*, *Надюшка*, *Надюшонка*, *Надюшоночка*, *Надюшечка* или *Петр*, *Петя*, *Петенька*, *Петька*, *Петруха*, *Петруша*, *Петрушка*, *Петрушечка* и т. п.; этого явления нет в топонимике. Из 12 приведенных моделей только модели на *-ов* (*-ев*) и *-ин*, да разве что на *-ичи* «страдают» омонимией топонимов и личных имен (см. выше), а такая ходовая модель для топонимики, как названия на *-иха*, очень редко встречается в личных именах, обычно в качестве прозвищ, например, *Сычиха* у Чехова в «Драме на охоте», *Кабаниха* у Островского в «Грозе» или *Витиха* в «Потонувшем колоколе» Гауптмана и под., остальные же модели топонимов вообще в реестрах личных имен не встречаются.

Особо примечательна в различении топонимов и личных имен внутренняя флексия, возникшая исторически из йотовой аффиксации в таких случаях, как:

Личное имя	Топонимы
Радонег	*Радонеж*
Домагость	*Домагощь*
Радогость	*Радогощь*

[25] А. М. Селищев. Из старой и новой топонимики. «Труды МИФЛИ», т. V. Сборник статей по языковедению. М., 1939, стр. 156. — Автор в этой статье дает полный перечень моделей русских топонимов.

Ярослав	*Ярославль*
Путив (из *Путивой*)	*Путивль*
Перехвал	*Перехваль*
Перемысл	*Перемышль*
Новосил	*Новосиль*

и т. п.[26]

Модели обоих рядов здесь явно разные. Это лишний раз показывает тенденцию языка различить форму личного имени и форму топонима.

И в путях деривации личные имена и топонимы расходятся. Так, деноминативные прилагательные от топонимов образуются суффиксом *-ский*, минуя суффиксы *-ов* (*ев*) или *-ин*: *Тула — тульский*, *Москва — московский* (где *-ов-* не суффикс!), *Курск — курский* (через гаплологию от *курскский*), а от личных имен так прилагательные образовать нельзя (*Петр — *Петрский*, *Кузьма — *Кузьмский*), здесь надо первоначально образовать деноминатив с помощью суффиксов *-ов* (*-ев*) или *-ин*: *Петр — Петров — Петровский*, *Кузьма — Кузьмин — Кузьминский* и под.

Лексически же производные прилагательные от топонимов относятся к нарицательным, если они сами по себе не являются собственными, как, например, *Покров — Покровское*, *Коломна — Коломенское* и т. п., ср. «На *московских* изогнутых улицах...» (С. Есенин) и «На страницах *Далева* (или *Далевского*) словаря...», где и *Далев*, и *Далевский* — притяжательные прилагательные и оба раза — имена собственные.

Тем самым можно установить существенное различие в модельной морфологии имен личных и топонимов, принимая во внимание всю парадигматическую сетку их деноминаций.

И все-таки, несмотря на все указанные и к тому же очевидные различия личных имен и топонимов, они принадлежат к одному лексическому классу, который в целом противостоит именам нарицательным.

Существует давний спор о том, что такое топонимика и кому же она принадлежит. В этом споре участвуют географы, историки и лингвисты. И спор этот идет по таким рубрикам: 1) является ли топонимика дисциплиной, или это объект науки? 2) если это дисциплина,

[26] А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 151.

то является ли она самостоятельной (Дикенман, Шмилауэр, отчасти Э. М. Мурзаев) или же вспомогательной, как раздел какой-либо науки, и какой? 3) какая же наука является хозяином топонимики: география? история? или лингвистика? Ответим на это по пунктам.

Во-первых, топонимика — это не -логия, т. е. не то, что характеризует модель названий наук (фонетика здесь не аргумент против — это старый термин, который, конечно, неправомерен как название науки, так же как и морфология в качестве названия области языка, а не названия науки), а главное, это действительно объект науки, это совокупность известных фактов, которые должна изучать наука, т. е. это есть сектор словарного состава языка, это лексика.

Во-вторых, как уже было сказано в самом начале этой статьи, топонимика и ономастика — «две родные сестры», образующие область топономастики, поэтому выделять одну из них (топонимику) в одну науку, а другую (ономастику) либо вообще не выделять, либо же выделять в другую науку — абсолютно нелогично. Как я старался показать, практически топонимика и ономастика (как области лексики, а не как разделы науки или особые науки) хотя и имеют каждая свою специфику, но тесно связаны своей принципиальной противопоставленностью именам нарицательным и состоят во взаимно обменных отношениях. Таким образом, делить топономастику можно только, признав ее неделимость по отношению ко всему, что не есть топонимика и ономастика. Решать вопрос о хозяине топонимики можно и должно только в свете этого положения о неделимости топономастики как объекта науки.

В-третьих, если признать, что топонимика — это часть лексики, то странно эту часть выделять в особую науку; тогда пришлось бы аналогично поступить и с другими частями лексики и нагородить искусственно множество наук, для чего ни онтологически, ни методологически никаких оснований нет.

В-четвертых, кто же должен быть хозяином топонимики? И каково отношение к ней географа, историка и лингвиста?

I. Проще всего решить этот спор в пользу географов. Действительность, стоящая за данными словами по предметной отнесенности, — географическая. Но ведь,

следуя этому принципу, надо зоонимику отдать зоологам, дендронимику — ботаникам, патонимику — медикам, техническую терминологию — техникам и т. д., вплоть до того, чтобы такие слова, как *клоп*, *гнида*, *вошь* отдать паразитологам! Если же стоять на точке зрения неделимости топономастики, то придется географа засадить за святцы, переводы художественной литературы, за списки награжденных и подающих на развод (что и делают специалисты по ономастике). Но вряд ли это занятие будет по вкусу географам.

Что же делают те географы, которые отстаивают тезис «Топонимика как географическая наука»? Для пояснения этого положения разберем аргументы статьи А. В. Маракуева «Краткий очерк топонимики как географической дисциплины»[27]. Эта статья может служить образцом добросовестной, но крайне неубедительной работы по лингвистическим вопросам под флагом географии. В. А. Маракуев пишет: «В настоящей работе мы намерены попытаться сформулировать некоторые общие положения топонимики как географической дисциплины» (29); «Топонимикой мы называем ту часть географии, которая занимается вопросами возникновения и эволюции географических названий (топонимов), изучает их форму, семантику (смысловую сторону) и синонимию, вырабатывает правила орфографии (правописания) и орфоэпии (правильного произношения), а также приемы их изображения на карте существующими системами письма и принятыми в картографии шрифтами» (29). Итак, несмотря на образовательный филологический ценз, позиция автора ясна: он отстаивает точку зрения, по которой топонимика — это географическая дисциплина. Значит, по мнению А. В. Маракуева, географы должны заниматься формой и семантикой топонимов, вырабатывать правила орфографии и орфоэпии.

Далее А. В. Маракуев объясняет, что такое топонимы: «Под топонимом (географическим названием) нами понимается имя собственное, которое в соответствующем кон-

---

[27] А. В. Маракуев. Краткий очерк топонимики как географической дисциплины. «Уч. зап. Казахского гос. ун-та», т. XVIII, вып. 2. Геология и география. Алма-Ата, 1954. — Хотя покойный А. В. Маракуев и был по образованию не географом, а филологом-востоковедом, но в данной работе он ратует в защиту топонимики как географической дисциплины.

тексте (?), с учетом места, времени, языка и письменности, служит для отличия одного какого-либо географического объекта от других географических объектов. Географические названия, или топонимы, являются частью словарного состава языка...» (32).

В дальнейшем в этой статье под девизом географии ставятся чисто лингвистические вопросы, но отнюдь не на лингвистическом уровне, например, о синонимии под заголовком «Топонимическая морфология», где рассказывается о лексическом составе сложных топонимов[28], о «топонимической фонологии», что разъяснено как «учение о системах звуков речи», т. е. «установление тех основных антропофонических... категорий, которыми определяются фонемы» (??). На стр. 49—50 излагается «теория графем», излагается опять же кустарно и неквалифицированно.

В результате добросовестных, но некомпетентных усилий автора получилась отнюдь не география, хотя автор хотел именно это и доказать, а просто плохая лингвистика. Данная статья является прекрасным аргументом, вопреки замыслу автора, в пользу того, что топонимика, как бы ее ни понимать, — не факт географии!

II. Можно ли отдать топонимику историкам? Здесь круг вопросов расширяется, так как историков интересует не только топонимика, но и ономастика. По этому поводу недавно писал польский лингвист В. Ташицкий[29]. Вот его положения:

«Историки различных направлений считают ономастику [здесь имеется ввиду главным образом топонимика, по западному толкованию слова — ономастика. — *А. Р.*] вспомогательной наукой, подчиненной их целям» (6). «...сколь ошибочно мнение историков. Ономастика не может считаться вспомогательной для истории наукой, коль скоро историки не в состоянии понять всех особенностей ономастического материала... и действовать им приходится нередко ощупью... Неумение вникнуть в формы и значения слова приводит историков ко множеству ошибок... Ономастика не может считаться вспомогательной исторической дисциплиной вроде палеогра-

---

[28] Эту же ошибку критикует В. Ташицкий у Роспонда (В. Ташицкий. Указ. соч., стр. 7).

[29] Там же, стр. 6, 7, 11.

фии, геральдики, генеалогии, сфрагистики. Она выходит за пределы компетенции историков и принадлежит к исследовательскому кругозору языковедов» (7). «Она представляет собой неотъемлемую часть языкознания, исследовательскую область прежде всего лингвистов» (11). «...это относится и к географам, которые нередко используют в своих работах топо-, оро-, и гидронимический материал, хотя по-настоящему и не понимают его» (7-я сноска).

Добавлением к приведенным высказываниям В. Ташицкого может служить также статья С. Роспонда «Перспективы развития славянской ономастики»[30], где говорится: «...ономастика слишком длительное время находилась в исследовательском русле неязыковедов, историков или географов...» (14), «Скептицизм по отношению к ономастическим псевдоэтимологиям, вызванный интерпретаторской смелостью неспециалистов и длительной „оккупацией" ономастики историками и географами, еще и поныне затрудняет правильную ориентацию в принципиальном вопросе относительно места ономастики среди гуманитарных наук. Однако теперь уже несомненно, что ее место — в сфере собственно лингвистики...» (11).

Хотелось бы еще привести одно высказывание нашего московского ученого, покойного В. К. Чичагова, о русской исторической ономастике: «Эта наука прежде всего лингвистическая, являющаяся разделом истории русского языка, поскольку материалом ее изучения является языковая действительность — собственные имена русских людей различных эпох во всем многообразии их фонетического и грамматического оформления»[31].

III. Мне остается только присоединиться в этом вопросе к мнению Ташицкого, Роспонда и Чичагова, как бы ни сетовали на меня географы и историки, ратующие за выделение «топонимики», вернее дисциплины, изучающей топонимику, в самостоятельную науку. Это, по моему глубокому убеждению, и методологически неправильно, и фактически не нужно.

Но так как топонимика законно интересует и географов, и историков, а не только лингвистов, то надо

---

[30] ВЯ, 1962, № 4.

[31] В. К. Чичагов. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., Учпедгиз, 1959, стр. 8.

здесь предусмотреть интересы всех заинтересованных и наметить разделение труда в этой области, что можно представить в виде следующей схемы:

Географический метод	Лингвистический метод	Исторический метод
поиск	анализ и интерпретация	применение
ГЕОГРАФ поставляет и комментирует географически	ЛИНГВИСТ анализирует и объясняет лингвистически	ИСТОРИК интерпретирует и применяет для истории

Т. е.: и географу, и историку есть кое-что в лингвистической работе в помощь лингвисту, но они не должны забывать о своей действительности и должны помнить, что топонимика — это слова, лексика, т. е. язык, а языком призвана заниматься лингвистика.

А. В. Суперанская

Имена собственные в чужой языковой среде

Имена собственные составляют значительную часть так называемых непереводимых слов, передающихся из одного языка в другой в той же материальной (звуковой или буквенной) форме, в какой они употребляются в языках-источниках. В связи с этим они, наряду с некоторыми нарицательными именами, образуют фонд международных слов. Однако «международность» тех и других, как и причины, по которым они заимствуются, различны. Имена нарицательные, связанные с понятиями, могут в отдельных случаях заимствоваться, а не переводиться, потому что выраженного ими понятия нет в принявшем их языке, потому что в последнем нет подходящего слова или потому, что слово, существующее в заимствующем языке, имеет иную стилистическую соотнесенность. Имена собственные заимствуются потому, что они не связаны с понятиями и в силу этого не могут быть переведены.

Отдельные случаи перевода собственных имен не опровергают этого положения, так как переводиться могут только те имена, которые близки к нарицательным. Это или описательные географические названия: *Большое Соленое озеро*, *Оранжевая река*, *Красное море*, *озеро Верхнее*, или названия, мотивировка которых связана с какими-то международными идеями, фактами, событиями: *мыс Доброй Надежды*, *острова Октябрьской Революции*. И в том и в другом случае это крупные физико-географические объекты.

Если у международных имен нарицательных интернационально значение, облеченное в аналогичную материальную форму, то у имен собственных интернационально прежде всего звучание (или иногда написание).

Имена собственные особенно часто и особенно легко заимствуются из одного языка в другой и в известном смысле являются «самыми интернациональными» словами.

В результате неоднократных переходов имен собственных из одного языка в другой, связанных как с переездами людей из страны в страну и с принятием иностранных фамилий, так и с зарубежными публикациями, мы можем говорить не только об именах собственных вообще, но и об именах собственных как факте отдельных языков и об именах собственных в чужой языковой среде. Разбирая имена собственные как факт определенного языка, мы с трудом отличаем имена, исконно принадлежавшие этому языку, от имен, давно заимствованных и натурализовавшихся в нем, и без труда выделяем имена, заимствованные недавно (или относительно недавно) и воспринимаемые как чужие, чуждые языковой системе, их принявшей. Это несоответствие системе, в которой они употребляются, является источником ряда любопытных преобразований, происходящих с именами собственными в чужой языковой среде.

Разные языки по-разному воспринимают и преобразуют иностранные имена. Одни относятся к ним по возможности бережно; другие, «не стесняясь», подгоняют их под свои нормы (орфоэпические, акцентологические, орфографические), подвергают их переразложению, опрощению и т. п. В связи с этим отметим комплекс проблем, теоретических и практических, связанных с именами собственными, употребляющимися в чужой языковой среде.

А. Теоретические:

1. Какие категории собственных имен подвержены наибольшим, а какие наименьшим преобразованиям в чужой языковой среде и почему?

2. Какова должна быть степень освоенности имен для того, чтобы они могли подвергнуться преобразованиям?

3. Имена каких языков в каких языках претерпевают наибольшие изменения и почему?

Б. Практические:

При заимствовании имен одного языка другим языком следует ли (и в какой степени) отражать те изменения, которым подверглись иноязычные собственные имена первого языка?

Мы постулируем, что изменения имен собственных в чужой языковой среде зависят прежде всего от частоты встречаемости этих имен, что существенным изменениям не могут подвергаться, с одной стороны, малоизвестные и редко употребляемые иноязычные имена и, с другой стороны, слишком хорошо известные и часто встречающиеся имена. Таким образом, указанным преобразованиям подвергается в первую очередь некоторый «средний» пласт имен, «средний» как по частоте встречаемости, так и по степени освоенности, а сами эти изменения знаменуют процесс освоения имен принявшим их языком.

Исходя из этого положения, отметим, что из шести подлежащих заимствованию типов собственных имен — 1) реальная ономастика, 2) реальная топонимика, 3) астронимика, 4) названия периодических изданий, 5) названия учреждений, не связанные с характером их деятельности, а также сокращенные названия их и аббревиатуры, 6) названия средств передвижения — такой средний пласт можно выделить у реальной ономастики и топонимики, наиболее многочисленных и наиболее часто встречающихся типов собственных имен, при этом ономастике, в силу специфичности ее употребления, подобные изменения свойственны в большей степени.

На третьем теоретическом вопросе — имена каких языков в каких языках претерпевают наибольшие изменения — мы остановимся подробнее, поскольку он теснее всего связан с практическим вопросом — какие изменения иноязычных имен собственных в чужой языковой среде следует отражать при заимствовании.

В результате наблюдения над именами собственными различных языков, употребляющимися в английском, французском и немецком языках, мы пришли к выводу, что степень изменяемости иноязычных имен собственных зависит как от традиций языка-приемника, так и от степени родства взаимодействующих языков, от того, воспринимается ли языковой материал, из которого состоят иноязычные собственные имена, как нечто свое, близкое

системе языка, принявшего эти имена, или как нечто чуждое данной системе.

Наблюдения над тем, как входят эти иноязычные собственные имена в русский язык — язык с иным грамматическим строем, — убедили нас в том, что при заимствовании их следует обращать внимание не только на фонетические и орфографические, но и на морфологические или фономорфологические факты. В связи с этим дальнейшее изложение распадается на две части: фонетико-орфографическую и морфологическую.

Поскольку морфологии принадлежит оформляющая и завершающая роль, а фонетике и орфографии — основная, воспроизводящая имя в заимствующем языке по его образу и подобию в языке исходном, мы начнем наш разбор с фактов фонетических и орфографических.

I

Фонетика и орфография в языках с буквенным письмом — это две стороны одного и того же явления, устная и письменная форма одних и тех же слов. Четкое знание всех тонкостей того и другого совершенно необходимо для человека, работающего в области транскрипции, потому что едва заметные мелочи могут порой оказать ему неоценимую услугу, например, в таком сложном деле, как определение языковой принадлежности имени собственного. Поскольку эта проблема возникает главным образом при письменном заимствовании, а не при живом общении, когда выяснение звучания имени, как и языковой принадлежности его, не вызывает трудностей, обратимся к некоторым вопросам орфографии собственных имен.

Некоторым организующим началом для написания имен собственных является написание имен нарицательных, с которыми исторически связаны имена собственные. Так, например, английская фамилия *Beaverbrook* пишется так же, как пишутся нарицательные имена *beaver* и *brook*. Однако это относится не ко всем фамилиям. Многие из них пишутся иначе, чем соответствующие им имена нарицательные. Объясняется это разными причинами: отражением диалектных особенностей; сохранением фамилией старой орфографии, в то время как нарицательные имена подчинились орфографической ре-

форме; использованием различных графических приемов для обозначения одних и тех же звуков; индивидуальным желанием человека по-особому писать свою фамилию; наконец, просто ошибкой паспортиста. Так, например, диалектными особенностями и возможностью использовать различные графические средства объясняется то, что немецкая фамилия *Майер* может писаться *Meier*, *Meyer*, *Maier* и *Mayer* при нарицательном *meier*. Лингвистически это — одна фамилия, а юридически — четыре.

Тот факт, что фамилии связаны «юридическими узами» (фиксация в паспортах и прочих документах, идентификация личности и т. п.), ставит их в особое положение, препятствует унификации их написания с написанием имен нарицательных, с которыми они связаны этимологически. Орфографические правила, закрепленные наиболее типичными и регулярными словами языка — именами нарицательными, могут влиять на написание собственных имен и «перестраивать» их написание в соответствии с правилами. В свою очередь правила чтения имен нарицательных могут оказывать воздействие на произношение имен собственных, и последние могут подчиниться правилам и перестать быть «исключением». Однако воздействие этих процессов на имена собственные довольно ничтожно и касается главным образом имен заимствованных, а не исконно своих, в связи с чем в ряде языков имеется значительное количество фамилий, которые пишутся так, как писались до орфографической реформы имена нарицательные одного с ними происхождения: голл. *Voorspuij* при нарицательном *spui*, *Oelmeijer* при нарицательном *meier*, *Weijts* при нарицательном *weit(s)*; швед. *Silfver* при нарицательном *silver*, *Åhstrand* при нарицательных *å* и *strand*; франц. *Fresnes*, *Chesnes* при нарицательных *frêne*, *chêne*. Индивидуальным желанием, стремлением выделяться, объясняется то, что нередко в написании фамилий, принадлежащих дворянам, удерживаются лишние, непроизносимые буквы, в то время как написание тех же фамилий и лиц недворянского звания точнее соответствует произношению: ср. нем. *Hoffmeister* и *Hofmeister*, дат. *Thorvaldsen* и *Torvaldsen*, англ. *Leicester* и *Lester*. Использованием равнозвучащих букв и буквосочетаний объясняются такие варианты, как исп. *Zenteno* и *Centeno*, англ. *Gillespy* и *Gil-*

lespie, *Reilly* и *Reilley*. Встречающаяся в шотландских фамилиях патронимическая частица *Мак* (сын) может иметь следующие варианты написания: *Mac*, *Ma*, *Mc*, *M'* — *MacGee*, *MaGee*, *McGee*, *M'Gee*.

Различное написание одних и тех же фамилий может быть и следствием того, что носители их жили в разных странах. Например, американский биографический справочник дает фамилию *Шустер* в написании *Schuster* у одних лиц и *Shuster* — у других. Иногда различно пишутся даже фамилии родственников: *Håkon Shetelig* и *Jakob Grubbecock Schetelig* (шведская энциклопедия). При переводах с одного языка на другой, при печатании работ в разных странах одни и те же фамилии, даже принадлежащие одним и тем же людям, могут писаться по-разному. Так, фамилии одного и того же немца и поляка пишутся в разных английских изданиях *Wetzler* и *Wetsler*, *Siekewicz* и *Siekewitz*. Все это — графические разновидности одних и тех же фамилий, обычно (кроме двух последних) являющиеся юридически разными фамилиями. С другой стороны, можно отметить и такие разно пишущиеся и одинаково произносящиеся имена собственные, разное написание которых — не варианты или правило и отклонение, а показатель того, что это разные имена. Например, англ. *Leigh* и *Lee*, *Birch* и *Burch*. Ср. географическое название *Birchwill* в Калифорнии. Оно происходит не от березы, которая там не растет, а от фамилии *Burch* с изменением написания на более понятное *Birch*.

Наоборот, можно отметить одинаково пишущиеся, но различно произносящиеся фамилии и их элементы внутри одного и того же языка. Например, фамилии *Mather* и *McAlpine* одни англичане произносят [ˈmeiðə] и [məˈkælpain], а другие — [ˈmæðə] и [məˈkælpin]. А фамилия *Buchanan* имеет у англичан три разных произношения: [bju(:)ˈkænən], [bə(:)ˈkænən] [bʌˈkænən].

Сочетание *sch*, не встречающееся в собственно английских словах, в именах немецкого происхождения читается как [ʃ]; в именах греческого, латино-итальянского, голландского происхождения — как [sk]. Поэтому транскрипция слов, содержащих это сочетание, требует особого внимания, так как могут встретиться имена *Schull* [ʃʌl], *Schwann* [ʃwɔn] наряду с *Schofield* [ˈskoufi:ld], *Schenectady* [skiˈnektədi].

Чтение слов, содержащих букву *g*, отличается в английском языке особой нерегулярностью, и правило, согласно которому эта буква читается как [g] перед *a*, *o*, *u* и как [dʒ] перед *e*, *i*, *y*, соблюдается далеко не всегда. Особенно часты отступления от этого правила в положении перед *i*: *Gillespie* [gɪ'lespi], *Gilbert* ['gilbət], *Gill* [gɪl], *Gideon* ['gidiən], *Gibson* ['gibsn], *McGee* [mə'gi:], но: *Giles* [dʒailz], *Gillette* [dʒi'let]. В некоторых фамилиях отмечаются колебания: *Gifford* ['gifəd] и ['dʒifəd], *Giffen* ['gifin] и ['dʒifin]. Если в имени собственном после конечного *g* следует немое *e*, это еще не значит, что *g* должно произноситься как [dʒ]: *Synge* [sɪŋ], *Berge* [bɜ:g], *Bergey* ['bɜ:gi]. Точно так же *g* обычно произносится перед суффиксом *-er* в тех фамилиях, где ясна морфологическая граница корня и суффикса, если корень без суффикса употребляется в языке в качестве самостоятельного нарицательного или собственного имени: *Twiger* ['twɪgə] (ср. *twig*). Иногда же *g* произносится как [dʒ], даже если после него нет *e* (*i*, *y*), если данная фамилия имеет иной графический вариант с *e*: так, фамилия *Bridgman* произносится так же, как и *Bridgeman* — ['bridʒmən].

Можно отметить и одинаково пишущиеся фамилии разных языков, которые могут быть как следствием общего происхождения, так и следствием заимствования. Несмотря на одинаковое написание, эти фамилии обычно имеют свое особое произношение и различный фонемный состав в каждом из языков. В этих случаях нередко бывает трудно, а иногда и невозможно определить, какому языку это имя собственное принадлежало изначально, а в какой было заимствовано. Такие имена обычно бывают в равной мере принадлежностью каждого из языков, их принявших. Например, фамилия *Jordan* у англичан звучит ['dʒɔ:dn], у немцев — ['jɔ:rdən]. Фамилия *Gutterman* у немцев — ['gutərmən], а у англичан — ['gʌtəmən]; *Lehman* у немцев — ['le:mən], у англичан — ['li:mən].

В скандинавских языках есть много одинаково пишущихся фамилий, имеющих, однако, различное произношение в зависимости от языка: *Skjerven* — ["sgæ'vən] по-датски, ["ʃær'vən] по-норвежски; *Kjellmark* — ["tʃɛlmɑrk] по-шведски, ["k'ɛlmɑrk] по-норвежски; *Gjedser* — ['ɡɛsə̝] по-датски, ['ɟesər] по-шведски.

Такое большое расхождение в фонемном составе фамилий в зависимости от языка, которому они принадлежат, свидетельствует о том, что нельзя при заимствовании этих фамилий русским языком опираться на форму, свойственную лишь одному из тех языков, в которых эти фамилии встречаются, и что везде, где есть хоть малейшие данные о национальной принадлежности автора, их необходимо использовать.

К случаям разночтения одинаково пишущихся имен в разных языках близко подходят случаи употребления иностранных имен собственных в чужой языковой среде. Но первое относится к именам, распространенным в двух или нескольких языках, одинаково хорошо прижившимся во всех языках, в которых они встречаются, и имеющим в каждом языке определенную традицию, а второе — к именам, недавно заимствованным тем или иным языком из языков, в которых они издавна употреблялись, что обычно имеет место при переселении лиц из одной страны в другую или при употреблении носителями одного языка имен, принадлежащих другому языку.

Мы уже говорили о том, что иностранные имена собственные обычно меняются в чужой языковой среде, перестраивая свое произношение в сторону приближения к фонетике заимствующего языка, поскольку фонетическая система каждого языка строго индивидуальна, и представители одного языка не могут без специальной тренировки абсолютно точно произносить имена другого языка. Поэтому каждое имя, попадая в чужую языковую среду, претерпевает те или иные изменения: они могут быть минимальными и выражаться лишь в особой манере произносить звуки, общие обоим языкам, и могут быть очень существенными и приводить к перестройке всего облика имени (при чтении орфограмм одного языка в соответствии с правилами другого языка) или к изменению написания имени при более или менее точном сохранении его произношения.

При практической транскрипции могут встретиться различные случаи употребления имен в чужой языковой среде. Наиболее типичные из них: 1) имена известной языковой принадлежности в чужой (известной) языковой среде, 2) имена неизвестной языковой принадлежности в чужой (известной или неизвестной) языковой среде и

3) своеобразное сочетание в одном имени элементов двух или нескольких языков — «гибридные образования». Рассмотрим эти случаи.

1. Имена известной языковой принадлежности в чужой (известной) языковой среде

Как уже отмечалось, различные языки по-разному воспринимают иностранные имена. Рассмотрим это на примерах английского, немецкого и французского языков, каждый из которых по-своему показателен.

Английская языковая среда

В силу особых исторических условий (миграция, колонизация) в странах английского языка особенно много имен собственных, главным образом фамилий, иностранного происхождения. При сохранении изначального написания в большинстве из них имеются отклонения от их изначального произношения. Так, фамилии германских языков (языков близкородственных английскому) обычно читаются в соответствии с правилами английского языка или представляют собой некоторый компромисс между произношением их в исходном языке и тем произношением, какое имело бы слово, если бы его прочитали в точности в соответствии с правилами английского языка, например: *Vogel* [vɔgl], *Schwarz* [ʃwɔ:z], *Wagner* ['wægnə], *Wald* [wɔ:ld]. Если фонемный состав и написание иностранной фамилии не входят в резкое противоречие с орфографией и фонемным составом английского языка или если лицо с неанглийской фамилией живет в стране английского языка недавно, оригинальное произношение его фамилии может частично или полностью сохраниться, например в фамилии *Speiser* нередко сохраняется дифтонг: ['spaɪsə], фамилии *Baum* и *Kaufman* могут сохранить полностью свое немецкое произношение: [baum], ['kaufmən], но наряду с таким произношением этих фамилий биографические справочники отмечают и произношение [bɔ:m], ['kɔ:fmən] — с полной англизацией. Примеры компромиссного произношения наблюдаются в таких фамилиях, как *Sauer*: не ['zauər], но и не ['sɔ:ə], а ['sauə]; *Schieldknecht*: не ['ʃɪldneçt[, но и не ['ʃaɪldnetʃt], а ['ʃildnekt], ср. с дру-

гой фамилией, содержащей ту же морфему, — *Rotschield*, которая вследствие контаминации произносится ['rɔθtʃaild], как если бы здесь была морфема *child*. Компромиссное чтение ['ulrik] имеет и немецкая фамилия *Ulrich*, хотя в некоторых справочниках можно встретить и ее полностью англизованное произношение ['ʌlrɪtʃ].

Пути изменения произношения иностранных фамилий во многом зависят от входящих в их состав буквосочетаний, например голландские фамилии, содержащие сочетание *oe*, обычно сохраняют свое изначальное произношение, так как они не имеют удовлетворительного чтения в соответствии с правилами английского языка и в то же время нередко содержат морфемы, аналогичные морфемам английского языка, произносящиеся подобным же образом: *Woerkom* ['wurkəm], *Woellner* ['wulnə], *Woelffer* ['wulfə]. Если же носители этих фамилий натурализуются в странах английского языка, их фамилии, при сохранении того же произношения, могут изменить свое написание, приблизив его к английскому. С другой стороны, такая голландская фамилия, как *Speekman*, не может сохранить в странах английского языка произношения ['spe:kmən], и все будут произносить ее ['spi:kmən], поскольку *ee* — типичное английское сочетание.

Сочетание *ch* обычно произносится в английском языке как [tʃ], но в немецких, голландских, скандинавских и славянских именах собственных оно часто произносится как [k]: *Buchman* ['bukmən], *Kocher* ['kɔkə], *Bach* [ba:k] (фамилия немецкого композитора), но *Bach* и *Bache* — [beitʃ] (английские фамилии), *Voinich* — ['vɔɪnɪk] (хотя *ch* здесь не что иное, как английская транскрипция польского *cz* [ч]).

Из современного состояния английского языка нельзя объяснить и различное произношение слов, содержащих сочетание *gh: rough* — [f], *ghost* — [g], *plough* — не произносится вовсе. Вопрос о чтении слов, содержащих это сочетание, значительно осложняется еще и тем, что, помимо слов германского происхождения, оно часто встречается в словах, и особенно в именах собственных, кельтского происхождения, где правила чтения совсем иные. Кельтские фамилии разбросаны по всем странам, в которых принят английский язык; среди них есть фамилии распространенные и общеизвестные, написание

которых ассоциируется с их произношением помимо каких-либо правил: *Vaughan* [vɔ:n], *Brougham* [brum], *Leighton* [leitn], *Leigh* [li:]. Что же касается других, менее известных кельтских фамилий, то разные словари указывают на разное произношение их, и даже один и тот же словарь может давать несколько вариантов произношения одной и той же фамилии. Так, Д. Джонс дает *Laughlin* [ˈlɔklɪn], [ˈlɔflin] и [ˈlɑ:flɪn], *McLaughlin* — [məˈklɔklɪn], в то время как Уэбстер транскрибирует *Laughlin* как [ˈlæflɪn] и *McLaughlin* как [məˈklɑ:flin]. Словари нередко помечают и английское, и кельтское, и англизированное кельтское и кельтизированное английское произношение, при передаче же этих имен средствами русского языка необходимо остановиться на каком-то одном варианте чтения фамилии: на первом варианте, как отражающем наиболее распространенное произношение, или, если имя встречается в нескольких словарях, на наиболее часто встречающемся варианте.

В связи с тем, что в английской лексике немало французских слов и что французские буквосочетания не только не чужды английскому языку, но и имеют в нем свое англизованное чтение, французские имена, подчиняясь английским правилам чтения, очень сильно меняются: *Leboeuf* [ləˈbʌf], *De la Mare* [deləˈmɛə], *Hugo* [ˈhju : gou] и т. п.

В словах, недавно заимствованных в английский язык, *g* может читаться и как [ʒ]: *barrage* [ˈbærɑ:ʒ], *prestige* [presˈti : ʒ]; в словах, хорошо освоенных в языке, [ʒ] меняется на [dʒ]: *tonnage* [ˈtʌnidʒ], *Prestige* [ˈprestidʒ] (фамилия).

Имена неродственных и отдаленнородственных языков в английской языковой среде остаются обычно без изменения, поскольку они имеют слишком мало общих материальных элементов со словами английского языка и обычно не могут быть прочитаны в соответствии с правилами английского языка: польск. *Krzywoblockt* [kʃiwəˈblɔtski], исп. *Guiana* [giˈɑ:nə], итальянск. *Scala* [skɑ:lə], китайск. Tung. [tuŋ].

Каково же должно быть отношение транскрибирующего ко всем этим фактам? Очевидно, в связи с общими тенденциями не менять произношения имен неродственных и отдаленнородственных языков в английской языковой среде, он должен оставлять фамилии, принадле-

жащие представителям этих языков, без изменений в той национальной форме, которая свойственна для них в языках-источниках, если только нет указания на то, что носитель той или иной фамилии натурализовался в одной из стран английского языка и стал по-иному произносить свою фамилию; но в этом случае изменение произношения нередко сопровождается и изменением написания фамилии.

Что же касается фамилий германского и французского происхождения, то в отношении их необходима очень строгая дифференциация. Необходимо иметь хотя бы минимальные биографические данные о носителях этих фамилий, и если они родились, выросли и работают в странах английского языка, необходимо транскрибировать эти фамилии в соответствии с их новым фонемным составом, получившимся в результате англизации, так как в этом случае они не могут не произноситься на английский лад. Если же носители этих фамилий — недавние выходцы из других стран, фамилии их должны читаться в соответствии с правилами их родного языка, несмотря на то, что в Англии или Америке некоторые могут произносить их фамилии иначе.

Немецкая языковая среда

В немецком языке произношение ряда иностранных имен подвергается изменению под влиянием правил чтения, принятых в немецком языке, некоторые иностранные имена сохраняются без особых изменений, некоторые приобретают компромиссное чтение. Здесь имеет значение не столько степень родства языков, из которых заимствуются имена, сколько привычка общаться с представителями тех или иных стран, глубина и прочность традиций этого общения и знакомство с фонетико-орфографическими особенностями тех языков, имена которых употребляются в немецком языке. Для сохранения произношения имен малоизвестных языков, правила чтения которых в значительной степени расходятся с правилами немецкого языка, в Германии применяется частичная транскрипция: турецк. *Kaimakçalan — Kaimaktschalan*, хинди (через англ.) *Jungle — Dschungel*. К частичной транскрипции прибегают и в тех случаях, когда имеются большие и прочные традиции культур-

ного общения, но в немецком языке нет какой-нибудь фонемы, имеющейся в слове исходного языка: так, например, французское имя *Serge* транскрибируется в Германии как *Sersche* и произносится ['zɛrʃə].

Наиболее обычным при употреблении имен тех языков, с представителями которых немцы имели прочное и длительное общение, является сохранение исходного написания и в ряде случаев исходного произношения. Так, например, сохраняется произношение голландского сочетания *ui* (*uy*) как [ɔɪ]: *Ruyter* ['rɔitər], *Treckschuit* ['trɛkʃɔit], но сочетание *sch* (голл. [sx]) произносится на немецкий лад — [ʃ]. Венгерские имена часто произносятся по-венгерски, особенно в Австрии: *Szegedin* ['sɛ:-gɛ·di:n], *Kossuth* ['kɔʃu:t], но нередко их произношение изменяется и на немецкий лад: ['kɔsu:t]. Начальное [s] сохраняется в ряде английских имен: *Salisbury* ['sɔ:lz-bəri], *Sommerset* ['sɔmə:sət]. Во французском географическом названии *Sedan* наблюдаются колебания: [sɛ·'dã] и ['ze:dan]. Компромиссное чтение можно отметить в такой французской фамилии, как *Hausse* ['ho:sə], при французском [o:s][1].

Практические выводы в отношении иностранных имен собственных, употребляющихся в немецкой языковой среде, надо сделать, очевидно, те же, что и в предыдущем разделе. Но поскольку произносительные словари немецкого языка — большая редкость, здесь максимум внимания необходимо сосредоточить на биографических данных лиц с ненемецкими фамилиями.

Французская языковая среда

Во французский язык иностранные имена принимаются обычно в исходной орфографии, читаются же они так, как это наиболее удобно для французов, при этом нередко не обращается никакого внимания на их подлинное произношение. Так, например, английские имена, содержащие сочетания *ay*, *ey*, *ai*, *ei* читаются во французском языке с полуоткрытым [e], хотя в английском языке они могут иметь самое разнообразное чтение: *Reynolds* ['renldz], *Fairfax* ['fɛə-fæks], *Seymour* ['si:mɔ:], *Taylor* ['teilə], *Ralleigh* ['rɔ:li]. А английская фамилия

[1] См.: J. Bithell. German pronunciation and phonology. London, 1952.

Leicester по неведомым причинам нередко произносится во Франции на немецкий лад — [laisɛ'stɛ : r], в то время как по-английски она произносится ['lestə].

Немецкий дифтонг [ai] превращается обычно во французском языке в [ei]: *Meyer* [mɛi'jɛ : r] или в [ɛ] открытое: *Heine* [ɛn], *Eichthal* [ɛʃ'tal], *Schneider* [ʃnɛ'dɛ : r]. В таких фамилиях, как *Fahrenheit*, *Geissler*, и в именах менее известных сохраняется немецкий звук [2].

Славянские имена во французском языке меняют не только свое произношение, но и написание, которое приспособляется к изменившемуся произношению: *Stanislas* [stani'sla : s], *Ladislas* [ladi'sla : s], *Leczinski* [lɛkzɛ̃'ski] вместо польск. *Stanisław*, *Władisław*, *Leszczyński*.

Очевидно, при существующем положении практический вывод для транскрибирования придется сделать иной, нежели в двух предыдущих разделах. Учитывая то обстоятельство, что во французской языковой среде иностранные имена меняются до неузнаваемости, что очень сильно искажается их фонемный состав, с одной стороны, а с другой стороны, что в силу исторических обстоятельств Франция не является, подобно США, страной, где живет и натурализуется масса иммигрантов, и что имена эти являются в большинстве случаев лишь французской формой употребления фамилий иностранцев, а не лиц, натурализовавшихся во Франции, мы должны знать, каким изменениям могут подвергаться иностранные имена во французском языке, но лишь в редких случаях отражать эти изменения в практической транскрипции, когда нам доподлинно известно, что человек с иностранной фамилией — француз. В подавляющем же большинстве случаев необходимо транскрибировать все эти фамилии в соответствии с их фонемным составом в исходных языках.

2. Имена неизвестной языковой принадлежности в чужой (известной или неизвестной) языковой среде

В практике транскрибирования бывают и такие случаи, когда языковая принадлежность имени неизвестна. Обычно это относится к фамилиям авторов, на чьи ра-

[2] См.: Ph. Martinon. Comment on prononce le français. Paris, 1913.

боты делаются ссылки в тексте. При этом иногда бывает известно место публикации этим лицом работы и язык, на котором эта работа опубликована. Но все это может в лучшем случае дать указание лишь на языковую среду, которая не всегда является родной для носителя той или иной фамилии.

Особенно часто такие случаи встречаются в книгах и журналах, изданных в США. На общем фоне английского языка отдельные фамилии выделяются как иностранные главным образом потому, что они содержат непривычные для английского языка буквосочетания или неанглийские морфемы.

Среди этих имен можно выделить такие, о языковой принадлежности которых можно догадаться, сопоставив их с наиболее типичными именами других языков. Так, встретив в изданиях США фамилии *Cibula* и *Vitovec*, нетрудно догадаться об их славянском происхождении: *Цибуля*, *Витовец*. То же относится к фамилиям *Kucera*, *Vecera*, хотя с ними дело обстоит несколько сложнее, так как в них утрачены диакритические значки, очевидно по причине их отсутствия в английском наборе.

Но поскольку удовлетворительного чтения на основе английского языка эти фамилии не имеют, приходится восстанавливать их оригинальное написание по словарям и справочникам: *Kučera*, *Večeřa* и транскрибировать реконструированные формы: *Кучера*, *Вечержа*. Однако реконструкции возможны не всегда, и такие англизированные фамилии, как *Golay*, *Swezey*, исторически, видимо, славянские, можно читать лишь в соответствии с правилами английского языка: ['gɔli], ['swezi].

Такие фамилии, как *Mai*, *Pai*, выглядят неанглийскими, потому что на конце в них пишется *i*, а не *y*. Биографические справочники показывают, что это — китайские фамилии *Май* и *Бай*. По тем же справочникам можно установить, что фамилии типа *Tohru*, *Inoue* — японские: *Тору*, *Иноуэ*, а фамилии *Juncosa*, *Braganca* — испанская и португальская (в последней утрачен диакритический значок): *Хункоса*, *Браганса*. Поскольку удовлетворительного чтения многие из этих фамилий на основе английского языка не имеют, их лучше читать в соответствии с правилами тех языков, которым они принадлежат.

Значительно труднее для транскрибирующего те случаи, когда такое предварительное исследование по биографическим и фонетическим справочникам не дает результата, когда в каком-нибудь языке встречается имя собственное, явно ему не принадлежащее, и когда нет указаний на то, какому языку оно принадлежит. Так, например, нередко бывает трудно определить национальную принадлежность лица, живущего в стране со смешанным национальным составом (Швейцария, Бельгия, Южно-Африканская Республика, США). В таких случаях для определения национальной принадлежности фамилии приходится прибегать к лингвистическому анализу.

Например, человек по фамилии *Cagianut* живет в Цюрихе и публикует работу в Англии на английском языке. Английский язык не является еще показателем того, что автор работы — англичанин. В Цюрихе преобладает немецкое население, но фамилия не похожа на немецкую. В таком случае необходимо попробовать разложить фамилию на морфемы применительно к разным языкам, а также проанализировать отдельные буквосочетания с точки зрения их языковой принадлежности. Морфологический анализ в данном случае едва ли возможен. Что же касается буквосочетаний, то начальное *c* и сочетание *gia* очень типичны для итальянского языка; но для итальянских фамилий типично также оканчиваться на гласный звук. Поэтому, хотя отдельные части фамилии и соответствуют буквосочетаниям итальянского языка, общий облик ее не итальянский. Начальное *c* и конечное *ut* типичны для французских фамилий, но для французского языка не характерно сочетание *gia*: чтобы *g* читалось как [ʒ], после него бы писалось *e*, а не *i*. Однако сочетание *gia* не является невозможным для французского языка, и здесь приходится принять французский вариант чтения фамилии — [kaʒja'ny].

Лингвистический анализ приходится применять и для выяснения языковой принадлежности фамилий *Pesce* (немецкий журнал) и *Fiscella* (издание США). Обе эти фамилии содержат сочетание *sc*, очень типичное для итальянского языка, они оканчиваются на гласные и не содержат ничего противоречащего тому, чтобы их читать по-итальянски: ['pɛʃə], [fi'ʃɛla], тем более что они не имеют удовлетворительного чтения ни по-немецки, ни по-английски.

Разложение на морфемы также может помочь определению языковой принадлежности фамилии. Так, анализ фамилии *Overkamp* (немецкий журнал) показывает, что она состоит из морфем *over* и *kamp*. Фамилия эта германская, но не немецкая, потому что в немецком языке нет приставки *over*. Она есть в голландском и английском языках, но в английском языке корневая морфема этой фамилии имела бы написание *camp*; следовательно, это — голландская фамилия *Оверкамп*.

3. «Гибридные» имена и фамилии

Межнациональные браки, частые в странах со смешанным национальным составом населения, а также заимствование имен собственных и отчасти миграция с последующей натурализацией приводят к созданию так называемых «гибридных» имен и фамилий, в состав которых входят элементы двух или нескольких языков. Гибридизацию можно наметить по двум линиям: 1) имя одного языка в сочетании с фамилией другого языка и 2) морфемы разных языков внутри одной фамилии.

1) Имя одного языка в сочетании с фамилией другого языка

Гибридные образования этого типа обычно встречаются в Бельгии, Дании, Германии, Франции, где часты переселения представителей одной национальности в страну с населением, принадлежащим к иной национальности. Примерами таких «гибридов» являются *Ivan Peychet* (русско-французский), *Alfred Maurice Sookne* (франко-голландский), *Paul Eugène Etienne Wenger*, *Frank Tatibouët*, *Willy Voirol* (немецко-французские), *Frederik Christian Rostgaard von der Maase* (датско-немецко-голландский).

Несмотря на наличие таких разнонациональных элементов в составе имен одних и тех же лиц, читать все части их имен надо, видимо, в соответствии с правилами лишь одного какого-нибудь языка — видимо, языка той страны, в которой данное лицо живет. Вообще же случаи эти строго индивидуальные, и там, где есть указания на произношение имен и фамилий данных конкретных лиц, необходимо их максимально использовать.

2) Морфемы разных языков внутри одной фамилии

Иногда внутри одной фамилии можно встретить морфемы, принадлежащие разным языкам, например *van den Boomgaard*, *van Hulssen* (голландско-датские гибриды), *Gravenstein* (голландско-немецкий или шведско-немецкий), *Hirschfield* (немецко-английский). Очевидно, сохраняя особенности инонационального написания, эти морфемы подчиняются правилам чтения того языка, в котором употребляются данные фамилии и которому принадлежит другая их морфема: англ. *Hirschfield* — ['hɜ : ʃfi : ld], голл. *van den Boomgaard* — [ˌvandən'bo : mgɑ : rd]. Аналогичные примеры можно найти и в других языках. В связи с этим при заимствовании имен собственных из одного языка в другой транскрибирующий должен с максимальной четкостью предусмотреть все возможные случаи употребления иноязычных имен и все возможные варианты их произношения и, увидев в английском журнале фамилию *Jespersen*, не писать ее тут же как *Джесперсен*, так как это — типичная скандинавская фамилия.

Таковы основные фонетические и орфографические трудности, которые следует иметь в виду при заимствовании имен собственных из языков для них неродных. Трудности эти могут встретиться при заимствовании имен любых языков в любые языки.

II

В отличие от фонетических и орфографических, морфологические затруднения возникают лишь в тех случаях, когда хотя бы один из взаимодействующих языков синтетический. Морфологический аспект касается главным образом окончаний имен собственных, так как именно они обычно и выражают грамматические отношения слов в синтетических языках.

Для удобства дальнейшего изложения материала мы делим его на три части: 1) имена несинтетических языков в синтетических языках, 2) имена синтетических языков в несинтетических языках, 3) имена синтетических языков в синтетических языках.

1. Имена несинтетических языков в синтетических языках

В синтетических языках существительные обладают специальной грамматической формой, вне которой они не существуют и не могут формировать предложение. Так, в немецком и русском, латышском и литовском языках существительные имеют несколько свойственных им падежных форм единственного и множественного числа и каждое существительное принадлежит определенному грамматическому роду.

В несинтетических языках, например в аналитических английском и французском, практически нет падежей. Сохраняется различие форм числа как реально существующее в мире вещей. Род существительного не определяется его грамматической формой, сохраняясь лишь в словах, с ним связанных (артикли, прилагательные во французском языке). О существительных несинтетических языков можно сказать, что они существуют как слова, зная которые, можно составить предложение без специального грамматического оформления их.

Попадая в синтетические языки, слова и имена собственные несинтетических языков должны получить соответствующее оформление, чтобы употребляться в принявшем их языке наряду с его исконными словами. Это оформление определяется двумя факторами: степенью синтетичности языка-приемника и его традициями. Например, в высоко синтетических литовском и латышском языках почти все слова и имена собственные несинтетических языков получают соответствующие аффиксы, если только иностранный облик их не созвучен с одним из типов склонения, существующего в языке. Например, латыш.: *Londona*, *Parīze*, *parteris*.

При заимствовании имен собственных несинтетических языков через посредство языков этого типа следует обращать особое внимание на флексии, отбрасывая их там, где это необходимо.

В не столь ярко синтетических немецком и русском языках чаще к окончаниям имен собственных несинтетических языков ничего не добавляется, и наоборот, в зависимости от этих окончаний иностранные слова приспособляются к одному из существующих типов скло-

нения (обычно с полным игнорированием рода и числа этих слов в языке-источнике). Однако известны и случаи оформления этих слов и имен собственных суффиксами заимствующего языка. Например, из фр. *gravure* в современном русском языке получалась *гравюра*. Ср. с употреблявшейся в XVIII—XIX вв. формой *гравюр*. Многие названия английских и французских рек имеют в русском языке окончание *-а*, которого в исходных языках нет: *Темза*, *Сена*, *Марна*, *Уаза* и т. д. До последнего времени так же оформлялись женские личные имена: *Сандрильона*, *Розина*, *Жанна*, *Полина* и т. д. В немецком языке те же французские и английские имена собственные произносятся с конечным *-е* (непроизносимым в языках английском и французском), что способствует их восприятию как имен женского рода: *Jeannette* [ʒa'nɛtə], Seine ['sɛ : nə].

При заимствовании имен собственных несинтетических языков через посредство немецкого языка требуется не транскрипция в чистом виде, а транскрипция с учетом национальных традиций как языка-посредника, так и языка-приемника.

2. Имена синтетических языков в несинтетических языках

Если для синтетических языков очень существенно, в какой форме будет сделано заимствование, то для несинтетических языков это абсолютно безразлично. Практически они могут взять за основу форму любого падежа и числа слова синтетического языка. Обычно такой формой бывает форма именительного падежа единственного числа. Таковы, например, латино-английские заимствования: *Thucydides* [θju(:)'sididi : z] (Фукидид), *Apollo* [ə'pɔlou] (Аполлон)[3]. Иногда, впрочем, ученый педантизм латинистов приводил к тому, что заимствовались формы именительного падежа единственного и множественного числа. Как результат этого в современном английском языке имеется несколько слов, образующих множественное число не по правилам: *genius — genii*, *datum — data* и некоторые другие. При этом сти-

[3] Исходным материалом для заимствования была латинская форма этих имен, а греческий оригинал во внимание не принимался.

хийно возникающие регулярные формы множественного числа типа *geniuses* до сих пор одобряются не всеми и не везде допускаются.

Славянские фамилии типа польск. *Sokołowski*, *Jabłońska* в английском и французском языках принято передавать в тех же формах, но обычно с заменой *i* на *y* в фамилиях мужского рода: *Sokołovsky*, *Jabłońska*. До последнего времени так же писались и русские фамилии: *Petrovsky*, *Tikhvinska*. В XX в. усиливается тенденция сохранения за русскими именами их национального облика: *Petrovskiy*, *Tikhvinskaya*, тем более что для языков несинтетических это грамматически безразлично.

При заимствовании имен синтетических языков несинтетическими языками возникает еще одна проблема: различение мужских и женских фамилий. Во многих несинтетических языках не существует специально выраженных грамматических форм для фамилий мужских и женских, ср. *мистер Джон Смит*, *миссис Джон Смит*; *месье* и *мадам Пьер Пуассон*. Этим обусловливается невосприимчивость этих языков к различению мужских и женских фамилий языков синтетических. В английских, французских и в некоторых других европейских публикациях встречаются такие сочетания имен и фамилий, как *Patricia Novicky*, *Anne Petrov* (или *Petroff*), *Elizabeth Fomin*. В русской передаче подобные фамилии надо, видимо, снабжать окончанием *-а* (*-ая*). От фамилий типа *Fomin* следует отличать английские и скандинавские фамилии типа *Darwin*, *Hultin*, которые не следует оформлять подобным образом.

3. Имена синтетических языков в синтетических языках

Это — наиболее сложный случай, потому что, если один из взаимодействующих языков несинтетический, то наносное, что получено при заимствовании сло́ва в язык другой системы, прозрачно, легко распознается и при заимствовании в третий язык отбрасывается, если этого требуют нормы третьего языка. При заимствовании же из одного синтетического языка в другой иногда (когда это не близкородственные языки) трудно бывает определить, что́ принадлежало слову исконно, что́ добавлено во втором синтетическом языке и как посту-

пать с имеющимися флексиями при заимствовании в третий язык. Приведем несколько примеров из языков латинского и греческого, латышского и литовского, немецкого и русского, польского и чешского.

Латинские и греческие имена собственные, как и существительные вообще, обладают богатой системой флексий. При заимствовании имен собственных одного из них в другой транскрибированная основа языка-источника обычно оформлялась флексиями заимствующего языка: Δημόκριτος — Democritus, приспосабливаясь к системе его склонения. В некоторых случаях допускалась и транслитерация: Φιλοκτήτης — Philoctēta и Philoctētēs.

В настоящее время имена знаменитых греков и римлян вошли в единый международный культурный фонд, при этом они чаще всего печатаются латинским (более доступным) алфавитом, независимо от языковой принадлежности имен. В связи с этим возникает трудность в написании греческих флексий. Одни пишут их, исходя из греческого написания слов, другие — заменяя греческую флексию латинским вариантом ее. И те и другие по-своему правы. При заимствовании латинских и греческих имен в немецкий язык флексии, как правило, сохраняются: *Sokrates*, *Pompeius* (и *Pompejus*). В русском языке эти же флексии, как правило, отбрасываются, в ряде случаев заменяясь другими, русскими: Σωκράτης — *Сократ*, Θουκυδίδης — *Фукидид*, *Pompejus* — *Помпей*, ср. греч. Ὀδυσσεύς — *Одиссей*, лат. *Julius* — *Юлий*.

Итак, один и тот же материал (латино-греческий) имеет две разные тенденции передачи в двух разных синтетических языках — в немецком и русском. Иногда эти две тенденции сталкиваются, ставя транскрибирующего в затруднительное положение. Например, немецкие ученые XV—XVII вв., воспитанные на латинских традициях, нередко придумывали себе фамилии по латинским образцам: *Johann Friedrich Erasmus*, *Christoph Cellarius*, *Christian Crusius*, *Johannes Loccenius*, *Franz Ulrich Theodor Aepinus*. Передача их фамилий средствами русского языка вызывает споры. Одни считают, что, поскольку все эти фамилии созданы из латыни и по ее образцам, с ними следует поступать так же, как с исконно латинскими: *Erasmus*—*Эразм*. Другие требуют дифференцированного подхода и счи-

тают необходимым сохранять окончания фамилий у этой категории людей, дабы отличать их от древних греков и римлян. Хотя обе точки зрения заслуживают уважения, мы склонны скорее присоединиться ко второй. Тем не менее необходимо отдать дань и традициям: наиболее часто встречающиеся и наиболее распространенные имена деятелей раннего Возрождения вряд ли стоит переиначивать, в частности вряд ли стоит превращать *Эразма Роттердамского* в *Эрасмуса*. Однако фамилии менее известных лиц стóит передавать с сохранением флексии именно для того, чтобы подчеркнуть их отличие от римлян (имя собственное должно максимально дифференцировать).

Дальнейшее развитие латинского окончания *-us* находим в скандинавских (чаще всего шведско-финских) фамилиях лиц, происходящих из духовной среды: *Борелиус*, *Валениус*, *Сибелиус*, *Топериус*. Эти случаи не подлежат сомнению: передавать окончание *-ус* следует.

Отголосок традиции отбрасывать флексию при заимствовании в русский язык находим в передаче латышских фамилий средствами русского языка. Такая передача была принята еще до революции. Нашла она отражение и в Постановлении Правительства Латвийской ССР[4], в котором было предписано транскрибировать те латышские фамилии, конечный согласный основы которых не меняется в косвенных падежах, в форме чистой основы без флексии именительного падежа: *Bērziņš* — *Берзинь*, Krišjānis — *Кришьян*, а фамилии, у которых в косвенных падежах меняется конечный согласный основы, — с флексиями именительного падежа: *Lācis*, *Lāča* — *Лацис*. Однако правила эти сложны и громоздки, в них предусматривается много мелких частных случаев, и соблюдаются они далеко не всеми. Большинство латышей транскрибирует свои фамилии, сохраняя флексии именительного падежа во всех случаях: *Ieviņa* — *Иевиня*, *Upmalis* — *Упмалис*, *Melderis* — *Мелдерис* и т. д. Мы считаем, что, вместо того, чтобы передавать на русский язык часть латышских фамилий в усеченном виде, а другую — с флексиями, следует

[4] Собрание постановлений и распоряжений Правительства Латвийской ССР. Рига, 1945, 28 и 31 декабря.

сохранять флексии во всех случаях, транскрибируя все латышские фамилии одинаково.

Особенно ясно неоправданность указанных правил выступает при сравнении транскрипции латышских и литовских фамилий. Последние транскрибируются с флексиями именительного падежа во всех случаях: *Tilvytis — Тильвитис, Maniukas — Манюкас, Čiurlionytė — Чюрлёните, Gražys — Гражис, Gražienė — Гражене, Gražytė — Гражите, Varškevičiutė — Варшкевичюте, Bučaitė — Бучайте, Vardunas — Вардунас.*

Более правильным, очевидно, будет передавать латышские и литовские фамилии, исходя из одного и того же принципа: транскрибировать их полностью, принимая за основу форму именительного падежа — форму, официально принятую и документально закрепленную (при паспортизации). Принцип передачи без флексий не годится, потому что он не может быть выдержан до конца (как при передаче латинских имен). Кроме того, передача без флексий не позволяет различать фамилии мужские и женские, ср. *Staltmanis — Staltmane, Bērziņš — Bērziņa — Сталтман, Берзинь* вместо *Сталтманис — Сталтмане, Берзиньш — Берзиня.* В фамилиях типа *Сталтман* такая передача стирает и национальные особенности латышских фамилий, уподобляя их фамилиям германским.

При заимствовании русским языком некоторых латышских фамилий (особенно это относится к фамилиям латышей, живущих в России) отмечается еще один дополнительный момент — русификация. Например, фамилии типа *Берзинь* превращаются в *Берзин*, а *Берзиня* — в *Берзина.* Это один из случаев морфологизации окончаний, т. е. замена фонематической передачи передачей морфологической, — случай, довольно редкий при заимствовании из языков отдаленнородственных.

При заимствовании литовских фамилий в латышский язык и наоборот, как и при греко-латинских заимствованиях, флексии одного языка регулярно заменяются флексиями другого языка, ср.[5]:

---

[5] Примеры взяты из «Справочника по орфографии и орфоэпии иноязычных имен собственных в латышском литературном языке», вып. IV. Имена собственные литовского языка, сост. Т. Г. Порите (на латыш. яз.). Рига, 1961.

Литовские	Латышские
Jamontas	*Jamonts*
Jasiūnas	*Jasūns*
Jučas	*Jučs*
Juzeliūnas	*Juzeļūns*
Kapsukas	*Kapsuks*
Narbutas	*Narbuts*
Samsonas	*Samsons*

То же с литовскими и латышскими мужскими именами личными:

Литовские	Латышские
Konradas	*Konrads*
Klemensas	*Klemenss*
Klementinas	*Klementins*
Jonas	*Jons*

Как и при составлении списка греческих имен в латинском написании для нужд русских библиотек и т. п., при заимствовании в русский язык литовских имен и фамилий через посредство латышского языка передача окончаний вызывает затруднение. Транскрибирующий, зная морфологические соответствия литовских флексий латышским, должен очень внимательно следить за национальной принадлежностью лица, имя и фамилию которого он транскрибирует, чтобы не превратить литовца по имени *Albertas Vaišnoras* (*Альбертас Вайшнорас*) в латыша по имени *Alberts Vaišnors* (*Альбертс Вайшнорс*) или, еще хуже, в немца по имени *Альберт Вайшнор*. В литовском и латышском языках встречается немало фамилий польского происхождения, которые, натурализовавшись в каждом из языков, оформляются там соответствующими флексиями, ср.:

Литовские	Латышские[6]	
Jankauskas	*Jankausks*	*Jankovskis*
Jasinskas	*Jasinsks*	*Jasinskis*
Kaminskas	*Kaminsks*	*Kaminskis*
Grincevičius	*Grincevičs*	
Kuodzevičius	*Kodzevičs* [uo]	
Macevičius	*Macevičs*	

[6] Первая форма — латышская транскрипция литовского варианта фамилий, вторая форма — латышский вариант польских фамилий.

Передача фамилий этого типа средствами русского языка требует еще большей внимательности, так как встретившиеся в латышском издании фамилии *Paškevičs* или *Potašinsks* могут быть и видоизмененными литовскими *Paškevičius*, *Potašinskas*, и измененными польскими *Paszkiewicz*, *Potaszyński*. В каждом данном случае русская передача их будет различной, а если это действительно польские фамилии, то и спорной.

Морфологическими соответствиями польских *-ski*, *-ska* являются русские *-ский*, *-ская*, в связи с чем естественна была бы передача *Поташинский*, *Поташинская*. Но такая передача нивелирует национальные различия русских, украинских и белорусских фамилий, с одной стороны, и польских, чешских и болгарских, с другой стороны.

Транскрипция *Поташиньски*, *Стефаньска* передает национальный польский колорит, но в фамилиях, где этому *-ск-* не предшествует мягкое *-нь-*, не получается и национального колорита, так как фамилии типа *Соколовски*, *Милевски* именно в силу своей неоформленности по типу прилагательного выглядят скорее не как польские или, шире, славянские, а как фамилии немцев, французов, англичан и т. п. — выходцев из славянских стран. В связи с этим мы считаем рациональным передавать окончания *-ski* (*-sky*), *-ska* как *-ский*, *-ская* у всех славян, отличая тем самым настоящих славян от немцев, англичан и т. д. славянского происхождения. Ср. также славянские фамилии типа *Малый*, *Гордый* с фамилиями лиц неславянских стран *Walter Gordy*, *James Maly*, которые скорее следует передавать как *Горди* и *Мали*. Ср. с фамилиями близкородственных языков чешского и польского, флексии которых заменяются соответствующими флексиями другого языка: польск. *Kopiecki* — чешск. *Kopecký*.

Языки немецкий и русский, не обладающие ощутимым родством, имеют, однако, некоторые морфологические соответствия. Так, до начала XX в. регулярным соответствием немецкого окончания *-е* в женских именах было русское *-а*: *Friede* — *Фрида*, *Else* — *Эльза*.

За последние 40—50 лет появились новые тенденции в передаче иноязычных собственных имен средствами русского языка. В частности, нередко отказываются от морфологических замен при передаче имен неродст-

венных языков: *Фриде*, *Эльзе*. Это же относится и к французским именам: *Берт*, *Мишлин* вместо прежних *Берта*, *Мишлина*.

При заимствовании имен собственных из одних синтетических языков в другие проблема оформления и различения женских фамилий встает на новом уровне (по сравнению с различением их при заимствовании из языков синтетических в языки несинтетические), потому что каждый синтетический язык имеет свои средства и свои традиции. Например: близкородственный русскому языку чешский в силу своей большей синтетичности вносит ряд изменений в фамилии, заимствуемые из русского языка (русские по происхождению и употреблению или русские только по употреблению). Так, фамилии *Иванова*, *Никитина*, получая эквивалентную замену своих окончаний, превращаются в чешском языке в *Ivanovova*, *Nikitinova*; *Галкина-Федорук* становится по-чешски *Galkinova-Fedorukova*; *Курило—Kurilova*, отличаясь от русской *Куриловой*, которая будет *Kurilovova*; *Стасевич* превращается в *Stasevičova*, а *Фадеичева* — в *Fadeičevova*. Таким образом, все употребляемые в русском языке фамилии могут быть восстановлены по их чешским заменам.

Русский язык, как менее синтетический, принимает польские фамилии на *-вич* и украинские на *-о*, не внося в них никаких изменений, а последние даже оставляет без склонения, что свидетельствует о внесистемности их для русского языка.

В польском языке фамилии на *-wicz* — живое образование. И если русский язык не может подобрать к ним форм женского рода (фамилии типа *Красулевич* у женщин остаются неоформленными, а следовательно, несклоняемыми), то в польском языке они имеют две формы женского рода: *Krasulewiczowa*, *Krasulewiczówna* — *Красулевичова* и *Красулевичувна*. Фамилию первого типа получает жена человека по фамилии *Красулевич*, фамилию второго типа — дочь. Ср. с лит. *Mažiulis* — *Mažiulienė*, *Mažiulytė* и польского происхождения *Stasevičius*, *Stasevičienė*, *Stasevičiūtė*. Фамилии литовского языка, как языка менее родственного русскому, передаются по-русски в трех вариантах: *Мажюлис* — *Мажюлене* — *Мажюлите*, *Стасевичус* — *Стасевичене* — *Стасевичюте*. Но фамилии польского языка, как языка близкородствен-

ного, вызывают неловкость, тем более что таких фамилий немало в русском языке и они имеют в нем свою традицию. Поэтому передача их становится спорной, и наряду с формами *Красулевичова* и *Красулевичувна* можно встретить неизменяемое традиционное русское *Красулевич*.

Заключение

Каждый язык имеет определенное количество своих собственных имен, входящих в его систему, и в каждом языке имеются заимствованные собственные имена, употребляющиеся в нем как в чужой языковей среде и остающиеся вне его системы. Осваиваясь принявшим их языком, эти имена меняются, перестраиваются, приспособляются к принявшей их системе и затем постепенно входят в нее, претерпевая при этом изменения фонетико-орфографического и морфологического характера. В процессе этих преобразований, как правило, сильнее изменяются имена близкородственных языков, чем имена отдаленнородственных и неродственных языков.

Поэтому при заимствовании иноязычных имен собственных не из языка-источника, а из языка, принявшего их и пока что остающегося для них чужой средой, необходимо учитывать степень родства трех взаимодействующих языков. При этом для транскрипции, как таковой, важна степень родства языка-источника и языка-среды, а для морфологического оформления — степень родства языка-источника и языка заимствующего.

Кроме того, изменения имен зависят еще и от традиций языков-посредников и языков-приемников, а традиции эти определяются как настроениями людей, говорящих на этих языках, так и характером самих языковых систем. Например, французский или чешский языки видоизменяют заимствованные имена собственные значительно сильнее, чем это делает русский язык. Иногда высказываются даже в таком духе, что они коверкают, калечат иноязычные имена. Но это объясняется и тем, что системы этих языков, если так можно выразиться, строже, нежели система русского языка. Акцентологическая система французского языка или грамматическая система чешского остаются французской и чешской, сколько бы иноязычных слов и имен собственных в эти

языки ни заимствовалось. А с системой русского языка дело обстоит иначе. Большое количество заимствованных слов и имен собственных, за точность и четкость передачи которых в течение последних двух столетий ведется сознательная борьба, существенным образом повлияли на русскую языковую систему. Особенно это влияние усилилось за последние 40—50 лет. В это же время сделались ощутимыми и новые языковые тенденции как результат аккумуляции большого количества заимствованных слов и имен.

В результате этого в русском языке сложились две орфоэпические системы: одна — для слов исконно русских и обрусевших, другая — для заимствованных слов и имен (без редукции безударных гласных, без смягчения согласных перед [э], без ассимилятивного смягчения согласных и т. п.). Сравните произношение слов *отец* и *Отелло*. Наметившаяся у нынешнего молодого поколения говорящих по-русски тенденция произносить без ассимилятивного смягчения если не вызвана, то во всяком случае в значительной степени поддерживается этой второй орфоэпической нормой.

То же можно сказать о русских акцентологических нормах. Хотя и существует точка зрения, что русское ударение разноместно и что можно найти слова с ударением на любом слоге от начала и от конца (до семи включительно), все-таки преобладает в русском языке ударение на одном из трех последних слогов. Именно поэтому, а не из подражания французским или польским образцам перестраивали в русском языке свое ударение многие заимствованные германские, венгерские, финские слова и имена собственные. Именно поэтому так неестественно звучат принятые теперь на радио ударения: *Ку́оккала*, *Ла́вассааре*, *Ле́эварзен*, *Ли́елварде* и т. п., отстоящие на четыре слога и далее от конца. Значительное количество заимствованных слов и имен собственных долгое время испытывало, а многие и сейчас испытывают колебания в ударении лишь из-за стремления у определенного слоя говорящих произносить их в соответствии с ударением оригинала вопреки тенденциям русского языка.

Аналогичные явления отмечаются и в грамматике. Из боязни нарушить, исказить иностранное целые категории существительных были объявлены несклоняемыми,

даже если их окончания могли бы сделать эти слова склоняемыми. Наоборот, народные попытки склонять такие слова, как *пальто* или *депо*, клеймились как некультурность, неграмотность. В результате сложилось две грамматики внутри русской грамматической системы: грамматика русских и грамматика иностранных слов. В результате взаимного влияния их наблюдаются нежелательные факты в грамматике русских слов, в частности, под влиянием большого количества заимствованных слов и имен собственных, оканчивающихся на *-о*, *-е*, исконно русские слова и имена собственные среднего рода постепенно утрачивают склонение. Не случайны аншлаги типа: «Пиво нет», «Кружка пиво» и т. п. Не случайно К. И. Былинский в своих многочисленных пособиях для работников печати и радио объявлял несклоняемыми русские географические названия, оканчивающиеся на *-о*, типа *Пушкино*, *Николаево*, «дабы не путать их в косвенных падежах с названиями типа *город Пушкин*, *Николаев*».

Все это — результат влияния внесистемных элементов на русскую грамматическую систему, что свидетельствует о том, что русский язык делается все менее синтетическим. Высшим проявлением подобных влияний мы считаем то, что в «Огоньке» перестают склонять даже иностранные географические названия, оканчивающиеся на согласный[7].

В свете этих фактов трудно сказать, какой язык, русский или французский, правильнее «обращается» с заимствованными словами.

---

[7] См., например, «Огонек», 1962, № 11, стр. 16—17.

II

Н. А. Есъкова

О некоторых морфонологических явлениях современного русского языка

(На материале образований с суффиксом *-ец* от географических названий с основой на задненебные согласные)

Образование названий жителей можно изучать (кроме чисто словообразовательного плана) и «в повороте» к топонимике. При этом встают некоторые вопросы, несущественные при чисто словообразовательном анализе (например, соотнесенность тех или иных образований с географическими реалиями).

Для того и другого подхода материал настоящей статьи явно недостаточен[1]. Беглое описание ряда относительно новых образований на *-(е)ц* от основ на задненебные согласные рассматривается только как отправной пункт для некоторых заключений о перестройке морфонологической системы русского языка.

Впрочем, материал, фигурирующий в статье, несмотря на его малочисленность и недостаточность словообразо-

[1] Материал статьи носит, по существу, случайный характер: примеры, собранные на протяжении последних трех-четырех лет из разных источников (из газет и журналов больше, чем из других), пополнены за счет картотеки Сектора современного литературного языка и культуры речи Института русского языка АН СССР (в которой нужного материала оказалось очень немного). Использован также материал картотеки Сектора истории литературного языка, предоставленный мне В. Н. Хохлачевой.

вательного (и топонимического) анализа, может все же представить интерес и сам по себе, так как образование названий жителей исследовалось очень мало.

* * *

Продуктивным способом образования названий жителей от разных географических названий является суффикс *-(е)ц* (с беглой гласной перед *ц*, выступающей только в именительном падеже единственного числа). Этот суффикс и его производные, например *-инец*, дают возможность образовать названия жителей почти от любого географического названия. Образования на *-ец* соотносительны с прилагательными на *-ский* (соотносительны и их производные, например *-инец* — *-инский*). Иногда в образованиях на *-ский* и *-ец* выступают нерегулярные варианты основы географических названий (*тоголезский* — *тоголезцы*, *токийский* — *токийцы* и т. п.)[2].

В образованиях с суффиксом *-(е)ц* от географических названий с основами, оканчивающимися на *к*, *г*, *х*, может быть представлено чередование задненебная — шипящая (*Петербург* — *петербуржцы*). Относительно новыми являются такие образования без чередования. Они нас главным образом и интересуют. Вот перечень встретившихся образований такого типа: *баймакцы* (Баймакский р-н), *владивостокцы*, *иракцы*, *лангедокцы*, *ломбокцы* (остров Ломбок), *мартиникцы*, *монакцы*, *ньюйоркцы*; *бортангцы* (на Памире), *гонконгцы*, *небитдагцы*, *чадырлунгцы* (Чадыр-Лунга в Молдавии), *чикагцы*, *чирчикцы*; *сигнахцы* (Сигнах на Кавказе), *суратгархцы* (Суратгарх в Индии), *хунзахцы*[3]. Вероятно, возможны такие названия и для жителей Стрелитамака, Нальчика, Белостока, Хорога, а также Рейкьявика, Бангкока, Бандунга, Дюнкерка, Цюриха и т. п. Образования такого типа могут

[2] Суффикс передается в виде *-ец* или *-(е)ц*; реальные названия везде даются в форме именительного падежа множественного числа.

[3] Самым «частотным» в материале оказалось слово *ньюйоркцы*, чему способствовали события последних лет — поездка в США Н. С. Хрущева, советская выставка в Нью-Йорке, многочисленные американские гастроли советских артистов и художественных коллективов (Святослава Рихтера, Эмиля Гилельса, ансамбля Моисеева, «Березки», балета Большого театра и пр.).

Все названия условно даются в слитном написании; реально широко представлены и дефисные (*ньюйоркцы* и *нью-йоркцы* и т. п.).

называть не только жителей, но и членов определенных коллективов, обозначенных по месту их возникновения: *лейпцигцы* — представители «лейпцигской школы» музыкантов, *эйзенахцы* — члены немецкой социал-демократической партии. Так образованы некоторые названия народов, например *лакцы* (наряду с *лаки*) — в Дагестане.

Формы именительного падежа единственного числа от таких образований — с беглым гласным перед *ц* в суффиксе — должны кончаться на *-кец*, *-гец*, *-хец: ньюйоркец*, *чикагец*, *суратгархец* и т. п. Приведем встретившиеся случаи употребления таких форм (в достаточной степени редких): «Эффенди Капиев, *лакец* по национальности, кроме родного лакского языка, знал еще кумыкский язык...» («Октябрь», 1960, № 3, стр. 176)[4]; «Знаменитейший сегодняшний американский поэт Карл Сандбург — сам *чикагец*,... описывает Чикаго так...» (Маяковский. Мое открытие Америки)[5]; «Да, осень и вино, | Здесь безупречны ви́на, | А осенью родной | *Сигнахец* пьет их львино» (Тихонов. Башни Сигнаха); «Совсем озадаченный и разочарованный смотрел на него *энтибухец*...» (Г. Келлер. Знамя семи стойких. Пер. С. Андрианова)[6].

Языковое ощущение подсказывает, что в этих образованиях есть что-то необычное. Эта необычность — не фонетического порядка, как, например, в иноязычных названиях *Кёльн*, *Кяхта*, *Кызыл*, где фигурируют нехарактерные для русского языка звуковые сочетания [к'о], [к'а], [кы]. Сочетания [к'э], [г'э], [х'э], представлен-

---

[4] Эта форма встретилась еще несколько раз; наряду с ней встречается форма *лак* (а во множественном числе соответственно *лаки*); например: «...*лак* Эффенди Капиев...» («Литература и жизнь», 7 октября 1959 г.).

[5] Интересно, что в письмах Ленина фигурирует образование *чикагинец* как прозвище определенного лица — В. А. Ионова, жившего некоторое время в Чикаго (см., например, письма к М. Т. Елизарову и М. И. Ульяновой от 7 сентября 1897 г. и от 4 января 1898 г.). Поскольку это не обозначение жителя Чикаго, оно не вполне нейтрально, но все же в интересующем нас плане показательно, что Ленин не употребил образование *чикагец*.

[6] Единичные формы такого типа были возможны и в XIX в.; см. *лотарингец* — обозначение действующего лица в переводе пьесы А. Дюма в журнале «Телескоп» за 1831 г. (пример взят из картотеки Сектора истории литературного языка Института русского языка АН СССР).

ные в формах на *-ец*, сами по себе обычны для русской фонетики. Нет ничего необычного и в мене [к]—[к'], [г]—[г'], [х]—[х'], обнаруживаемой из соотношения *лакцы — лакец* и т. п. (ср.: *рука — руке*, *нога — ноге*, *уха — ухе*). Необычно то, в каком положении в слове (по отношению к его морфологическим частям) эта мена ([к]—[к'] и пр.) осуществляется. Это связано с установившейся в русском языке системой чередований[7], т. е. мы имеем здесь дело с необычностью морфонологического порядка. Для того чтобы выяснить, в чем она заключается, необходимо рассмотреть положение задненебных согласных в морфонологической системе современного русского языка.

Фонемы ‹к›, ‹г›, ‹х›, не имеющие в фонетической системе современного русского языка пар по мягкости — твердости (несмотря на наличие звуков [к'], [г'], [х']), занимают особое место и в современной морфонологической системе[8]. Особенность эта заключается в том, что в морфонемах[9], включающих ‹к›, ‹г›, ‹х›, возможен только один из существующих в русском языке типов соотношения чередующихся единиц[10].

Этих типов два: соотношения парно-твердых согласных с парно-мягкими и соотношения тех и других с согласными иного образования (исторически представляю-

---

[7] Употребляю термин «чередование» только в смысле «морфологическое чередование», т. е. чередование, не обусловленное действующими фонетическими закономерностями (ср.: П. С. Кузнецов. О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке. — «Изв. АН СССР. ОЛЯ», т. XI, вып. 1. М., 1952, стр. 62).

[8] Русская морфонологическая система с позиций московской фонологической школы полностью не описана. Можно указать лишь работы, в которых обращается внимание на отдельные ее стороны; см.: Н. А. Еськова. Фонема ‹j› в современном русском литературном языке. «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина», т. XLII. Кафедра русского языка, вып. 4. М., 1957, стр. 62—70; М. В. Панов. О грамматической форме. Сб. «Грамматика современного русского языка». — «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина», т. LXXIII. Кафедра русского языка, вып. 6. М., 1959.

[9] Использую термин так, как он фигурирует у М. В. Панова в указанной статье, т. е. для обозначения «чередующегося ряда», выступающего в группе родственных слов; одну морфонему образуют, например, ‹з› — ‹з'› — ‹ж› в гру‹з› — гру‹з'›ить — гру‹ж›у.

[10] Чередующимися единицами бывают фонемы и сочетания из двух фонем (ср. ‹м› — ‹м'› — ‹мл'›, ‹ст› — ‹щ› и т. п.).

щими собой результат соединения соответствующих согласных с *j*). Обозначим эти два типа соотношений как *n* — *n'* и *n* (*n'*) — *m*. В одной морфонеме при максимальном различении членов чередований бывает представлено соотношение *n* — *n'* — *m* (например: хо<д> — хо<д'>ить — хо<ж>у; ло<в> — ло<в'>ить — ло<вл'>у). Оно осуществляется в морфонемах, где в качестве *n* выступают парно-твердые согласные, кроме <н>, <р>, <л>. При <н>, <р>, <л> два члена морфонемы не различаются, и соотношение принимает вид *n* — *n'* — *n'* (ср.: зво<н> — зво<н'>ить — зво<н'>у, со<р> — со<р'>ить — со<р'>у). Когда в качестве *n* выступают <к>, <г>, <х>, «неразличение» членов морфонемы осуществляется на базе члена *m* и соотношение приобретает вид *n* — *m* — *m* (дру<г> — дру<ж>ить — дру<ж>у, сме<х> — сме<ш>ить — сме<ш>у)[11].

Таким образом, чередования <к> — <ч>, <г> — <ж>, <х> — <ш> могут быть эквивалентны и *n* — *m*, и *n* — *n'* других согласных (ср., с одной стороны, су<х>ой — су<ш>е и кру<т>ой — кру<ч>е, с другой — лов<к>ий — лов<ч>ее и лю<т>ый — лю<т'>ее).

Эквивалентность <к> — <ч>, <г> — <ж>, <х> — <ш> чередованиям типа *n* — *n'* других согласных поддерживается многими морфологическими разрядами. Ср. хотя бы:

бел<к>а — бель<ч>онок	кры<с>а — кры<с'>енок
кабар<г>а — кабар<ж>онок	ле<в> — ль<в'>енок
пасту<х> — пасту<ш>онок	ки<т> — ки<т'>енок
жемчу<г> — жемчу<ж>ина	гра<д> — гра<д'>ина
оре<х> — оре<ш>ина	изю<м> — изю<м'>ина
ти<х>ий — ти<ш>ина	глу<б>окий — глу<б'>ина
дура<к> — дура<ч>ина	бере<з>а — бере<з'>ина
соба<к>а — соба<ч>ина	ры<б>а — ры<б'>ина
пу<х> — пу<ш>инка	тра<в>а — тра<в'>инка
вол<к> — вол<ч>ица	верблю<д> — верблю<д'>ица
кни<г>а — кни<ж>ица	прось<б>а — прось<б'>ица

[11] Отметим также, что когда в качестве *n* выступают парно-мягкие фонемы, соотношение приобретает вид *n'* — *n'* — *m* (дро<б'> — дро<б'>ить — дро<бл'>у); если членом *n* оказывается фонема, которая может выступать в качестве члена *m*, соотношение предстает в виде *m* — *m* — *m* (сторо<ж> — сторо<ж>ить — сторо<ж>у), т. е. все три члена чередования не различаются.

пу<х> — пу<ш>ица	жи<в>ой — жи<в'>ица
дворни<к> — дворни<ч>иха	фран<т> — фран<т'>иха[12].

Можно привести еще: тор<ж>ище (ср. тор<г>), бы<ч>ище (бы<к>), заре<чjо> (ре<к>а), кула<чjо> (кула<к>), пету<ш>ишка (пету<х>), му<ш>иный (му<х>а), челове<ч>ий (челове<к>) и др.; при других конечных согласных основы в таких образованиях представлено чередование *п*—*п'*.

Но есть и иные случаи. Чередованию задненебная — шипящая при других согласных основы может соответствовать отсутствие чередования, ср.:

челове<к>	— челове<ч>ек	лис<т>	— лис<т>ок
дру<г>	— дру<ж>ок	во<з>	— во<з>ок
пу<х>	— пу<ш>ок	гри<б>	— гри<б>ок
ру<к>а	— ру<ч>ка	ре<п>а	— ре<п>ка
со<х>а	— со<ш>ка	яго<д>а	— яго<д>ка
ду<г>а	— ду<ж>ка	пье<с>а	— пье<с>ка

Фонемы <ч>, <ж>, <ш>, сменяющие <к>, <г>, <х>, оказываются типичными для тех морфологических разрядов, где последняя согласная производящей основы находится перед беглой гласной (челове<ч>ек — челове<ч>ка, со<ш>ка — со<ш>ек).

Эти случаи свидетельствуют как будто о том, что чередование задненебная — шипящая распространяется на большее количество морфологических разрядов, чем чередования *п* — *п'* и *п* — *т* других согласных, вместе взятые. Но есть факты обратного порядка. В некоторых морфологических образованиях конечные <к>, <г>,

[12] Для большой показательности в примерах правого столбца взяты только образования с теми согласными, которые, выступая в качестве члена морфонемы, дают максимальное различение чередующихся единиц (т. е. не взяты образования с <н>, <л>, <р>). Положение перед разными суффиксами (*-ина* и *-ица*) сознательно рассматривается здесь как одна «морфонологическая позиция». Морфонологический аспект интерпретации языковых явлений вообще более абстрактен, чем морфологический (но менее абстрактен, чем фонетический). Замечу, что о «морфонологической позиции» можно говорить и в ином плане. Так, А. А. Реформатский пользуется этим обозначением, рассматривая морфологические ограничения в понимании фонетической позиции, позволяющие объяснить различия в реализации одинаковых фонемных сочетаний в *купаться — пяться* и *ленинградский — подсадить* (см. «Фонологические заметки». — ВЯ, 1957, № 2, стр. 102).

‹х› не сменяются шипящими ‹ч›, ‹ж›, ‹ш›, а выступают в виде [к'], [г'], [х']. Сюда относятся притяжательные прилагательные на *-ин* и соответствующие фамилии (*дедушкин*, *Мухин*, *Онегин*), некоторые отчества (*Лукич*), образования с несколькими относительно новыми суффиксами, иноязычными по происхождению: *-ист* (*танкист*, *чекист*, *штангист*, *махист*), *-изм* (*кучкизм*, *троцкизм*, *махизм*), *-ёр* (*паникёр*, *бракёр*, *киоскёр*, *хроникёр*).

При всех остальных согласных в таких образованиях, безусловно, представлено чередование типа *п* — *п'* (например: ма‹ма› — ма‹м'›ин, купле‹т› — купле‹т'›ист, ра‹с›а — ра‹с'›изм). Рассматривать так же соотношение [к] — [к'] в тан [к] — тан [к']ист мы не можем потому, что место, занимаемое мягкими задненебными в современной фонетической системе, не позволяет считать их отдельными фонемами. Поэтому можно только констатировать, что варьирование по твердости — мягкости внутри одной фонемы оказывается здесь параллельно и эквивалентно чередованию типа *п* — *п'*. Этот факт свидетельствует о внутренних противоречиях современной морфонологической (и фонологической) системы; он означает, что [к'], [г'], [х'] находятся на пути к превращению в особые фонемы [13]. Предпосылки такого пре-

---

[13] Если образования типа *махизм*, *чекист* свидетельствуют в пользу некоторой самостоятельности [к'], [г'], [х'], так сказать, «через ступень морфонологии» (фактом параллельности [к] — [к'] и чередований *п* — *п'* других согласных), то слова на *-ёр* (*паникёр* и др.) убеждают в этом «непосредственно фонетически» — наличием сочетания [к'о] — того самого, которое рассуждающие на эту тему обычно обнаруживают только в слове *ткёт*. Между тем слова на *-ёр* почти так же убедительны: они созданы на русской почве, хотя суффикс *-ёр* и является иноязычным по происхождению. Интересно, что эти образования не так уж «молоды»; см. индивидуальные образования такого типа у авторов XIX в.: «Вот почему это письмо передаст тебе князь Галицкий, первый *полькёр* и вальсёр в русском царстве» (А. В. Дружинин. Полинька Сакс, 1847); «— Будете участвовать на больших скачках? — *Скакёром* я не желаю быть, — выговорил князь» (Боборыкин. Обречена).

Наличие слова *ткёт* и некоторых других (например, *берегя*) считается иногда достаточным основанием для признания мягких задненебных особыми фонемами. Думаю, что это не так, но аргументация А. А. Реформатского, выступающего против этой точки зрения, кажется мне неубедительной. Он считает эти слова непоказательными на основании того, что они возникли по аналогии [А. А. Реформатский. О корреляции «твердых» и

ращения возникли уже с появлением звуков [к'], [г'], [х'], отсутствовавших в звуковой системе древнерусского языка. Один факт наличия этих звуков достаточен для признания того, что непарность по твердости — мягкости <к>, <г>, <х> существенно отличается от непарности <ш>, <ж>, <ц>: цепь разнообразных изменений может привести к образованию фонем <к'>, <г'>, <х'>, но пока не приходится говорить об изменениях, которые могли бы создать «мягкие пары» для <ш>, <ж>, <ц>.

Одним из ранних изменений, обеспечивших довольно большой контингент «русских» [к'], [г'], [х'], было изменение морфонологическое: устранение чередования задненебная — свистящая, откуда, в частности, ру[к']е, но[г']е, со[х']е [14]. С появлением этих форм возникли соотношения [к] — [к'], [г] — [г'], [х] — [х'], параллельные соотношениям $t — t'$[15] других согласных (ср. ру[к]а — ру[к']е и во[д]а — во[д']е). Но для соотношения $t — t'$ в таких случаях (когда t' выступает перед [э] или другими звуками, соответствующими фонеме <э>) не исключается фонетическое объяснение (т. е. t' может считаться результатом смягчения перед [э] [16]). Во всяком случае такие $t — t'$ не представляют собой «явных» чередований. В случаях же типа шта<б> — шта<б>ист $t — t'$ не может быть объяснено фонетически, это бесспорное чередование типа $n — n'$. Поэтому появление таких обра-

---

«мягких» согласных (в современном русском литературном языке). «Cercetări de lingvistică», anul III. Cluj, 1958, Supliment, стр. 404, сноска]. Однако вопрос о происхождении таких образований не имеет никакого отношения к фонологической интерпретации представленных в них звуковых сочетаний, которые безусловно, вносят существенно новые моменты в фонетические соотношения современного русского языка. «Недостаточны» же слова типа *ткёт* только потому, что они малочисленны.

[14] Другое раннее изменение, «работавшее на мягкие заднеязычные», было фонетическое — преобразование [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и] (откуда *кислый*, *хитрый*, *гибель*).

[15] Обозначение $t — t'$ (в отличие от $n — n'$) заключает в себе только указание на мену твердых и мягких согласных и применяется тогда, когда нужна лишь констатация этого, предшествующая той или иной интерпретации (морфонологической или фонологической).

[16] Здесь нет возможности подробно на этом останавливаться. Но достаточно сказать, что фонологи еще не договорились окончательно, как оценивать мягкость согласных перед [э]; а в этом, возможно, «виновата» сама звуковая система современного русского языка.

зований, как *троцкизм*, *махист* и т. п., гораздо больше свидетельствует о развивающейся самостоятельности мягких задненебных, чем формы дательного-предложного падежа типа *руке*, *книге*[17].

Прежде чем вернуться к образованиям на *-кец*, *-гец*, *-хец*, подчеркнем основной вывод, который следует из сделанных морфонологических (отчасти и фонологических) сопоставлений. По отношению к современному состоянию фонологической системы русского языка можно констатировать только то, что в ряде случаев соотношения [к] — [к'], [г] — [г'], [х] — [х'] эквивалентны таким соотношением $t — t'$ других согласных, которые с полным основанием должны быть признаны чередованиями типа $n — n'$. Этот факт свидетельствует о некотором противоречии в современной звуковой системе — противоречии, которое является залогом ее дальнейшего развития. Направление развития ясно: оно будет приводить к все большей самостоятельности [к'], [г'], [х']. Надо думать, что изменения первоначально будут происходить на ступени морфонологической[18], но результаты в конце концов должны отразиться на системе фонем.

Образования на *-кец*, *-гец*, *-хец* тоже стоят в ряду тех явлений, которые увеличивают параллельность [к] — [к'], [г] — [г'], [х] — [х'] другим $t — t'$ (ср. чика[г]цы — чика[г']ец и орло[в]цы — орло[в']ец). Происходит это в таком положении в слове («морфонологической пози-

---

[17] Заметим, что старые образования с сочетаниями мягкий задненебный + *и* на стыке морфем — типа *инокиня* (от *инок*), *герцогиня* (от *герцог*), *монахиня* (от *монах*) — не свидетельствуют в пользу самостоятельности [к'], [г'], [х']. Образования, содержащие тот же суффикс после других согласных — *рабыня*, *барыня*, *сударыня*, *гусыня*, — показывают, что фонологически (и морфонологически) перед этим суффиксом выступают парно-твердые фонемы; при этом или происходит чередование $n' — n$, как в (гу‹с'› — гу‹син'а›), или нет чередования, как в ра‹б› — ра‹бин'а› (но в гра‹ф› — гра‹ф'ин'а› представлено чередование $n — n'$). А непарно-твердые фонемы ‹к›, ‹г›, ‹х› выступают перед этим суффиксом в своей мягкой разновидности. Как известно из истории языка, в этих образованиях первоначально были представлены сочетания [кы], [гы], [хы].

[18] Одно такое изменение уже происходит, но оно «не признано» существующей литературной нормой; это устранение чередования задненебная — шипящая в формах глаголов на *-чь*, в результате которого появляются *пекёт*, *бережёт* и пр.

ции»), где типичными являются ‹ч›, ‹ж›, ‹ш›, сменяющие ‹к›, ‹г›, ‹х›, т. е. перед беглой гласной в конце производящей основы; ср. образования, где в этом положении представлены шипящие: ре‹ч›ка — ре‹ч›ек, сме‹ш›ка — сме‹ш›ок, трево‹ж›ный — трево‹ж›ен. Наличие ‹ч›, ‹ж›, ‹ш› надежно «застраховывает» от мены согласных в зависимости от того, находятся ли они перед беглыми гласными ‹о›, ‹э› или перед согласными. Появление образований с задненебными в этом положении неизбежно приводит к возникновению соотношения *т* — *т'*.

Морфонологическая (и фонологическая) интерпретация соотношений [к] — [к'] [г] — [г'], [х] — [х'] в случаях типа чика[г]ца — чика[г']ец осложняется тем, что параллельные соотношения других согласных не представляются вполне ясными. Попробуем сравнить последние согласные производящей основы в таких, например, случаях: Сиби‹р'› — сиби[р]цы — сиби[р']ец, Армави‹р› — армави[р]цы — армави[р']ец. Фонологический характер твердости и мягкости в *Армавир*, *Сибирь* очевиден, в других словах он сомнителен (поэтому [р], [р'] даны в них в фонетической, а не в фонематической транскрипции). Являются ли звуки [р] в *сибирцы*, *армавирцы* и [р'] в *сибирец*, *армавирец* результатом нейтрализации фонологического противопоставления в позициях неразличения твердости и мягкости (из которых в одной возможны только твердые, а в другой — только мягкие)? Или соотношения *р'* — *р* — *р'*, *р* — *р* — *р'* надо считать чередованиями? Тенденция развития русской фонетической системы ведет к последнему, но сейчас, вероятно, эти соотношения еще не вполне ушли из разряда фонетических.

Таким образом, соотношения твердых и мягких задненебных в случаях типа *Чикаго* — *чикагцы* — *чикагец* оказываются параллельны таким *т* — *т'* других согласных, которые свидетельствуют о перестройке русской фонетической и морфонологической системы. В результате этой перестройки количество случаев, где [к] — [к'], [г] — [г'], [х] — [х'] параллельны чередованиям *п* — *п'* других согласных, должно возрасти.

Есть ли другие морфологические разряды, где бы уже существовало или хотя бы могло возникнуть в дальнейшем соотношение, аналогичное тому, что

www.ruslang.ru

мы имеем в *чикагцы — чикагец*? Пожалуй, единственная морфологическая модель, где такое соотношение можно предположить, — прилагательные с суффиксом *-н-*. Если есть качественные прилагательные, кончающиеся на *-кный*, *-гный*, *-хный* (т. е. образовавшиеся от основ на задненебные без чередования задненебная — шипящая), то краткая форма мужского рода от них должна кончаться на *-кен*, *-ген*, *-хен*. Существует лишь одно прилагательное, удовлетворяющее этим требованиям — *гротескный*. В словарях его приводят без кратких форм, но они изредка встречаются: «И традиционно *гротескна* тетя Олега» (Л. Ошанин. От имени поколения. «Литературная газета», 10 марта 1962 г.); «Анатомия в этих набросках неверна, пропорции *гротескны*, а рисунок до смешного нелеп» (И. Стоун. Жажда жизни. Пер. Н. Банниковой). Однако форма мужского рода **гротескен* вряд ли реальна.

Прилагательное *гротескный* единично[19], и, очевидно, не существует предпосылок для появления новых прилагательных с *к*, *г*, *х* перед *-н-*, а тем более таких, от которых можно было бы образовать краткие формы[20].

---

[19] Задненебные перед *-н-* представлены еще в *бурлескный*, в группах прилагательных на *-пускной* (*отпускной*, *напускной* и др.), *-ыскной* (*разыскной*, *сыскной* и др.); перед несуффиксальным *н* — в *суягный* (фактически только в форме женского рода — *суягная*). Среди них нет ни одного, от которого реально можно было бы образовать систему кратких форм.

[20] Чередование задненебная — шипящая перед суффиксом *-н-* полностью сохраняет свою силу в новообразованиях. Характерно, что только что перечисленные прилагательные с *к* перед *-н-* образованы от основ на *ск*, и при чередовании должно было бы появляться *щ*; в прилагательном же *суягная н* несуффиксальное. Можно привести только один «диковинный» неологизм И. Северянина без чередования *г — ж* перед суффиксом *-н-*: «Вы предлагаете тонкому обществу ирисный кэкс, | *Негно* вдыхая сигары эрцгерцога абрис фиалковый...» Новое образование от *нега* не должно было совпасть со старым (фактически уже нечленимым) *нежно*; ср. другое образование от *нега* у того же автора, где отсутствие чередования объясняется тем же: «Любовью старца не *онегена* | И, не любя совсем Онегина, | Довольна партией своей».

Но совершенно аналогичная форма, которую ничему не нужно было «противопоставлять», образована у Северянина с чередованием *к — ч*: «*Офиалчен* и олилиен озерзамок Мирры Лохвицкой».

Следовательно, образование названий жителей с суффиксом *-ец* от основ на *к*, *г*, *х* — единственный морфологический разряд, за счет которого может увеличиваться количество слов, реализующих проанализированное выше морфонологическое соотношение.

Рассмотрим теперь образования на *-кцы*, *-гцы*, *-хцы* с точки зрения их функционирования в языке как морфологической модели, соотношения с другими моделями и пр. Уже говорилось о том, что это образования относительно новые. В языке XIX в. они были единичны[21]. В языке наших дней они не так уж редки. Это, безусловно, связано с все возрастающей общественной потребностью в назывании жителей самых разнообразных мест — как в пределах СССР, так и зарубежных.

Посмотрим, с чем при этом приходится «конкурировать» образованиям на *-кцы*, *гцы*, *-хцы*. В первую очередь следует указать образования с тем же суффиксом, в которых осуществляется чередование задненебная — шипящая. В нашем материале представлены такие образования только от основ на *г*. Наиболее многочисленную группу составляют слова на *-буржцы* от географических названий на *-бург*. Старые названия такого типа (*петербужцы*, *шлиссельбуржцы*, *оренбуржцы*) стали основой для возникновения особой модели, и теперь с легкостью могут быть образованы такие названия жителей от любого названия на *-бург*; в нашем материале представлены: *гамбуржцы*, *зальцбуржцы*, *йоганнесбуржцы*, *люксембуржцы*, *марбуржцы*, *мекленбуржцы*, *страсбуржцы*, *эдинбуржцы*. С меньшими основаниями можно говорить о модели на *-берг* — *-бержцы*, так как эти образования гораздо малочисленнее (в материале *гейдельбержцы*, *нюрнбержцы*). Можно назвать еще отдельные образования на *-жцы*: *выборжцы*, *таганрожцы*[22], *криворожцы*, *норвежцы*, *ладожцы* (наряду с *ладожане*), *онежцы* (наряду с *онежане*). Но за пределами моделей

[21] В картотеке Сектора истории литературного языка Института русского языка зафиксировано (кроме *лотарингец*) еще *эдинбургцы* (Дневник Кюхельбекера, 1834). См. также *гамбу́ргцы* у Мятлева: «Как *гамбургцев* ни хвали, | А все люди, человеки! . . .» («Сенсации госпожи Курдюковой. . .»).

[22] Изредка встречаются и *таганрогцы*, например: «Новочеркасцы и ростовчане, *таганрогцы* и красносулинцы, целинцы и шахтинцы пришли к единому выводу. . .» («Литературная газета», 12 апреля 1958 г.).

на *-буржцы*, *-бержцы* чередование *г — ж* не приобрело продуктивности, и вряд ли можно ожидать появления *чикажцев* или *гонконжцев*.

Образований названий жителей на *-цы* с чередованиями *к—ч* и *х—ш*, видимо, нет, и вряд ли они появятся[23]. Таким образом, в этих образованиях отсутствует параллелизм между основами на *г*, с одной стороны, и основами на *к*, *х* — с другой, хотя место этих трех согласных в фонологической и морфонологической системе одинаково.

Отсутствие образований на *-чцы* и *-шцы* объясняется малочисленностью географических названий с основами на *к*, *х* и тем, что среди них нет такой модели, какую образовали названия на *-бург*. Немногочисленные более или менее старые названия жителей от основ на *к*, *х* образованы с помощью другого суффикса — *-анин — -ане*, перед которым обязательно чередование задненебная — шипящая[24]: *великолучане*, *палешане*[25]. Этот суффикс имеет распространение и среди основ на *г*: *вичужане*, *елабужане*, *калужане*, *криворожане* (наряду с *криворожцы*), *устюжане*, *рижане*, *пражане*[26], *лужане* (Луга), *пинежане* (Пинега), *онежане* (наряду с *онежцы*)[27]. Он сохра-

---

[23] Вряд ли можно принимать всерьез следующее образование: «Скажите, здесь у вас | не ночевала тучка золотая | на груди утеса-великана? — Да, здесь ночевала тучка, | Она уехала, | Она не здешняя — | не кисловодчанка, а *ессентучка*» (С. Кирсанов. Разговор со сторожем гостиницы «Кавказ»). Поэт играет словами *тучка—ессентучка*, и нет оснований считать, что он исходил из образований *ессентучец—ессентучцы*. Отметим случай чередования *к—ч* в ином морфологическом образовании (не для обозначения жителей) от *Нью-Йорк*: «Пусть на турнире словоборчества | Стиха титаны и кроты | Берлинства, Лондонства, *Нью-Йорчества* | Меня сразить откроют рты» (И. Северянин. Самогимн).

[24] Образования без такого чередования необычны и, видимо, очень редки; см. единственный случай — *пыщугане* от Пыщуг (Ю. Куранов. Лето на Севере. «Новый мир», 1959, № 7, стр. 137).

[25] Так же образованы зафиксированные в материале *новоегорлычане* (река Новый Егорлык), *личане* (Лика — район в Хорватии).

[26] Но в отличие от жителей Праги, членов Пражского лингвистического кружка обычно именуют *пражцами*.

[27] См. также *норвежане* (при обычном *норвежцы*): «Проходи фиорды поране, | между мелей и каменных скул, | Где на глубь плывут *норвежане* | головастых ловить акул» (С. Марков. Заморский капитан).

няет некоторую продуктивность в наше время[28], но с ним «конкурирует» новый суффикс *-чанин — -чане*; появляются, например, *бузулукчане*, *кулебакчане* (от Кулебаки в Горьковской области), *моздокчане*, *илекчане* (от Илек — на Урале)[29].

Интересно отметить, что в названиях жителей от основ на задненебные не стал продуктивным производный суффикс *-овец*, хотя он надежно «застраховывает» от чередования конечной согласной основы. Этот суффикс очень продуктивен в образованиях со значением лица — не в названиях жителей (см. такие образования от основ на задненебные, как *спартаковец*, *рабфаковец*). Названия жителей с этим суффиксом единичны; вряд ли воспринимается как обычное, например, образование *белостоковец* у Кирсанова: «И из Белостока | тянулся чокаться | с окским товарищем | бокал *белостоковца*» («Ночь под Новый век»)[30]. Редки и прилагательные на *-овский* от географических названий на *к*, *г*, *х*[31].

Образования названий жителей с производным суффиксом *-инец* (параллельные прилагательным на *-инский*) от основ на задненебные, видимо, не имеют особенностей по сравнению с образованиями от других основ[32].

Несмотря на беглость проделанного анализа, можно, думается, заключить, что «конкуренция» со стороны других образований названий жителей не столь велика, чтобы воспрепятствовать дальнейшему распространению образований с суффиксом *-ец* от основ на *к*, *г*, *х*, при-

[28] См. совсем новое образование *аричане* — от г. Арика в Чили («Советский спорт», 9 июня 1962 г.).

[29] И здесь нет параллельности между основами на разные задненебные согласные: образования на *-чане* совсем невозможны от основ на *г* (было бы *-гчане*, а в произношении -[кч]ане) и вряд ли реальны от основ на *х* (*-хчане*).

[30] См. также: *пологовцы* от Пологи («Нева», 1959, № 8, стр. 152), *сапожковцы* от Сапожок («Литература и жизнь», 23 марта 1960 г.). Последнее образование можно даже предпочесть образованию на *-цы* (*сапожокцы*). Заметим, что обычное образование *артековцы* обозначает скорее членов коллектива, чем жителей.

[31] В материале отмечены *домаховский* (Домаха), *глазговский* (Глазго). Образования последнего типа (от неизменяемых названий) предпочтительнее образований с суффиксом *-ск-*.

[32] В материале (кроме обычного образования *бакинцы*) отмечены *домахинцы* (Домаха), *майоркинцы* (Майорка), *чохинцы* (Чоха). Такие образования, видимо, обычны от названий на *-ки*: *черемушкинцы* (Черемушки), *васюкинцы* (Васюки у Ильфа и Петрова).

чем не с чередованием задненебная — шипящая (которое в этих образованиях не стало продуктивным), а без чередования — на *-кцы*, *-гцы*, *-хцы*.

Заметим, что чередование *к — ч*, *г — ж*, *х — ш*, непродуктивное в названиях жителей с суффиксом *-ец*, обязательно для других образований на *-ец* от основ на задненебные. Но они чрезвычайно малочисленны; это такие слова, как *лжец*, *волчец*, сложные слова на *-бежец* (*конькобежец*), *-пашец* (*землепашец*, *хлебопашец*). Большое количество таких образований мог бы дать уменьшительный суффикс *-ец*, но он к основам на задненебные, как правило, не присоединяется[33]. Тем самым в языке было мало предпосылок для утверждения чередования задненебная — шипящая в образованиях на *-ец*, и когда образование названий жителей от основ на *к*, *г*, *х* с этим суффиксом приняло более или менее массовый характер, уже не были «морфонологически невозможны» образования без чередования.

Заметим, что в прилагательных на *-ский* от географических названий чередование задненебная — шипящая распространено еще меньше, чем в образованиях на *-ец*, несмотря на тенденцию к параллельности между этими образованиями (ср. параллельность производных суффиксов *-инский — -инец*, *-овский — -овец*). Новые прилагательные на *-ский* образуются почти исключительно без чередования, т. е. на *-кский*, *-гский*, *-хский*[34], и рас-

---

[33] Можно отметить лишь редкие случаи. Кроме «диковинного» образования *пятачец* у Чехова (см. краткую заметку: А. А. Реформатский. Точьца, тачьца, и пятачец. «Вопросы культуры речи», II. М., 1959), можно привести еще единичное образование *ковчежец*.

Интересно уменьшительное образование на *-ец* без чередования — *шахец* — слово, распространенное среди непрофессиональных шахматистов. См., например, как оно употреблено в повести Б. Балтера «До свидания, мальчики»:

«Он уже чувствовал себя победителем и снова сыпал словечки, известные всем шахматистам-любителям.

— Маленький *шахец*... И еще один *шахец*, — говорил он, гоняя моего короля» («Юность», 1962, № 9).

[34] См.: В. Н. Зиновьев. Отступления от норм исторических чередований заднеязычных с переднеязычными шипящими (*г — ж*, *к — ч*, *х — ш*) в современном русском языке. «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского». Серия ист.-филол., вып. 43, 1957. В этой работе, богатой по материалу, рассматриваются главным образом прилагательные от географических названий.

пространены они шире, чем образования на *-кцы*, *-гцы*, *-хцы*. Показательно, что параллельно названиям на *-буржцы* чаще всего имеем прилагательные на *-бургский*: *гамбургский* при *гамбуржцы*, *оренбургский* при *оренбуржцы* и т. п.[35]; ср. также колебание *петербуржский* — *петербургский*, но только *петербуржцы*. Такое соотношение понятно: образование прилагательных на *-кский*, *-гский*, *-хский* не ведет ни к каким «морфонологическим осложнениям».

Но «морфонологические трудности», связанные с образованиями на *-кцы*, *-гцы*, *-хцы*, безусловно, не должны мешать их дальнейшему распространению[36], тем более что «морфонологически неудобны» только формы именительного падежа единственного числа, а у названий жителей наиболее употребительны формы множественного числа.

С образованиями на *-кцы*, *-гцы*, *-хцы* связано еще одно «неудобство»: от них невозможно образовать соотносительные названия жительниц с суффиксом *-ка* (они должны были бы иметь сочетания *-кка*, *-гка*, *-хка*). Формы на *-ка* не стали обычными и от образований на *-жцы*, хотя они структурно возможны: они должны кончаться на *-жка*. О том, что формы вроде *гамбуржка*, *петербуржка* избегаются, свидетельствуют хотя бы следующие примеры: «Недостаток, свойственный всем *гамбуржанкам*» (Г. Манн. Серьезная жизнь. Пер. Н. Вольпин; там же еще раз); «Незадолго до того он женился на художнице Ангелине Петровне Беловой, *петербуржанке* с голубыми глазами, светлыми волосами, по-северному сдержанной» (Эренбург. Люди, годы, жизнь)[37].

---

[35] Ср. в «Охранной грамоте» Пастернака: «А я бежал к нему, как к *марбуржцу*»; там же несколько раз *марбургский*.

[36] Вообще «затруднения» морфонологического порядка могут приводить к тому, что определенная морфологическая модель совсем не получает распространения в языке. Так произошло с формами сравнительной степени на *-ее* от прилагательных на *-ский*: не существует форм ни типа *страдальческее*, *хулиганскее*, ни типа *страдальчещее*, *хулиганщее*, так как те и другие «морфонологически неприемлемы».

[37] Это образование встречается еще у Щепкиной-Куперник («Театр в моей жизни»); ср. *петербуржица* в письме Чехова (примеры из картотеки Сектора истории литературного языка). Заметим, что парные формы женского рода не образуются с пол-

В целом можно констатировать, что образования названий жителей на *-кцы — -кец*, *-гцы — -гец*, *-хцы — -хец*, несмотря на «морфонологическую необычность», отвечают тенденциям развития русской морфонологической системы и должны получать все большее распространение.

ной свободой и еще от некоторых морфологических разрядов, например от названий жителей на *-ичи*: есть ли, например, *омичка*, *томичка*, *сормовичка*? (но *москвичка* есть).

Я. И. Шубов

Практическая транскрипция и эпонимические термины

Практическая транскрипция представляет собой насущную проблему не только для топонимики и ономастики. Она призвана обслуживать также заимствованные эпонимические термины [1], широко распространенные в различных областях знания. Под практической транскрипцией понимают совокупность приемов передачи слов одного языка словами другого языка, в который они входят [2]. Хотя к этим приемам давно уже прибегают постоянно как языковеды, так и специалисты других областей знания, до сих пор не выработаны общие, обязательные для всех, правила такой передачи. Отсутствие общепринятых правил приводит к значительному разнобою в написании и произношении одних и тех же слов. Для устранения разнобоя и установления единообразного и с точки зрения практической транскрипции правильного написания иностранных эпонимических терминов необходима совместная работа языковедов со специалистами той области знания, к которой относится данная терминология.

---

[1] Эпонимическими терминами мы называем термины, образованные от личных имен. Ср. «Словарь иностранных слов», под ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова. Изд. 4. М., 1954 и 2-е изд. БСЭ: «Эпоним — дающий чему-либо свое имя». Ср. также франц. *éponyme* и англ. *eponym(e)*.

[2] А. А. Реформатский. Практическая транскрипция иноязычных собственных имен. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», т. XIX, вып. 6. М., 1960, стр. 534.

Некоторый опыт такой работы имеется в редакции Большой медицинской энциклопедии. В процессе работы над вторым изданием БМЭ мы обнаружили большой разнобой в медицинской терминологии вообще и в передаче иностранных эпонимических терминов в особенности. Была проделана работа по упорядочению русской передачи иностранных эпонимических медицинских терминов, а также «канонизированы» с помощью составления специального словаря для редакторов и корректоров имена наиболее известных ученых и произведенные от них термины.

При составлении словаря, помимо вопросов правильной передачи иностранных собственных имен с различных языков, мы столкнулись с необходимостью решить и другие вопросы: о передаче так называемых «традиционных» терминов; о передаче терминов, образованных от омонимических имен; о передаче терминов, заимствованных через язык-посредник; о неодинаковой передаче различных терминов, образованных от одного и того же имени.

Рассмотрим вопрос о так называемых традиционных терминах.

В медицинской терминологии, так же как и в терминологии других областей знания и в топонимике, есть немало слов, образованных от неправильно переданных собственных имен. Например: *тельца Русселя* или *русселевские тельца* [по имени английского врача Вильяма *Русселя* (William Russell, 1852—1940)] «правильно» было бы *Расселл* и *расселловские* тельца; *гунтеров канал* [по имени английского анатома и хирурга Джона *Гунтера* (John Hunter, 1728—1793)] вместо *Хантер* и *хантеров канал; пахионовы грануляции* [по имени итальянского анатома Антонио *Пахиони* (Antonio Pacchioni, 1665—1726)] вместо *Паккиони* и *паккиониевы грануляции*; *гайморова полость*, *гайморит* [по имени английского хирурга *Гаймора* (H. Highmore, 1613—1685)] вместо *Хаймор*, *хайморовы* полости и *хайморит*; *броунизм* [по имени шотландского врача Джона *Броуна* (John Brown, 1735—1788)] вместо *браунизм*; *дугласово пространство* [по имени шотландского анатома Джеймса *Дугласа* (James Douglas, 1675—1742)] вместо *Даглес* и *даглесово пространство* и т. п. Ср. также термины из других областей знания: *броуновское движение* [по имени английского ботаника

Роберта *Броуна* (Robert Brown, 1773—1858)] вместо *Браун* и *броуновское движение*; *закон Дальтона* [по имени английского химика и физика Джона *Дальтона* (John Dalton, 1766—1844)] вместо *закон Долтона*; *ангстрем* по имени шведского физика Андерса *Ангстрема* (Anders Angstrem, 1814—1874)] вместо *онгстрем* и т. д.

Употребляемые в устной речи и в литературе по традиции такие термины представляют собой факты языка и требуют регламентации. В связи с этим возникает вопрос о том, какие именно эпонимические термины, переданные неправильно, должны быть сохранены как традиционные. При решении этого вопроса мы принимаем во внимание следующие признаки: «возраст» термина; распространенность его в одной или в нескольких областях знания и частота употребления; употребительность не только в специальной терминологии, но и в обиходной речи; наличие двух или нескольких терминов, образованных одинаково от имени одного и того же ученого.

Бытующие в современной медицинской литературе термины *гайморова полость*, *дальтонизм*, *гунтеров канал*, *гунтеровский шанкр*, *гаверсовы каналы*, *хорея Сиденгама*, *хорея Гентингтона* встречаются в общих и медицинских справочниках начиная с середины XIX в.[3] Термин *броуновское движение* широко распространен в физике, химии и медицине; *дальтонизм* — в физике и медицине; *сегнетова соль* — в химии и фармакологии. Общеупотребительны такие термины, как *гайморит*, *дальтонизм*, *бертолетова соль*. От имен одних и тех же ученых образованы термины *волокна*, *клетки* и *феномен Пуркинье*; *дальтонизм*, *дальтоник* и *закон Дальтона*; *гунтеровский канал* и *гунтеровский шанкр*; *сегнетова соль*, *сегнетоэлектрики* и *сегнетоэлектричество*; *гайморова полость*, *гайморово тело* и *гайморит*.

---

[3] См., например, «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания», под ред. Ф. Толля и В. Р. Зотова. СПб., 1863—1864 и доб. 1875; «Энциклопедия практической медицины», под ред. В. В. Подвысоцкого и Л. Я. Якобзона, т. I—IV. СПб., 1908—1910; «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1890—1907; «Реальная энциклопедия практической медицины». СПб., 1909—1915; «Терминологический медицинский словарь». Сост. Л. Гринберг. СПб., 1864; А. Эйленбург и М. Афанасьев. Реальная энциклопедия медицинских наук, т. I—XXI. СПб., 1891—1900.

Мы полагаем, что, если термин характеризуется одним или несколькими из указанных признаков, этого достаточно, чтобы признать его «правильным» и устранить разнобой, который нередко возникает вследствие нарушения многолетних, а иногда и многовековых традиций.

Вот некоторые случаи таких нарушений. В девятом издании «Государственной фармакопеи» (Медгиз. М., 1961, стр. 302) принят термин *сеньетова соль*, БСЭ и МСЭ в статьях «Сегнетова соль» приводят термин *сеньетова* с пометой «правильнее». В следующих же статьях «Сегнетоэлектрики» и «Сегнетоэлектричество» «более правильные» варианты не приводятся. Между тем как эти последние термины имеют то же происхождение, что и термин *сегнетова соль*: все они образованы от имени французского фармацевта Пьера *Сеньета* (Pierre Seignette, 1660—1719). В химической и физической литературе, в фармакологических справочниках, изданных до 1960 г., и в устной речи специалистов распространены термины *сегнетова соль*, *сегнетоэлектрики* и *сегнетоэлектричество*. Изменение формы одного из этих терминов не целесообразно.

Широкое распространение получили у нас термины, произведенные от фамилии английского врача Томаса *Сиденгама* (Thomas Sydenham, 1624—1689): *сиденгамовская хорея* или *хорея Сиденгама*, *кашель Сиденгама*, *бахрома Сиденгама*. Однако в последнее время введена и другая передача фамилии этого ученого: *Сиденхем*. В Большой и Малой советских энциклопедиях изменена и форма одного из терминов: *хорея Сиденхема*[4]. Однако как в устной речи специалистов, так и во всей медицинской литературе традиционная форма всех образованных от этой фамилии терминов не изменяется. Возвращение к традиционному написанию фамилии и сохранение формы терминов, по-видимому, целесообразно и в данном случае.

Еще более широкое распространение получили термины *клетки Пуркинье*, *феномен Пуркинье*, *волокна Пуркинье* (по имени чешского физиолога Яна *Пуркинье*).

[4] Любопытно, что в обеих названных энциклопедиях сохраняется традиционная форма заимствованного значительно позже термина *хорея Гентингтона*, по имени американского врача *Гентингтона* (правильнее *Хантингтона*, George Sumner Huntington, 1862—1929), см. БСЭ, т. 46, стр. 331; МСЭ, т. 10, стр. 132.

В последние годы, во втором издании Большой медицинской энциклопедии, в Большой и Малой советских энциклопедиях, а также в «Биографическом словаре деятелей естествознания и техники» (М., 1958), имя этого ученого приводится уже и в другой передаче — *Пуркине*, между тем как традиционная форма терминов в этих же справочниках и во всей медицинской литературе, как правило, сохраняется. В устной речи среди специалистов бытует только одно произношение этой фамилии — *Пуркинье*.

Имя Яна Пуркинье широко известно в мировой медицинской и справочной литературе. Значительная часть его работ написана на немецком языке и по-латыни под именем Johannes Evangelista Purkinje[5]. В справочниках, дающих фонетическую транскрипцию, фамилия *Пуркинье* передается как *pyrkinje*[6]. Этим и объясняется русская передача на письме и чтение данной фамилии и произведенных от нее терминов. Правильное, с точки зрения чешского языка, написание и произношение фамилии *Пуркине* (Jan Evangelista Purkyně) появилось у нас только в последнее десятилетие. Следует, пожалуй, и в данном случае сохранить привычное произношение и написание как самой фамилии, так и произведенных от нее терминов.

Сохранение традиционного написания эпонимических терминов необходимо потому, что, независимо от каких-либо правил, они представляют собой русские слова, бытующие в области данной терминологии на протяжении многих лет, а иногда и столетий. Это термины, ставшие привычными для многих поколений специалистов.

Если же встать на путь «исправления» эпонимических терминов, то следует говорить и писать также *долтонизм*, *хайморит*, *бертолеева соль* и т. п. Это не только увеличит разнобой, но и сделает терминологию лабильной, а в ряде случаев может привести и к недоразумениям, так как некоторые «исправленные» термины не будут узнаны даже специалистами.

---

[5] См.: Garrison and Morton's Medical Bibliography. London, 1954; Encyclopedia of Medical Sources by Emerson Crosby Kelly. Baltimore, 1948.

[6] См., например, Taber's Cyclopedian Medical Dictionary: *poorkinye*; Dorland's Medical Dictionary. Philadelphia and London, 1957: *purkinje*.

Может быть, в некоторых случаях следовало бы сохранять традиционное написание эпонимических терминов, приводя в справочной литературе имена самих эпонимов в двух формах — в традиционной и в более правильной, с соответствующей пометой. Дело в том, что в составе термина имя в большей или меньшей степени утрачивает свое значение личного наименования, а иногда воспринимается независимо от него. Степень «нарицательности» тем больше, чем меньше сохраняется в термине значение «имени», «памяти», «в честь» такого-то. Некоторые же эпонимические термины по своей лексико-семантической и грамматической структуре сливаются с именами нарицательными. Сравним, например, *гаймо-рит*, с одной стороны, и *плеврит*, *бронхит* — с другой; *киловольт*, *килогерц* и *килограмм*, *километр*; *рентгено-грамма*, *дебаеграмма и фонограмма*, *сейсмограмма*; *кюри-терапия*, *рентгенотерапия* и *физиотерапия*, *фармакоте-рапия*, *химиотерапия*. В качестве имен нарицательных эпонимические термины свободно сочетаются с личными именами, образуя другие эпонимические термины: *рик-кетсии Провацека*, *риккетсии Бернета* [по именам американского патолога *Риккетса* (H. T. Ricketts, 1871—1910), чешского паразитолога *Провацека* (S. J. M. Prowa-zek, 1876—1915) и австралийского микробиолога *Бернета* (F. M. Burnet, род. в 1899 г.); *сальмонелла Шотмюллера* [по именам американского патолога *Салмона* (D. E Salmon, 1850—1914) и немецкого врача и бактериолога *Шотмюл-лера* (H. Schottmüller, 1867—1936)]; *шигелла Бойда* (правильнее было бы *сигелла*) [по именам японского бактериолога *Сиги* (K. Shiga, род. в 1870 г.) и американского микробиолога *Бойда* (W. C. Boyd, род. в 1903 г.). Бóльшая традиционность эпонимических терминов по сравнению с личными именами поддерживается еще и тем, что термин довольно часто широко распространяется, в то время как само имя, от которого он образован, мало известно[7]. Если «исправления» возможны в редких случаях в ономастике и топонимике, то в эпонимических терминах, как и в терминах вообще, они не приняты. Традиционные термины следует узаконить и не приводить в специальной и справочной литературе другие варианты с пометой «правильнее». Кстати, нам кажется

[7] Ср., например, такие слова, как *гайморит*, *сегнетова соль*.

нецелесообразным менять не только написание и произношение традиционных терминов, но и ударение в них. Не следует, например, называть единицу дозы рентгеновского излучения *рéнтген*, как это делают некоторые специалисты-медики. С ударением на последнем слоге известно это слово в обиходной речи, среди большей части физиков и медиков. Такое же ударение рекомендуют БСЭ, МСЭ, БМЭ, «Словарь русского литературного языка», «Словарь русского литературного произношения и ударения».

Другого рода затруднения при передаче фамилий и эпонимических терминов возникают в том случае, если в литературе и в устной речи среди специалистов распространены два или три различных, неправильных с точки зрения норм практической транскрипции, варианта. В этом случае вряд ли целесообразно принять какой-либо из них, и мы обычно вводим правильную передачу как самой фамилии, так и произведенных от нее терминов.

Так, в литературе (см., например, БМЭ, БСЭ, МСЭ, «Биографический словарь») встречаются два неправильных варианта фамилии голландского анатома *Рейса* (Frederic Ruysch, 1638—1731): *Рюиш* и *Рейш*; три неправильных варианта фамилии английского микробиолога *Берги* (David Hendricks Bergey, 1860—1937): *Берджи*, *Бердже*, *Берже*; два неправильных варианта фамилии испанского гистолога *Ортеги* (Pio del Rio Hortega, 1822—1945): *Гортега*, *Хортега*. Мы установили правильное написание: *Рейс*, *Берги*, *Ортега*. В соответствии с этим в нашем словаре даны термины: *классификация Берги*, *метод Ортеги*.

Из сказанного не следует, однако, что определенное произношение закрепляется за данной фамилией вообще. Речь идет только о фамилиях тех ученых и о терминах, образованных от этих фамилий, которые стали традиционными. Если вновь заимствуется омонимическая фамилия и от нее образуется термин, то следует придерживаться норм практической транскрипции. Ср., например, медицинские термины: *классификация патологических изменений Брауна* [по имени английского врача *Брауна* (H. R. Brown)]; *карцинома Брауна — Пирса* [по именам американских врачей *Брауна* и *Пирса* (W. Brown, L. Pearce, род. в 1885 г.)]; *среда Расселла* [по имени

американского бактериолога *Расселла* (F. Russell, род. в 1870 г.)][8]. Наряду с закрепленными традицией неправильными эпонимическими терминами в одной области знания существуют правильно образованные от омонимических фамилий термины в другой области. Так, медицинский термин *биотово дыхание* образован от фамилии французского врача *Био* (Camille Biot, XIX в.), а физический термин *закон Био — Савара* — от фамилий французского астронома и физика *Био* (Jean-Baptiste Biot, 1774—1862) и французского физика *Савара* (Félix Savart, 1791—1841).

Другая не менее важная для медицинской терминологии проблема — это передача терминов, заимствованных через язык-посредник. Некоторые иностранные эпонимические термины заимствуются не непосредственно из языка-источника, а через язык-посредник или одновременно двумя этими способами. Для анатомической номенклатуры, например, таким языком-посредником является латынь. Латинизированные термины образуются следующим образом: к основе фамилии ученого, которая передается по правилам чтения латинских слов, присоединяется суффикс притяжательного прилагательного. Вот некоторые из этих терминов: *десцеметова оболочка* (лат. membrana descemeti), по имени французского анатома Жана *Десеме* (Jean Descemet, 1732—1810); *пахионовы грануляции* (лат. granulationes arachnoidales pacchioni), по имени итальянского анатома Антонио *Паккиони* (Anionio Pacchioni, 1665—1726), *баугиниева заслонка* (лат. valvula bauhini), по имени швейцарского анатома Гаспара *Боэна* (Gaspar Bauhin, 1560—1624).

Образованные таким способом термины являются общепринятыми в медицинской терминологии и передаются единообразно, особенно в тех случаях, когда фамилии самих эпонимов мало известны. Сложнее обстоит дело в тех случаях, когда традиционным оказывается только термин, образованный от какой-либо фамилии, между тем как сама фамилия передается иначе, с учетом произношения в языке-источнике. Так, например,

---

[8] Ср. также БСЭ, т. 35, стр. 309: фамилия чешского живописца *Пуркине* передана в соответствии с правилами чтения на чешском языке независимо от того, что омонимическая фамилия его отца передается там же иначе, по традиции: *Пуркинье*.

в медицинской литературе и в устной речи среди специалистов часто упоминается имя французского хирурга *Пти* (Jean Louis Petit, 1674—1750)[9]. В латинизированной же анатомической номенклатуре применяется термин trigonum petiti — по имени этого ученого. Отсюда и русская передача этого термина — *петитов треугольник*[10]. В русской научной и справочной литературе известно имя французского химика *Бертолле* (Claude-Louis Berthollet, 1748—1822)[11]; вместе с тем общеизвестен и упомянутый выше термин *бертолетова соль*[12].

Такие различия в передаче одной и той же фамилии возникают либо в тех случаях, когда она заимствуется разными путями, либо тогда, когда она передается разными способами. Так, фамилия *Пти* заимствована непосредственно из языка-источника, а термин *петитов треугольник* — через латинский язык; при передаче фамилии *Бертолле* за основу было принято воспроизведение фонемного состава, а при передаче термина *бертолетова соль* — воспроизведение буквенного состава (транслитерация).

Вследствие таких различий при передаче иностранных собственных имен бывает и так, что одно и то же имя распространяется в двух или трех различных вариантах, из которых некоторые входят в состав терминов. Таково имя английского анатома *Уиллиса* (Th. Willis, 1621—1675). В литературе оно больше известно как *Виллис* и *Виллизий*[13]. Известны также образованные от этого имени термины: *симптом Виллиса*[14], *виллизиев круг* и *виллизиев нерв*[15] (ср. лат. circulus arteriosus villisii, nervus accessorius willisii). Латинский вариант имени датского анатома и физиолога Стенсена — Steno (N. Stensen, 1638—1686) — послужил основой для обра-

---

[9] См., например, БМЭ, т. 27, стр. 470.

[10] Там же, стр. 471. Следует отметить, что, наряду с термином *петитов треугольник*, применяется и термин *треугольник Пти*.

[11] См. БСЭ, МСЭ, БМЭ.

[12] См. «Словарь русского языка», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1957, а также БСЭ, МСЭ, БМЭ.

[13] См. «Энциклопедический словарь». Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон., т. II. СПб., 1894, стр. 342; БМЭ, т. 5. Изд. 2, стр. 392; БСЭ, т. 44. Изд. 2, стр. 52.

[14] БМЭ, т. 5. Изд. 2, стр. 392.

[15] Там же.

зования термина *стенонов проток*, между тем как само это имя известно в своей датской форме — *Стенсен*[16].

В таких случаях следует, по-видимому, также считаться с установившейся передачей как с традиционной.

Само собой разумеется, что круг нерешенных проблем практической транскрипции эпонимических терминов не исчерпывается поставленными здесь вопросами. Большие затруднения вызывает, например, склонение некоторых личных имен, входящих в состав эпонимических терминов (*дерматоз Унны*, по имени немецкого врача P. G. Unna, 1850—1929); вопрос о форме родительного падежа множественного числа терминов, образованных от личных имен (*пять рентген* или *пять рентгенов?*); об орфографическом оформлении терминов, компонентами которых являются личные имена (*кюритерапия* или *кюри-терапия?*) и мн. др.

---

[16] Ср.: Blakiston's New gould medical dictionary, 2 ed. New York—Toronto—London, 1956.

К. Н. Вальджан

К вопросу о стяжении английских топонимов

В географических названиях (топонимах) содержится богатый материал по истории народов, истории языков и исторической географии. Найти и исследовать этот материал позволяет устойчивость их формы (чрезвычайно устойчивы географические названия корневого типа, особенно названия рек). Но географические названия не стоят в стороне от развития языка данной страны. Характер, скорость и степень их изменения зависят от ряда причин, которые мы попытаемся выяснить на материале английских названий, в частности названий населенных пунктов.

При первом знакомстве с географическими названиями Англии невольно обращаешь внимание на ряд крупных несоответствий в написании и произношении: *Leicester* ['lestə], *Greenwich* ['grinidʒ], а населенные пункты Кента *Fordwich*, *Wrotham* и *Teston* произносятся ['fɔrdits], [ru:tm] и [ti:sn]. Этот список может быть значительно увеличен. Если же мы обратимся к древним земельным грамотам и другим историческим документам, включая старинные карты, то обнаружим сильную историческую тенденцию к упрощению, в первую очередь звуковой, а затем и графической формы географического названия. Следует сразу же пояснить, что такое развитие характерно для названий населенных пунктов[1], которые

[1] С. Б. Веселовский именует названия городов и селений «культурно-географическими терминами» (С. Б. Веселовский.

в Англии по своему происхождению, как правило, являются сложными словами. Форма названий физических объектов — рек, озер, возвышенностей и т. п. отличается большой устойчивостью. Для иллюстрации приведем несколько примеров. По данным словаря Э. Экуолла[2], город Брайтон восходит к «*Beorhthelm's TŪN*» («город Беорхтхельма»), где *Beorhthelm*, а точнее *Brighthelm*[3], — имя саксонского епископа. В источнике 1086 г. (Domesday Book) это *Bristelmestune*, в Англосаксонской хронике (1107—1118 гг.) — *Bristelmestuna*, в грамоте Джона де Уоррена (1313 г.) — *Brighthelmstone*, на карте Британских островов Герарда Меркатора (1564 г.) — *Bricht Hemston*. В атласе Джона Спида[4] на карте королевства Англии работы Кристофера Сакстона (ок. 1575 г.) находим *Brightelmiston*, а на карте «Суссекс», составленной Спидом (1610 г.), *Brighthemston*. Современная форма — *Brighton*. Город Эпсом в графстве Суррей восходит к «*Ebbe's HĀM*» («жилище или поместье Эббы») и в документе 973 г. (Cartularium Saxonicum) пишется *Ebbesham*. Современная форма — *Epsom*. Сложное слово превратилось в простое. В некоторых случаях известны исходные формы — описательные словосочетания, состоящие из двух слов. Так, для деревни *Lagness* в Суссексе сохранилась форма *Langan ersc* (680 г.) — «длинное пастбище». В рукописи 1179 г. (Pipe Rolls) это Langeners, в земельном документе 1242 г. находим *Lageners*, в атласе Спида[5] — *Leugnersh*.

В упомянутом выше словаре Э. Экуолла собрано более тысячи сложных названий населенных пунктов с древнеанглийскими формами. Классификация этого материала по графствам и степени укорочения названий показывает, что этот процесс наиболее типичен для Южной Англии. Мы полагаем, что для исторического процесса уменьшения длины сложных географических названий, который заключается в укорачива-

Топонимика на службе у истории. «Исторические записки», вып. 17. М., 1945, стр. 24).

[2] E. Ekwall. The concise Oxford dictionary of English place-names. 4-th ed. Oxford, 1960, стр. 65.

[3] W. Beattie. The ports, harbours, watering-places and coast scenery of Great Britain, vol. 1. London, 1842, стр. 151.

[4] J. Speed. The Theatre of the Empire of Great Britaine..., Book 1. London, 1627, стр. 5 и 9.

[5] J. Speed. Указ. соч., стр. 9.

нии звуковой формы, затемнении первоначальной семантики и опрóщении грамматической структуры слова, наиболее подходящим оказывается термин «стяжение». При сопоставлении современной формы со старинной прежде всего бросается в глаза именно историческое укорочение орфограммы. Название становится короче, стягивается. Внутренняя форма сложного слова становится нечеткой, и слово приближается структурно к простому производному — происходит опрóщение сложного слова.

Вопрос о развитии стяженных сложных топонимов, как вытекает из самого определения этого процесса, распадается на три вопроса: 1) звуковые изменения, 2) грамматические изменения и 3) семантические изменения. Причина стяжения топонимов представляет собой взаимодействие причин трех названных выше языковых изменений, к которым, как мы увидим ниже, добавляется ряд внеязыковых моментов, связанных со спецификой этой разновидности имени собственного.

Отчетливость произношения отдельных слов в процессе говорения зависит у каждого человека от характера разговора. Произношение слов лектором, оратором, диктором должно быть чрезвычайно ясным и правильным. В кругу семьи, при беседе с друзьями допустима определенная небрежность. В бытовой речи человек стремится к лаконичности, которая в первую очередь сказывается на многосложных словах. Человек бессознательно опускает один из двух соседних и близких по своей природе звуков или несколько звуков. Этой тенденции противодействует требование обязательной понятности слова. Слово, непонятное для данного человеческого коллектива, перестает быть средством общения.

Сказанное полностью приложимо к нарицательным именам. Но географическое название (топоним) относится к именам собственным, и это накладывает определенный отпечаток на характер его развития, в частности на изменение его звуковой формы. Некоторые лингвисты игнорируют влияние специфики географических названий на их развитие. Так, Уайлд пишет: «Если не считать случайных неправильных изменений, вызываемых аналогией или народной этимологией, то можно сказать, что английские географические названия имеют обычное и правильное фонетическое развитие, совершенно та-

кое же, как и у других слов»[6]. Как видим, Уайлд отмечает действие аналогии и народной этимологии, но относит их к разряду случайных влияний. Исследуя изменение звуковой формы сложных существительных (нарицательных и географических наименований) в процессе опрóщения этих слов, Н. А. Чекмазова пришла к выводу, что «географические наименования (имена собственные) развивались тем же путем, что и имена нарицательные»[7].

Имена собственные отличаются от нарицательных по функционированию в речи и по их смысловому наполнению (семантике). Прежде всего функцией имен собственных, как указывает Л. А. Булаховский, является «различать в ряду однотипных предметов, не указывая прямо на их свойства (признаки), одни от других»[8]. Отсутствие прямого указания на свойства предмета можно принять за характеристику имени собственного со стороны его семантики. Превалирует номинативная функция. Коммуникативная функция отступает на второй план. Очень полное определение имени собственного дано Н. А. Янко-Триницкой: «Имя собственное это словесный знак, второе название единичного предмета, выделяющее этот предмет из ряда однородных, но не дающий никаких указаний на признаки или свойства этого предмета, а поэтому и не объединяющий сходных предметов»[9]. В наибольшей степени всеми перечисленными признаками обладают топонимы, имена людей и животных, и их по справедливости можно назвать «именами собственными в узком смысле слова»[10]. В своей абсолютной форме «имя

---

[6] H. C. Wyld. Place-names and English linguistic studies. «Introduction to the Survey of English Place-Names», Pt 1. Cambridge, 1925, стр. 133.

[7] Н. А. Чекмазова. Фонетическая редукция в английском языке. «Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та», т. 80. Кафедра лексики и фонетики англ. яз., вып. 3, 1958, стр. 211. — Автор сопоставляет развитие *Northwic* > *Norwich* ['nɔridʒ] (главный город графства Норфолк) и *igland* > *island* ['ailənd] — «остров».

[8] Л. А. Булаховский. Введение в языкознание, ч. 2. М., 1953, стр. 102.

[9] Н. А. Янко-Триницкая. О некоторых особенностях имен собственных. «Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та», т. 42. Кафедра рус. яз., вып. 4, 1957, стр. 237.

[10] Там же, стр. 238.

связано с предметом только своим звучанием, в том смысле, что содержание имени определяется соотнесенностью с предметом»[11].

Как же отражаются эти особенности имени собственного на его изменении, конкретнее, на процессе стяжения английских названий населенных пунктов? В древнейших письменных памятниках англосаксонского периода удается обнаружить ряд словосочетаний топонимического характера типа «определение + определяемое», стоящих на грани превращения в сложные слова. По характеру составных элементов эти сочетания распадаются на две группы.

Первая группа. Знаменательное слово (имя существительное нарицательное, прилагательное) и номенклатурный термин: в земельном акте 956 г. находим *æt fif hidum*, в рукописи 968 г. из этого же сборника[12] — *æt Fifhidan* (др.-англ. *fīf hīde* — «пять наделов»), т. е. поместье площадью в пять семейных наделов[13] (совр. *Fyfield* в Беркшире); для *Domra hamm* — ок. 880 г. (BCS) и *at Domerham* — 946 г. (BCS) правильной древнеанглийской формой является *dōmera hamm* «селение судей» (совр. *Domerham* в Гемпшире). Таких словосочетаний дошло до нас очень мало. Обычно мы находим уже сложные слова с четко выступающими составными элементами.

Вторая группа. Имя собственное и номенклатурный термин: *Tiðulfes treow* — 785 г. (BCS) — «дерево Тидвульфа» (совр. *Elstree* в Хартфордшире); *Pecgan ham* — 680 г., *Pacgan hamm* — X в. (BCS) — «жилище Пагга» (совр. *Pagham* в Суссексе); *Maldulfes burgh* — ок. 890 г.[14] — «город Мальдульфа» (совр. *Malmesbury* ['mɑ:mzbəri] в Уилтшире).

Превращение описательной синтаксической единицы в морфологическую можно назвать исходным этапом стяжения географического названия, так сказать, предысторией процесса. Переломный момент Э. П. Шубин ха-

[11] К. А. Аллендорф. Проблема имени собственного на материале топонимических наименований Франции. «Уч. зап. 1-го Моск. пед. ин-та иностр. яз.», т. 5, 1953, стр. 133.

[12] Cartularium Saxonicum, ed. by W. de Gray Birch, I—III. London, 1885—1893 (сокращенно BCS).

[13] Надел земли для одной семьи равнялся 120 акрам.

[14] The Old English version of Bede's Ecclesiastical history of Englich people, ed. T. Miller, I—II, London. 1890—1898.

рактеризует, в частности, «превращением описания в называние»[15]. Только после этого элементы словосочетания сливаются в сложное слово, обладающее такими признаками цельнооформленности, как слитное написание, единое ударение и др. Превращение описательного словосочетания в географическое название является скачком качественного характера: имя нарицательное становится именем собственным.

Развитие географического названия определяется особенностью его функции в человеческом коллективе, которая связана с понятийным содержанием. Имя собственное — второе название единичного предмета. Это — слово, осуществляющее единичное понятие. К. А. Аллендорф определяет специфику имени собственного следующим образом: «Имя связано с предметом только своим звучанием, содержание имени определяется соотнесенностью с предметом, тогда как в словах содержание слова (общее понятие) определяет его соотнесенность с предметом, т. е. слово соотносится с тем или иным предметом в зависимости от своего содержания»[16]. Именно эта специфика делает возможным переименование географических объектов, открывает широкие возможности для вмешательства в изменения названий внеязыковых факторов.

Тем не менее движущей силой развития и стяжения топонима является деэтимологизация составляющих его элементов — слов. В ряде современных форм мы не находим прямых указаний на происхождение названия. Так, довольно трудно догадаться, что [strausn] (*Stroxton* в Линкольншире) восходит к др.-англ. *Strōþes-tūn* — «селение в болотистой местности» (древнейшая форма *Stroðistun* — ок. 1067 г.[17]). Э. Экуолл указывает, что *Elton* в Хантингдоншире (древнейшая форма *Æþelingtun* — 972 г., BCS) восходит к «селению «благородных» (*æþelings-tūn*) или к «селению людей Æþelhēah'a»[18]. В обоих примерах написание сохранило второй элемент

[15] Э. П. Шубин. К вопросу о сложном слове и словосочетании в английском языке. «Уч. зап. Пятигорского пед. ин-та», т. 10, 1955, стр. 459.

[16] К. А. Аллендорф. Указ. соч., стр. 134. — Аллендорф условно обозначает «имя» — имя собственное, а через «слово» — слово, осуществляющее общее понятие.

[17] Anglo-Saxon Wills, ed. D. Whitelock. Cambridge. 1930.

[18] E. Ekwall. Указ. соч., стр. 165.

сложного слова, но истинную форму географического названия дает только его произношение, и *Elton* мы читаем как ['ɛltən]. Несмотря на специфику общего понятия слова в приложении к географическому названию, характер изменения звуковой формы и опрощения морфологической структуры зависит от составляющих слово элементов.

Древний топоним, составленный из имени собственного и номенклатурного термина (вторая группа), уже изначально менее конкретен, чем топоним первой группы, у которого оба элемента — обозначения определенных предметов или качеств. Вследствие повышенной степени отвлеченности общего содержания такой топоним стоит ближе к условному звучанию, закрепленному за каким-то географическим объектом [19].

Изменение звуковой формы названия определяется в чисто языковом плане степенью деэтимологизации составляющих элементов. Утеря составляющими элементами их первоначального смысла протекает в географическом названии быстрее, чем в нарицательном сложном слове, так как этот процесс не тормозится силами смыслового сцепления элементов в рамках общего понятия. Ведь основная функция географического названия в речи людей — назывная. Деэтимологизацию следует понимать конкретно, как утрату понятности слова для основной массы людей, говорящих на данном языке. Слово может устареть и выпасть из обращения, может забыться его историческое значение, и тогда такой элемент сложного топонима окажется звуковым отрезком, в соответствующем графическом оформлении, подверженным действию всех звуковых законов, характерных для развития данного языка.

Помимо древнеанглийских слов, в английских топонимах находим элементы кельтские, латинские, скандинавские и французские, отражающие историю населения Британских островов. Иноязычные элементы быстро становились непонятными народным массам и подвергались вторичному осмыслению (народная этимология) или же изменялись тем же путем, что и слова, вышедшие из употребления как устарев-

[19] Входящие в состав сложного топонима имена лиц, названия рек и т. п. сами являются продуктом исторического развития и восходят к конкретным словам.

шие. И. Тейлор отмечает: «Существует естественное стремление приписать названиям правдоподобное значение, т. е., короче говоря, превратить их из звуков в слова»[20]. В качестве примера Тейлор указывает на *Dun-y-coed* («лесистый холм», кельтское) в Девоншире, который ныне называется *Dunagoat* (goat — «козел»). *Uuiggangeat* — 972 г. (BCS) Экуолл раскрывает как «ворота или проход Викги» (др.-англ., имя *Wicga*). Позднее первый элемент названия ассоциировали с рекой *Wye*, возле которой расположен этот пункт, и получили совр. *Wyegate* (Глостершир)[21].

Итак, в целом фонетическое укорачивание топонима можно рассматривать как следствие его роли в речи людей и деэтимологизации его составных элементов. «Географические наименования, — пишет Н. А. Чекмазова, — входят в состав широко употребительных слов. При частом устном употреблении... ранее сложных наименований поселений, деревень, растущих городов сложный состав слов скоро забылся, поскольку это было несущественно для целей общения. Звуковая форма потеряла связь с первоначальным значением и стала употребляться для обозначения определенного места жительства. Звуковая форма... стала подвергаться упрощению (редукции и ассимиляции)...»[22].

Некоторые авторы основной движущей силой фонетического изменения топонима считают фактор акцентуации. Такой точки зрения придерживается, например, А. Бах, который считает «этимологическую непрозрачность» элементов названия всего лишь обстоятельством, усиливающим фонетическую редукцию[23].

Укорачивание звуковой формы географического названия слагается из взаимодействия двух фонетических процессов — редукции и ассимиляции. Наличие в развитии сложных топонимов редукции уходит своими корнями в процесс превращения описательного словосочетания в сложное слово — топоним, при кото-

[20] I. Taylor. Words and places. London, 1864, стр. 407—408.
[21] E. Ekwall. Указ. соч. стр. 540.
[22] Н. А. Чекмазова. Указ. соч., стр. 210 (разрядка наша. — *К. В.*).
[23] A. Bach. Die deutschen Ortsnamen, 1. Heidelberg, 1953, стр. 57.

ром второй компонент утрачивает ударение. Безударность слога ведет к сокращению гласного звука, его превращению в нейтральный [ə], а в ряде случаев и к его выпадению, как, например, в [hʌnstn] — *Hunstanton* в Норфолке, где древнее *tūn* («деревня») в безударном положении превратилось в [-tn].

Причиной редукции можно считать деэтимологизацию составных элементов топонима во взаимодействии с силовым ударением. Эти два фактора представляют собой именно причины редукции, а не ее условия, поэтому мы не можем согласиться с Н. А. Чекмазовой, которая пишет: «Фонетическая редукция проявляется интенсивнее там и тогда, где ее действие не встречает сопротивления со стороны семантики слов или морфем»[24].

Семантика слов и морфем, под которой автор, очевидно, разумеет определенную степень их смыслового наполнения, оказывается условием, влияющим на характер протекания фонетической редукции, на степень интенсивности этого процесса. В плане грамматическом, в связи с переходом от сочетания к сложному слову, Н. А. Чекмазова говорит об утрате ударения вторым компонентом как об условии, в значительной мере способствующем фонетической редукции[25]. Повторяем, что оба эти условия следует считать причинами, так как речь идет о семантическом и грамматическом факторах, взаимодействие которых дает исходный толчок процессу фонетической редукции. Однако в ряде других мест той же статьи Н. А. Чекмазова четко указывает, что деэтимологизация компонентов сложного слова является основным причинным фактором фонетического изменения слова[26]. Мы можем рассматривать фонетическую редукцию сложных топонимов как взаимодействие двух типов опрóщения слова: семантического (деэтимологизация) и грамматического, причем важным итоговым моментом последнего следует считать единое силовое ударение.

Что касается ассимиляции, то Б. А. Ильиш полагает, что в основе этого явления «лежит срастание составных частей слова в более тесное единство»[27], а отсюда и восприятие говорящим слова как единого целого.

---

[24] Н. А. Чекмазова. Указ. соч., стр. 187.
[25] Там же, стр. 210.
[26] Там же, стр. 188 и 210.
[27] Б. А. Ильиш. История английского языка. М., 1958, стр. 57.

Это еще одно проявление семантического опро́щения, хорошее определение которого находим у Л. А. Булаховского[28].

Если смысловая сторона слова является одной из главных пружин изменения фонетической формы топонима, то фонетические изменения в свою очередь влияют на смысловое наполнение слова. Этот факт был отмечен Н. В. Крушевским: «Процессы исчезновения, подмены и появления новых звуков ведут к затемнению и сглаживанию первоначального происхождения и состава слова»[29]. Следствие становится причиной — причиной новых изменений звуковой формы. Но изменение звуковой формы является также причинным звеном, связывающим деэтимологизацию частей сложного слова с изменением морфологической структуры слова, с его опро́щением, с превращением сложного слова в простое. В этом процессе бывшее определение становится корневой морфемой, а бывшее определяемое приобретает характер аффикса. Э. П. Шубин[30] указывает, что причина последующего превращения сложного слова в простое уже заложена в его цельнооформленности, в его семантическом единстве. Опро́щение, потеря словом своей внутренней формы, оказывает обратное действие на звуковую оболочку, выполняет роль стимула новых изменений. Взаимодействие в сложном топониме фонетического, семантического и грамматического факторов определяет стяжение как процесс, протекающий внутри языка. Но в силу специфики топонима он легко подвергается действию ряда внешних факторов. К таким причинным факторам следует отнести иноязычное влияние.

Древнеанглийские и среднеанглийские географические названия изучаются только по их написаниям, которые условно считают фонетическими. Подавляющее большинство древних форм заимствуют из разного рода официальных документов: актов на владение землей, завещаний, судебных документов, хроник и т. п. Письменность была в то время достоянием правящей вер-

[28] Л. А. Булаховский. Деэтимологизация в русском языке. «Труды Ин-та русского языка АН СССР», т. I. М.—Л., 1949, стр. 147.

[29] Н. В. Крушевский. Очерки науки о языке. Казань, 1883, стр. 128.

[30] Э. П. Шубин. Указ. соч., стр. 428.

хушки общества. Естественно, что в таких условиях на письменном языке не могло не отразиться покорение Англии сначала скандинавами, а затем норманнами. При владычестве норманнов государственным языком Англии в течение нескольких столетий являлся французский, точнее, его норманский диалект. Английский язык был оттеснен в низы общества: на нем говорила основная масса крестьян и городского населения.

Быть может, именно тем, что пишущие слабо владели языком покоренного народа, можно объяснить сильное искажение, и в частности стяжение, некоторых древнеанглийских названий населенных пунктов, которое находим в Domesday Book (Книге страшного суда). Эта книга представляет собой земельную опись Англии, составленную в 1086 г. для Вильгельма Завоевателя специально разосланными по стране королевскими чиновниками. Трудные для произнесения и непривычные для слуха звуки местных названий норманны приводили в соответствие с фонетическими законами своего языка. И. Тейлор[31] особо отмечает, что много примеров этого процесса можно найти в Domesday Book. Вот некоторые из них: (*to*) *Coddan hrycge* — 963 г. (BCS) и *Codrie* (Domesday Book) — совр. *Cotheridge* в Вустершире; *Corna liþ* — ок. 957 г. (BCS) и *Cornelie* (Domesday Book).

А. И. Лебедева отмечает: «Письменная традиция, а позже орфографическая норма сильно сказывались в написании географических названий»[32]. Эти слова в полной мере приложимы к английской топонимике. Известно, что современная английская орфография — орфография конца среднеанглийского периода. Современные написания не соответствуют форме, бытующей в народной речи. Исторический пример того, насколько живая форма названия опережает письменную, мы находим у Спида, который пишет, что графство Девоншир англосаксы называли *Deuenschyre*, а в результате сокращения появилась разговорная форма *Den-shire*[33], а *Malmesbury* «мы укорачиваем в *Malmsbery*»[34].

---

[31] I. Taylor. Указ. соч., стр. 399.

[32] А. И. Лебедева. Значение топонимики для исторической диалектологии. «Уч. зап. ЛГУ», № 267. Серия филол. наук, вып. 52 (тит. л. ошибочно: вып. 40), 1960, стр. 178.

[33] J. Speed. Указ. соч., стр. 19.

[34] Там же, стр. 25.

III

Н. И. Толстой

Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции

Позицию имени собственного в языке интересно и метко определил Е. Курилович. Он отметил, что наряду с «полными структурами» в языке существуют «недостаточные структуры» — имена либо с весьма ограниченным семантическим содержанием, либо с ограниченной сферой употребления. Имена собственные отнесены им к последней группе, так как их применимость сведена к минимуму. «Вместо того чтобы обозначать, как все имена нарицательные, имя собственное называет»[1]. Е. Курилович, стремясь упростить изложение, ограничил свои наблюдения «именами собственными человеческих индивидуумов» (у нас в дальнейшем — личные имена) и оставил в стороне топонимику (у нас в дальнейшем — географические имена). Однако, несмотря на сходность общей позиции и тех и других собственных имен, в языке между ними имеются и более частные, но все же достаточно существенные различия. Этими различиями не следует пренебрегать при постановке вопроса о передаче иностранных собственных имен, в частности славянских собственных имен, в русском языке, вопроса о переходе имен собственных в нарицательные, вопроса о стилистических функциях имен собственных и т. п.

I. Если обратиться к таким словам, как *Москва*, *София*, *Београд*, *Warszawa*, *Praha*, *Київ*, *Мінск*, *Bratislava*,

[1] J. Kuryłowicz. La position linguistique du nom propre. «Onomastica», 2, 1956, стр. 2; русск. пер. в кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Ljubljana, *Zagreb*, *Сарајево*, *Скопје*, *Подгорица*, *Budyšin*, и затем к таким словам, как *Иван*, *Јован*, *Jan* или *Николай*, *Никола*, *Mikolaj*, *Mikuláš* и т. д., то становится ясно, что первые, т. е. географические имена, уникальны, так как относятся к одному объекту, а вторые, личные имена, — не уникальны и могут относиться к целому ряду отдельных объектов. Таково положение в общих чертах. В ряде конкретных случаев можно привести примеры двух одинаковых географических названий, например *Ростов* и *Ростов*, или уникального личного имени, например *Наполеон*. Однако в сфере определенной социальной среды, определенного людского, а также территориального ареала в отношении имен географических наблюдается четкое стремление, имеющее почти силу закона, к уникализации географических имен и наделению их в случае «омонимии» дополнительными дифференциальными признаками. Например: *Ростов — Ростов на Дону* (или *Ростов н/Д*) и *Ростов-Великий; Новгород — Нижний Новгород* и *Новгород-Великий; Београд* — просто *Београд* и *Биоград на Мору; Бык — Верхний Бык* и *Нижний Бык; Хава — Верхняя Хава* и *Нижняя Хава* и т. д. В. А. Никонов справедливо заявил, что «названия никогда не существуют в одиночку, они всегда соотнесены друг с другом»[2], но он тут же отметил, что они стремятся к противопоставлениям, т. е. к уникализации. Десятки и сотни одинаковых русских *Иваново*, *Горелово*, *Троицкое*, *Ключи* и т. п.; сербскохорватских *Ivanje*, *Grahovo*, *Drenovac*, *Izvor;* болгарских *Иванковци*, *Дреново*, *Извор* и т. п. существуют в картотеках топонимистов и администраторов, но не в сознании и узусе отдельных коллективов. Разные топонимы имеют в зависимости от их «социального» значения и «функций» разный радиус известности, и, как правило, в окружности этого радиуса в случае «омонимии» возникает дополнительная дефиниция типа *Пески — Нижние Пески*.

Для личных имен это не характерно, или не столь характерно[3]. Во всяком случае даже достаточно замк-

---

[2] В. А. Никонов. Закон ряда в географических названиях. «Onomastica», № 6, rocz. IV, zesz. 1, 1958, стр. 57.

[3] Здесь уместно еще раз вспомнить пример, уже приводившийся Р. О. Якобсоном, а вслед за ним и С. К. Шаумяном,

нутый людской коллектив принимает «омонимию» личных имен и пользуется ею. Заключая слово «омоним» в кавычки, мы осознаем, вслед за Е. Куриловичем, что имя собственное в идеале должно не обозначать, а называть, и притом называть «класс, состоящий из одного предмета». Имя нарицательное обозначает «класс, состоящий из множества предметов», при этом отличие данного класса от другого класса предметов мотивировано внешней по отношению к языку реальной действительностью [4].

с млекопитающим утконосом, кладущим яйца и как будто нарушающим циклом своего биологического развития установленный зоологами закон о том, что млекопитающие не кладут яйца. Однако, «сохраняя высокую статистическую вероятность, высказывание, что млекопитающие не кладут яиц, продолжало оставаться важным статистическим законом» (см. «Тезисы совещания по математической лингвистике, 15—21 апреля 1959». Л., 1959, стр. 40). В том же соотносительном, а не абсолютном плане следует воспринимать изложенные выше рассуждения и при этом различать узус и каталогизацию фактов, степень «авторитетности» и общеизвестности географического имени. Уникализация не всегда бывает абсолютной, как не может быть абсолютным и обратное положение — универсализация. Различная степень уникализации наблюдается в языке и в его семантическом аспекте, и в аспекте грамматическом (артикль и т. п.). См. об этом, например, в моей статье «Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке». — ВСЯ, 2, М., 1957.

[4] Таким образом, возникает следующее положение:

Имя нарицательное	Имя собственное	
	географическое	личное
класс *стулья*	класс *Тула*	«класс» *Иваны*
класс *столы*	класс *Калуга*	«класс» *Ерёмы*
класс *кресла*	класс *Рязань*	«класс» *Федоты*

Имя нарицательное мотивировано внешней действительностью и его наличие в языке определено системой языка, так как разные языки по-разному сегментируют внеязыковую действительность, т. е. сигнализируют о классах вещей и понятий («реалемах» и «гносемах»). Имя собственное географическое называет «класс, состоящий из одного предмета», т. е. сигнализирует о каждом предмете. Имя собственное личное составляет «класс» немотивированный (если не считать мотивацией апелляцию к святому-заступнику или факт принадлежности к определенной семье или роду — фамилии). Уникализация (иногда неполная) путем комбинации имени, отчества и фамилии типа *Иван Иванович Ива-*

II. Если обратиться к таким личным именам, как *Иван*, *Фриц*, *Альфонс* и т. п., и к таким географическим названиям, как *Рязань*, *Бордо*, *Бостон*, *Мадрид*, то можно заметить, что их переход в категорию нарицательных скрывает в себе также некоторые, может быть, не очень существенные, но все же различия[5].

нов в принципе мало отличается от уникализации имен нарицательных при помощи атрибутивных и прочих показателей (ср. *развесистое дерево*, *что у колодца*; *книгу*, *купленную вчера*, и т. п.).

[5] Нетрудно заметить на материале славянских языков, что переход географических имен в имена нарицательные касается в основном сферы иностранных, неславянских топонимов. Если не включать названия вин и марок вин в сферу ономастики, в широком смысле этого слова (а некоторые топонимисты не хотят упускать эту коллекцию из своего хозяйства), и относить их к именам нарицательным, то в их числе мы найдем в основном такие, как *бордо*. *херес*, *токай*, *малага*, *коньяк* [коньяк, например, во Франции, Сербии и ряде других стран воспринимался как топоним, а французские фирмы, производившие коньяки, считали необходимым сохранять это название только за продуктом виноградной лозы французской провинции *Cognac*, поэтому коньяки, производившиеся в других странах, было запрещено называть коньяками, и такого рода алкогольный напиток в Сербии назывался *виљак* (контаминация *вино* и *коньяк*), в Польше — *winiak* и т. д.]. В этих случаях, как и в случае с коровьими кличками (см. сн. 12), мы наблюдаем известную терминологизацию. Та же терминологизация отмечается в случаях *шевиот*, *бостон*. *манчестер* и т. п. На материале славянских языков этого не происходит: *вяземский пряник* не называется нами «*вязьма*», *славяновская вода* — «*славянск*» (хотя ср. обратное: *боржом*, *арзни*, а мой отец даже говорит: «Арзнём, Никита!», т. е. «выпьем воду «Арзни»!»), а *тульский самовар* — «*тула*» (хотя ср. обратное — *винчестер*). Случаи перехода иностранных географических имен в сферу нарицательных не «номенклатурного» характера в славянских языках довольно редки — *мадрид* («в дирекции опять начались *мадриды*»), *эльдорадо* («машинный перевод — *эльдорадо* для лингвистов!»). При переходе имен личных в нарицательные в славянских языках часто используется свой славянский (или «ославянившийся») фонд: *простофиля*, *фефёла*, *фофан*, *хавронья*, *объегорить*, *подкузьмить* и т. п., наряду с иностранным: *альфонс*, *дон-кихот* (*донкихотство*), *бонапарт* (*бонапартизм*). Можно заметить, что семантические сферы имен нарицательных, образовавшихся из личных имен и из географических названий, различны. Но более важно различать другое: использование ономастического материала, в широком смысле этого слова, для образования имен нарицательных в разных социальных слоях или, в другом аспекте, в разных феноменах языка: в литературном языке и в диалектах. Лингвистика как таковая различает литературный язык и диалекты, их историю, их синхронное состояние — структуру и сферу функционирования. Ономастика,

Если обратиться к ряду *Никита*, *Никитушка*, *Никитёнок*, *Никиток*, *Ника*, *Ник*, *Никушка*, *Никитка*, *Никитище* и т. п. и сравнить его с рядом географических имен типа *Днепр*, *Днеприк*, *Дон*, *Донец*, *Нева*, *Невка* и т. п., то станет ясно, что имена личные (за исключением отчасти фамилий и отчеств) обладают способностью приобретать уменьшительные и ласкательные формы и могут стилистически дифференцироваться, в то время как географические лишены этих качеств и стилистически всегда нейтральны (невозможны формы типа «*Москвушка*», «*Клинок*», «*Новгородок*» от *Москва*, *Клин*, *Новгород*)[6]. Разные производные формы от личного имени могут относиться к одному объекту, производные же формы от географического имени не могут относиться к одному объекту и с каждым новым производным именем соотносится другой объект. Формы *Днеприк*, *Донец*, *Невка* принадлежат не *Днепру*, *Дону* и *Неве*, а называют иные реки, иные единичные объекты и могут указывать лишь на косвенное отношение к ним (притоки или реки, напоминающие об «основной» реке, и т. п.)[7].

в широком смысле этого слова, должна также с этим считаться, если ее интересует не просто ономастический фонд (длл целей исторической, типологической и т. п. интерпретации), а и его использование (в коммуникативном плане, социальном и т. п.).

[6] Отступления от этой закономерности наблюдаются в поэтической речи, где изредка встречаются случаи использования ласкательных — уменьшительных и увеличительных — суффиксов. Так, например, в русских плачах Карелии, где общее соотношение форм существительных уменьшительных и неуменьшительных почти 9 : 1, что является характерной стилистической особенностью этого жанра, находим от названия *Онега* форму *Онегушко:* «Станут на земле талиночки, А на *Онегушке* полиночки, По шумливому *Онегушку* Водоплавны пойдут лодочки» (плач У. О. Староверовой «Ух я как стану жить, беднушка». — «Русские плачи Карелии», Петрозаводск, 1940, стр. 106). Из современных поэтов можно указать на Роберта Рождественского, который также обращается к этому стилистическому приему, но, называя *Карадаг Карадачиной*, уже использует увеличительно-пейоративный суффикс, как это обычно водится между «своими ребятами»: «Привыкаем стареть, привыкаем думать, голодать, холодать, влюбляться неудачно... Будь здоров, Карадаг, *Карадачина*!» (стихотворение «Разговор с горой Карадаг». — «Юность», 1963, № 3, стр. 39).

[7] См., например: T. Lehr-Spławiński. Rozmieszczenie geograficzne prasłowiańskich nazw wodnych. «Rocznik Slawistyczny», t. XXI, cz. 1. Kraków, 1960.

Указанная закономерность наблюдается достаточно последовательно в сфере географических имен. В сфере же имен личных она проявляется в разных славянских языках по-разному, хотя в принципе отмеченное противопоставление сохраняется. Если в русском языке приведенный ряд *Никитушка*, *Никитёнок*... относится к одному имени *Никита* и не является рядом этимологически родственных, но разных имен, то в сербском языке ряд *Александар*, *Аца*, *Ацо*, *Саша* может быть интерпретирован так же, как и в русском, а может быть интерпретирован и как ряд разных имен. В последнем случае такие «уменьшительные» и «ласкательные» имена, как *Љуба* (от *Љубомир*), *Арсо* (от *Арсеније*), *Миша* (от *Михајло*), деэтимологизируются, становятся стилистически нейтральными самостоятельными номинативами (ср. *Љуба Давидовић*, *Арсо Јовановић*, *Миша Атанасијевић* и т. п.). В некоторых случаях сербы пользуются номинативными дублетами, которые выступают постоянно (фиксируются в паспорте, ранее писались на вывесках торговых фирм и т. п.) и неразрывно, например: *Александар-Аца Поповић*. В этих случаях мы наблюдаем сближение с отношением, отмеченным для географических имен[8].

Рассуждение в стилистических функциях личных имен отвлекло бы нас в сторону от поставленной цели и потребовало бы много места. Поэтому мы отметим только, что они довольно разнообразны и сложны и для них можно отметить не только дистрибуцию по возрастным и социальным показателям, дистрибуцию в сфере внутрисемейной и внесемейной, внутриколлективной и т. п., но и стилистическое использование личных имен в чисто поэтических целях[9]. Этого лишены (или почти лишены) имена географические.

---

[8] Подобное явление для русского языка — большая редкость. С ним можно сравнить почти единичный пример, уже приводившийся А. В. Суперанской («Заимствование слов и практическая транскрипция». М., 1962, стр. 10), с рядом *Георгий*, *Егор*, *Юрий* (ср. *Георгий Сердюченко*, *Егор Клычков*, *Юрий Маслов*). Но уже *Юрий—Юра*, *Егор—Егорушка* и *Георгий—Юра*, *Юрочка* — одни и те же имена с ласкательным и деминутивным признаком, а не разные. В сербском языке могут дифференцироваться и на чисто номинативной основе *Михајло* и *Миша*.

[9] См., например: М. И. Привалова. Функции личных имен и фамилий в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Вопросы грамматического строя и словарного состава языка, 2». — «Уч. зап.

III. Если обратиться к географическим и личным именам нового происхождения, то в их образовании можно заметить две противоположные тенденции. Новые географические имена тяготеют к понятности и к некоторой мотивированности названия. При их создании, помимо называния, ставится цель известного обозначения. По этому принципу созданы такие топонимы, как *Планерское* в Крыму (там в 30-х годах была планерная станция и школа; название не привилось, и все по-прежнему говорят *Коктебель*), *Каналстрой* по Савеловской ж. д. за Дмитровом (там в 30-х годах была база строительства канала Москва—Волга), *Текстильщики* по Курской ж. д. под Москвой (там имеются текстильные фабрики), *Целиноград* и т. п.

Новые личные имена отражают стремление к некоторой зашифрованности, к фономорфологическому оформлению, близкому к общему типу личных[10], например мужск. *Ремир* (= Революция Мировая), *Марлен* (= марксизм—ленинизм), *Владилен* (= Владимир Ленин), женск. *Нинель* (= Ленин, в обратном порядке)[11]. Многие новые имена образовывались от других имен собственных, в которых «внутренняя форма» уже достаточно затемнена.

ЛГУ», № 161, 1952. См. также чрезвычайно любопытную работу: Т. Н. Кондратьева. Переход собственных имен в нарицательные в фразеологизмах, пословицах и поговорках русского народа (XIX—начало XX вв.). В сб. «Памяти В. А. Богородицкого 1857—1957». Казань, 1961.

[10] Поэтому, например, невозможны сложные личные имена типа *Красная Роза*, *Парижская Коммуна*, *Красный Октябрь* и т. п.

[11] См. также: Д. Делерт. Новые имена. Ростов-на-Дону, 1924.—На первый взгляд может показаться, что в топонимике иногда наблюдается то же явление: ср. *Кузбасс*, *Донбасс*, сербск. *Космет*. Однако это не так. В случаях с *Кузбасс*, *Донбасс* и *Космет* мы сталкиваемся с топонимическими аббревиатурами, где *Кузбасс*, *Донбасс*, *Космет* употребляются наряду с *Кузнецкий бассейн*, *Донецкий бассейн*, *Косово* и *Метохија*. Этого же характера было *ЦЧЗ* (*Центральная черноземная область*) и остаются *УССР*, *БССР*, *УзССР*, *Рассельмаш*, *ЗИЛ* (завод имени Лихачева) и т. д. «Сложносокращенное слово (аббревиатура) обозначает такой концепт или денотат, который в том же языке может быть обозначен несокращенным (полным) сочетанием слов» (В. В. Иванов. О функциях сложносокращенных слов». «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем», М., 1962, стр. 24). «Концепт» *Ремир* не может быть обозначен несокращенным сочетанием слов в той же функции и сфере употребления, а концепт *Донбасс* — может.

IV. Интересную промежуточную позицию между именами личными и нарицательными занимают клички: клички людей, собак и особенно коров, овец и других домашних животных; в ряде случаев они не только называют, но и прямо обозначают [12].

V. Переходя к практическим вопросам передачи славянских имен собственных в русском языке, можно заранее предложить следующие рекомендации: а) имена нарицательные переводить. Названия непереводимых реалий транскрибировать; б) клички переводить, если перевод возможен, т. е. внутренняя форма не затемнена, и транскрибировать лишь при за-

[12] Собачьи клички ближе к человеческим личным именам, чем клички не собачьи — коровьи, овечьи, бараньи и т. п. В той социальной среде, где собака становится членом семьи, а не просто домашним животным, выполняющим сторожевые или скотоводческие функции, появляются такие клички, как *Фёкла*, *Терентий*, *Малыш*, *Машка*, *Боба* (эти клички принадлежали моим собакам и собакам моих знакомых) и т. п. В славянском и среднеевропейском ареале достаточно древнее состояние отражают собачьи клички из гидронимов — *Дунай*, *Волга* (эту кличку я часто встречал в Болгарии во время диалектологических экспедиций 1956—1959 гг.), *Байкал*, топонимов — *Валдай* и т. п. Не менее архаичны, вероятно, клички собак по их окраске: сербск. *Шаров* (пегой окраски), *Гаров* (черной окраски) и т. д. Здесь мы наблюдаем уже явление, находящееся на рубеже сферы имен собственных и сферы имен нарицательных, притом сильно тяготеющее к последней сфере. Если в нашей городской среде для собак, так же как и для людей, возможен относительно свободный выбор имени, то в крестьянской среде для столь безответных существ, как, например, коровы, овцы, бараны, такой выбор уже почти заказан. В некоторых южнославянских диалектах коровьи «святцы» очень богаты [например, в Лике (Хорватия) М. Г. Груич насчитал 286 кличек; см.: M. G. Grujić. Imena goveda (Lika). «Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena» (далее — ZNŽO), knj. XXVI, sv. 2. Zagreb, 1928]. Но коровье «крещенье», вернее — наречение, достаточно строго предопределено внешними признаками животного. В Каставе (район между Истрией и Горским Котаром — Хорватия) черная корова носит кличку *Čede*, рыжеватая — *Rume*, рыжая — *Rije* или *Rijafka*, ни белая, ни рыжая — *Plafka*, белая с черными пятнышками на голове — *Breza* или *Briza*, желтоватая, с сединой на лбу и на брюхе, похожая по окраске на лисий мех, — *Liska*, с рогами, растущими назад, — *Hilja*, серая, у которой между рогами взлохмаченная шерсть, — *Roska* [см. J. Jadras. Kastavština.—ZNŽO, knj. 39. Zagreb, 1957; ср. также интересный список кличек из Лобора (Хорватское Загорье). —ZNŽO, XX, sv. 2. Zagreb, 1915, стр. 229]. Здесь система кличек не только напоминает микросистету нарицательных имен, но даже является своего рода терминологической системой (а термин обозначает в максимальной степени).

темненной внутренней форме[13]; в) имена личные транскрибировать и в некоторых случаях передавать русскими фонетическими корреспондентами, учитывая историческую фонетику; г) имена географические: сохранять традиционные названия во всех случаях, когда они имеются, в иных случаях при незатемненной внутренней форме передавать русскими фонетическими корреспондентами, учитывая историческую фонетику, в случаях с затемненной внутренней формой и неясной и спорной этимологией транскрибировать; д) имена небесных светил и созвездий переводить.

Эти рекомендации не всегда можно аргументировать с достаточной убедительностью, но соображения, по которым они выдвинуты, сводятся к следующему. Имя нарицательное обозначает класс предметов или понятие, и поэтому оно должно передаваться соответствующим эквивалентом на языке перевода, применительно к поставленным нами задачам; на русском клички в большинстве случаев также обозначают, и поэтому их тоже надо переводить, вернее, подыскивать эквивалент с соответствующей стилистической окраской, например:

сербск. *Никола Ћоравi — Никола Кривой*
Аца Брадоња — Аца Бородач
Пера Бандера — Пера Каланча
Шаца Кликер — Шаца Шарик или *Шаца Кликер*[14].

Имена нарицательные и клички в основе своей (не касаясь специфически национальных реалий и явлений)

---

[13] Следует согласиться с утверждением П. А. Дмитриева и Г. И. Сафронова, что «в рассказе Б. Нушича „Фотография“ слово *Majорица* не транскрибируется, а переводится — *Майорша*. Так прозвали женщину за то, что она мечтала выйти замуж за майора», хотя некоторые другие рекомендации тех же авторов следует признать более чем спорными, например передача сербского сочетания *чи* как *чы*, род. п. ед. ч. *Сремца* как *Сремаца*, сербского личного имени *Пера* как *Пэра* и т. п. (см.: П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов. Передача славянских имен при переводах. В сб. «Теория и критика перевода». Изд. ЛГУ, 1962).

[14] Два решения возможны потому, что русские не знают такой реалии, как *кликер* — шарик для детской игры в шарики, которые бросаются в лунку, или которыми целятся в другой шарик, или с которыми играют в чет и нечет и т. п. (здесь вопрос передачи не столько относится к категории *б*, сколько к категории *а*).

не ограничены и не связаны с национальными или локальными (географическими) рамками: *вода* и *напитки* есть вода и напитки, а *бородач* есть бородач. Иное дело с именами личными, такими, как *Иван*, *Жан*, *Ян*, *Йоханн* — это *Жан* и *не Жан*, так же как *Ян* и *не Ян*. *Иван* — это *Жан* и *Ян*, потому что восходят к одному прототипу, и *не Жан* и *не Ян*, потому что имя личное, помимо называния, в большинстве случаев сигнализирует о национальной или, шире, культурно-ареальной принадлежности носителя имени. Эта сигнализация объясняется также тем, что личное имя не уникально и может быть дано значительному числу лиц. В целях сохранения национальной окраски, которая, ярче, чем обычный couleur locale, личные имена следует транскрибировать[15]. Но возможны также случаи сознательного переведения имени (или его позиции) представителя одной национальной группы в другую, например сознательная «русификация». В этом случае подчеркивается принадлежность данного лица к другой национальной среде. Мы часто радостно приветствуем *Гарма Данцарановича*, *Магомета Измаиловича*, *Маргариту Эдуардовну*. В этом случае мы оперируем двумя сигналами — национальной принадлежности и окружающей национальной среды. Эта позиция хорошо отражена в старом гимназическом стишке, где первая и третья строки даны по-немецки и в «немецко-русском» произношении, а вторая и четвертая — чисто по-русски:

Eine kleine Biene flog.
Карл Иваныч блины пёк.
Пйок, пйок, не допйок,
Испугался и убёг.

Во второй строчке *Карл Йоханович* стал уже *Карлом Ивановичем*, а *Ян Вилюмович* мог бы, например, совсем обрусеть, превратившись в *Ивана Васильевича*. По тому же принципу в знак гостеприимства академик *André Mazon* величается нами *Андреем Альбиновичем*, а к покойному академику *Александру Белићу* со времен его появления в хлебосольных домах Фортунатова и Корша обращались *Александр Иванович*. *Karl Schuster* мог пере-

[15] Для личных имен из одного культурного ареала и близкородственных языков типа *Петр*, *Александр* в дальнейшем будет сделан ряд оговорок.

ехать из Веймара в Херсон или Могилев, но сам Веймар не сможет переместиться по соседству с этими городами; Монблан не может оказаться рядом с Казбеком — географические точки земного шара неподвижны и уникальны. Уникальность географических названий дает нам право свободнее относиться к их передаче. В тех случаях, когда у нас нет русского названия для какого-нибудь африканского города вроде *Найроби*, мы можем прибегнуть к испытанному способу транскрипции. Но у нас нет особых оснований назвать город *Белград* иначе и писать и произносить *Београд*, т. е. так, как это делают сербы. Для Белграда может быть два названия — сербское (*Београд*) и русское (и даже более: болгарское *Бялград* и т. д.), так же как существует ряд названий для австрийской столицы *Wien*: по русски — *Вена*, по-болгарски — *Виена* (а не *Вин*), по-сербски — *Беч*, по-словенски — *Dunaj* [16].

Географические названия представляют собой классы, состоящие из одного объекта, — в этом отношении они одинаковы с названиями небесных светил. Топонимика принадлежит земле, астронимика — небу [17]. Мы не стремимся унифицировать название *Большой Медведицы* (не говоря уже о *солнце* и *луне*!) в разных языках, и у нас нет оснований для унификации географических названий в разных языках. *Вильна* могла оставаться по-русски *Вильной* и по-литовски *Vilnius*, подобно тому, как при обратном случае русский *Ларин* становится по-литовски *Larinas*.

Так обстоит дело с традиционными географическими названиями. Но сфера наших географических познаний и международных связей постоянно расширяется, и русский сталкивается с новыми и новыми объектами на географической карте. Многим в этих случаях представляется наиболее удобным универсальное средство —

---

[16] Число примеров можно значительно умножить: немецк. — *Leipzig*, чешск. и словен. — *Lipsko*, польск. — *Lipsk*; итал. — *Venezia*, серб.-хорв. — *Мљетке*, словен. — *Benetke*; немецк. — *Klagenfurt*, словен. — *Celovec* и т. д.

[17] Разница только в том, что земной горизонт (по-сербски *видокруг*, т. е. то, что видно, поле зрения) у людей разный, а небесный одинаковый (по крайней мере, в северном и южном полушарии). Поэтому названия планет и созвездий всегда можно переводить, а географические названия часто приходится транскрибировать.

транскрипция. Действительно, для передачи названий неродственных языков оно может оказаться наиболее рациональным, но иное дело при передаче языков близкородственных. Здесь следует различать два случая: 1) топоним близкородственного языка обладает ясной внутренней формой, этимологически прозрачен и для носителя близкородственного (славянского) языка, и в значительной мере для русского; 2) топоним близкородственного языка (на славянской территории могут быть и топонимы неславянского происхождения) этимологически не прозрачен, внутренняя форма затемнена. Во втором случае, естественно, мы прибегнем к транскрипции.

В первом же случае по преимуществу мы должны поступить, согласуясь с законами звуковых соответствий. При передаче географических имен языков близкородственных в пределах восточнославянской группы (белорусского и украинского) мы и руководствуемся этим принципом: укр. *Харків* мы не передаем как *Харкив*, а *Харьков*[18], укр. *Запоріжжя* передаем как *Запорожье*, а укр. *Львів* как *Львов*. Тот же *Львов* поляки называют *Lwów*, а польский *Kraków* мы закономерно называем *Краков* (а не *Кракув*), но вот уже *Rzeszów* как *Жешув* (?), *Tarnów* как *Тарнув* (?), а *Ostrów* как *Острув* (?) и т. п. Справедливо было бы, как предлагает А. В. Суперанская[19], *Ostrów* передавать как *Остров*, тем более что в местном падеже по-польски будет *w Ostrowie*, а по-русски в таком случае *в Оструве* (не так ли? Или вводить в географические имена несвойственное русскому языку чередование *у/о*: *Острув — в Острове?*).

Старый спор о том, нужен ли перевод или транскрипция (но возможны и средние решения), А. М. Сухотин предлагал разрешать, руководствуясь «принципом интернациональности», однако он тут же отмечал, что есть немало случаев, «когда интернациональным является не звучание, а смысл»[20]. Применительно к на-

---

[18] См.: А. В. Суперанская. О некоторых вопросах практической транскрипции. — ВЯ, 1955, № 6, стр. 104.

[19] А. В. Суперанская. Спорные вопросы русской транскрипции болгарских, польских, сербохорватских, чешских и словацких имен собственных. — КСИС, 28. М., 1960, стр. 59.

[20] А. М. Сухотин. О передаче иностранных географических названий. В сб. «Вопросы географии и картографии». М., 1935, стр. 137; см. также: А. А. Реформатский. О подаче

шим задачам можно и должно пользоваться не столько понятием «интернациональный» (которое само по себе достаточно растяжимо и условно), сколько понятием «интерславянский»: это поможет нам дифференцировать случаи передачи славянских и неславянских названий и находить иногда разрешение вопроса с учетом и элемента перевода (включая сюда не только смысл, но и словообразовательные элементы, их модели и т. п.), и элемента транскрипции. Если в топониме *New York* интернациональным является звучание — *Нью-Йорк* (хотя ср. польск. *Nowy Jork* и *New York*), то в топониме *Nowa Huta* интерславянским, по крайней мере для его первого компонента, будет смысл — *Новая Гута*. То же можно сказать о всех славянских топонимах этого типа: ср. сербск. *Нови Сад* — *Новый Сад* (косвен. п. серб. *у Новом Саду* соответственно русск. *в Новом Саде* или, как говорили русские жители Нового Сада, *в Новом Саду*, а не *в Нови Саде*)[21].

Предложения ГУГК для передачи болгарских названий[22] (сочетания *жъ*, *шъ*, *цъ* как *же*, *ше*, *це*), которых на первый взгляд выглядят так, будто они относятся к чисто фонетическим моментам, на самом деле сводятся к установлению этимологического соответствия и обращению к смыслу: *Жълтуша* — русск. *Желтуша*, *Църква* — русск. *Церква*. Прямое обращение к смыслу проводится там же в случаях передачи фонемы *ъ* в словах с числительным *първи* (*Първомай* — *Первомай*) и в слове *България* — традиционное русское *Болгария*[23].

и передаче географических названий на русских картах. В сб. «Транскрипция географических названий». М., 1960.

[21] Отметим, что в этом случае, так же как в случае с польск. *Ostrów* и в ряде других, заботы картографа ограничиваются чаще всего передачей лишь именительного падежа..

[22] См. «Инструкцию по передаче на картах географических названий Болгарии». М., 1955, стр. 7. См. замечания к ней: А. В. Суперанская. Спорные вопросы. . ., стр. 53.

[23] Следует приветствовать также решение ГУГК передавать болг. *Петър*, *Димитър* по-русски как *Петр*, *Димитр*, но неудачно предложение замены начального *ъ* через *и* в *Ъглен* как *Иглен*; этимологически это *Углен* (*ъ* < *ǫ*, соответственно русское *у* < *ǫ*). На примере с *Ъглен* видно, что мы предлагаем здесь нечто среднее между транскрипцией и передачей смысла, так как точный перевод был бы *Угловой*. В. Д. Андреев, поддерживая ряд предложений А. В. Суперанской, предлагает субституировать *ъ* через *ы*, а в сочетаниях *жъ*, *шъ*, *цъ* — через *а*, но тут же для

Во всех остальных случаях рекомендуется ъ субституировать через *ы*. А. В. Суперанская предполагает фонему ъ последовательно субституировать через *а*[24]. С точки зрения акустической и особенно артикуляционной фонетики это предложение лучше, но оно не меняет принципиальной стороны дела. Болгарское *Търново* вместо *Тырново* станет *Тарново*, но не лучше ли в подобных сочетаниях (из праслав. **tьrt*, **trьt*) субституировать ъ через *е*, как это делали русские слависты в XIX в., и писать *Терново?* Болгарские топонимы типа *Търново* сербы по законам исторических звуковых соответствий последовательно передают через *Трново* и даже на месте сочетаний **tъlt*, **tlъt* дают слоговое *l*, свойственное только некоторым сербским диалектам, но не литературному языку: болг. *Дългосевци* — серб. *Длгосевци*, болг. *Вълчедръм* — серб. *Влчедрм* и т. д. (см. карта «ФНР Југославија». Изд. Геокарта. Београд, 1956)[25].

В тех случаях, когда приблизительная (весьма приблизительная!) субституция неизбежна, как в случае с *Тырново*, *Тарново*, *Терново*, нужно предпочесть такую, которая способствует сохранению внутренней формы и не ведет к малопривычным в русском языке звуковым сочетаниям. Так или иначе при той или иной субституции в принципе мы даем другое название, и нет беды в том, что оно будет звучать более по-русски. К тому же пора решительнее переходить от проблемы субституции отдельных фонем к проблеме субституции групп фонем!

переводов художественной литературы (почему только художественной?) предлагает «сохранение внутреннего смысла» и передачу болг. *баба Първа* как *баба Перва*, *Първоцветка* как *Первоцветка*, *ръчаница* как *рученица*, *Дъбак* как *Дубак*, *Лъчезар* как *Лучезар* и т. п. (см. стр. 125 наст. сб.).

[24] А. В. Суперанская. Спорные вопросы. . ., стр. 53.

[25] Предложение учитывать исторически сложившиеся звуковые корреспонденты, вероятно, нельзя считать универсальным для всех славянских языков и всех случаев. Сербское и чешское слоговое *р* можно передавать в русском языке без сочетания с гласным: ср. сербск. *Вршац* (хотя в XVIII в. было по словенски *Вершец*) — русск. *Вршац* или *Вершац*, чешск. *Brno* — русск. *Брно* и *Берно*, но сербск. *Србобран* лучше передавать только как *Сербобран* (как и делали жившие там русские). Впрочем, чехи *Brno* передают по-русски последовательно как *Берн* (см. «Slavia», roč. XXXI, seš. 3, 1962; содержание на русск. яз.).

Рамки этой статьи не дают возможности рассмотреть все конкретные вопросы и случаи. В дальнейшем следует выработать не просто интерславянские правила субституции звуков при транскрипции[26], но и правила исторически обусловленных интерславянских звуковых (а также группо-звуковых) соответствий и их применения (видимо, не всех и не для всех языков) при практической транскрипции.

Если уникальность географического названия дает возможность его передавать по-русски без потери дополнительной информации (о национальной принадлежности, социальной отнесенности, стилистической характеристике и т. п., а последние информации у них вовсе отсутствуют), то передача имен личных требует, как мы отмечали, почти всегда сохранения «национального фонетического платья», и потому обычная «фонетическая» транскрипция здесь предпочтительнее всего. Однако есть ряд случаев, когда имя личное достаточно нейтрально и стилистически, и в других планах, однозначно в ареалах распространения ряда славянских языков. Таковы, например, русск. *Александр*, сербск. *Александар*, болг. *Александър*; русск. *Петр*, сербск. *Петар*, болг. *Петър*. В XIX и в начале XX в. при передаче этих имен не возникало никаких споров, однако теперь некоторые слависты, говоря лингвистическим термином, проявляют известную транслитерационную «сверхстарательность» и предлагают писать болг. *Александыр* (или *Александар*), *Петыр* (или *Петар*), сербск. *Александар*, *Петар*[27].

---

[26] При этом важно учесть не только случаи передачи с разных славянских языков (украинского, польского, болгарского, сербско-хорватского и т. д.) на русский, но и случаи обратные — с русского на эти языки (см., например, подробные правила для сербского языка в кн. «Правопис српскохорватског књижевног језика». Нови Сад — Загреб, 1960) и межславянские правила вне русского языка (например, с болгарского на сербский, с болгарского на чешский и т. п.) и выяснить, возможно ли построение единой модели системы соответствий.

[27] Предложение ГУГК («Инструкция для передачи географических имен Болгарии». М., 1955) передавать *Петър* как *Петр* следует признать правильным и наиболее удачным. В. Д. Андреев допускает возможность такой передачи, но справедливо требует унификации (см. статью в наст. сб., стр. 125). А. В. Суперанская считает, видимо, возможной передачу болг. *Петър* как *Петар* («Спорные вопросы...», стр. 53), а П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов предлагают «ввести единое, обязательное для

Но некоторые факты болгарского и сербского языка как будто свидетельствуют не в пользу этого проекта; ср. болг. притяжательн. *Александров, Петров*; сербск. косвен. п. *Александра, Александру*; *Петра, Петру* и т. д.[28]

Болгарские же *Ваньо, Петьо, Митьо*, как и сербские *Иво, Пера, Мића*, не надо превращать в русские *Ваня, Петя* и *Митя*. Но *Белград (Београд)* остается *Белградом* и *Сербобран (Србобран) Сербобраном*, так же как по-сербски *Лавов* (по-польски *Lwów*, по-немецки *Lemberg*) остается по-русски *Львовом* и украинским *Львівом*.

всех правило, предусматривающее сохранение беглых гласных во всех падежных формах сербских и хорватских имен» (указ. соч., стр. 156). Беглое *а* будет в сербском языке только в именительном падеже, а во всех косвенных оно исчезнет. В соответствии с сербским *Александра* (род. п.), по П. А. Дмитриеву и Г. И. Сафронову мы станем писать *Александара*, что напомнит нам сербский родительный падеж множественного числа. В сербском языке беглые гласные исчезают в тех же случаях, что и в русском, а также в случаях со вставным *а* (*Александар*). Наличие беглых гласных в русском языке дает нам обоснование и даже обязывает нас передавать инославянское чередование *нуль / гласная* соответствующим образом (одинаковость или различие материальных результатов рефлексов ъ и ь не могут при этом быть решающими). Мы с достаточным основанием передаем укр. *Марко Вовчка* как *Марко Вовчка* (а не *Вовчока*), чешск. *Havránka* как *Гавранка* (а не *Гавранека*, хотя и такая передача иногда, увы, встречается), сербск. *Сремца* как *Сремца* (а не *Сремаца*). Вообще же морфологические проблемы при передаче имен собственных надо рассматривать особо — их не следует подводить под общий фонетическо-транскрипционный шаблон.

[28] Сербское склонение бывших основ на *-о* в единственном числе почти совпадает с русским: им. п. *Александар*, род. *Александра*, дат. *Александру*, вин. *Александра*, тв. *Александром*, мест. *Александру*, зват. форма *Александре!* Возражения, сводящиеся к тому, что важно взять исходную форму, а склонять следует по парадигмам конкретного языка и потому-де можно передавать по-русски как *Александар, Александара, Александару, Александаром* и т. п., нам кажутся неудачными по следующим причинам: система флексий языка-реципиента остается незыблемой (здесь споров нет), что касается основы, то у нас нет запрета брать ее по косвенным падежам, тем более что в нашем конкретном случае в сербском языке там она и выступает реально, кроме того, статистическое соотношение форм будет не в пользу именительного падежа. Возможно, но нежелательно сохранение чередования *нуль / гласный*, но *Александр* и *Петр* (ср. ст.-сл. Алєксандръ, Петръ) исторически не имели редуцированного перед гласным, и сербское *а* здесь вставное, как и в новых заимствованиях: *регистар* (регистр), *министар* (министр), *факат* (факт), *продукат* (продукт), *ритам* (ритм), *структурализам* (структурализм) и т. д.

* * *

В заключение небольшой appendix об использовании буквы *э* при субституции *е* ряда славянских языков.

Авторитет Л. В. Щербы, полагавшего, что, «безусловно, необходимо писать в иностранных словах *тэ*, *дэ*, *нэ*, *сэ*, *зэ*, *рэ*»[29], оказывает все более сильное воздействие на современных славистов-практиков[30]. В споре по этому вопросу не хотелось бы опираться только на авторитет М. В. Ломоносова, утверждавшего, как известно, что «вновь вымышленное или, справедливее сказать, старое *е*, на другую сторону обороченное, в российском языке не нужно» и что «ежели для иностранных выговоров вымышлять новые буквы, то будет наша азбука с китайскую»[31], а построить рассуждения в несколько ином порядке.

Наука уже в полной мере считается с тем фактом, что литературные языки (и диалекты) делятся на две категории: 1) с сосуществующими фонологическими системами и 2) с единой фонологической системой. Литературные языки с сосуществующими фонологическими системами обычно имеют одну систему полностью, другую — фрагментарно. Таким языком, например, оказывается современный русский. Его основными компонентами, как полагает А. В. Исаченко и многие другие ученые, являются три элемента: собственно русский,

---

[29] «Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий». В кн.: Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I. Л., 1958, стр. 158.

[30] Ср. высказывание П. А. Дмитриева и Г. И. Сафронова, что «следует, очевидно, согласиться с мнением Л. В. Щербы и ввести в иноязычных словах написание *э* во всех случаях, кроме положения после мягких согласных (что не должно, конечно, касаться таких «обрусевших» слов, как *тема*)», и их предложение писать *Нэша*, *Срэмац* при транскрипции сербских слов (указ. соч., стр. 154). А. В. Суперанская ограничивает свои предложения только начальным *е* и *е* после гласных (см. «Спорные вопросы. . .», стр. 52), хотя остается неясным, что означает знак скобок в распределении твердых и мягких согласных перед гласным *е*: «твердые (*бэ*), мягкие *бе*» (там же, стр. 55). В. Д. Андреев также ограничивает свои предложения лишь позицией начала слова и после гласных (см. стр. 127 наст. сб.).

[31] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 7. М.—Л., 1952, стр. 422.

церковнославянский и французский[32]. Второй из перечисленных компонентов в поздний период истории русского литературного языка не имел своей особой фонетической манифестации, что же касается французского компонента, то он создавал такую норму произношения, как *портф[œ]л*, *шоф[œ]р*, *б[ɣ]ро*, *кашн[э]*, хотя есть немало примеров «обрусения», еще не всегда вполне литературного: *шаф'ор* или *шóф'ер*, *портф'ёл'* или *пóртфел'*, *кашн'é* и т. п. В области морфологии это же явление отражено в аналитизме ряда существительных (*метро*, *пальто* и т. п.).

В качестве примера литературного языка с единой фонологической системой из славянских можно привести сербско-хорватский, где сосуществование исключается (и в области морфологии: *метро*, *метро-а*, *метро-у* и т. п.) и имеются строгие правила субституции иноязычных фонем, например: *ö* → *e*: *Goethe* — *Гете*; *ü* → *i*: *Saussure* — *Сосир*; *Brückner* — *Брикнер*; *Delbrück* — *Дельбрик*; *т'* → *ћ*: *Петя* — *Пећа*; *д'* → *ђ*: *Федин* — *Феђин*[33] и т. д. В сербско-хорватском языке пять мягких согласных фонем: *љ*, *њ*, *ћ*, *ђ*, *ј*; во всех остальных случаях мягкость предшествующего согласного передается лишь дополнительной *j*-овой артикуляцией: *советский* — *совјетски* и т. д. Другими словами, единая фонетическая система в сербском языке не нарушается, и заимствованные слова по своему звуковому облику в полной мере подчиняются ей (так же как и в области морфологии). Для сохранения единства русской фонетической системы следовало бы все заимствованные слова произносить с мягкостью согласного перед *е*: *реном'é*, *фон'éма*, *с'ém'ер*, *кашн'é* или с интервокальным *j*: *по[j]éзия*, *про[j]éкт*. Однако в произношении у нас сохраняется *сеттер* (из англ. *setter*) с «твердостью» согласных, также *кашне* и т. д. Даже в положении после гласного наша орфография не дает единой передачи: *проéкт*, но *поэ́зия* (произношение *projéкт* с *j* нам пред-

[32] См., например, ответ А. В. Исаченко на вопрос «Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов?» в «Сборнике ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов)». М., 1958.

[33] Подробнее см. «Правопис...», стр. 149—164; А. Белић. Правопис српскохрватског књижевног језика. Београд, 1950, стр. 110—120.

ставляется нелитературным). Тем паче это возможно в заимствованных именах собственных.

До тех пор, пока не проведена соответствующая реформа орфографии, нет оснований настаивать на введении в транскрипцию буквы *э* после согласных при передаче славянских собственных имен. Аргументы М. В. Сергиевского, по нашему мнению, остаются в силе[34]. Реформа орфографии к тому же не сможет устранить двоякой нормы произношения таких слов, как *метод: мéтъд* и *м'éтът; темпы: тéмпы* и *т'éмпы*. Предложение писать сербск. *Смедерево*, *Светозарево*, *Александровац* как *Смэдэрэво*, *Свэтозарэво*, *Алэксандровац* нам представляется неудачным *.

---

[34] М. В. Сергиевский. О передаче иностранных фамилий и имен в русском языке. «Сборник Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», II. М., 1929.

* Эти заметки не были бы написаны без вдохновляющих напутствий Л. П. Калакуцкой. За них автор искренне благодарен. Автор благодарен также А. А. Реформатскому, В. А. Никонову и О. Н. Трубачеву, рецензировавшим статью в рукописи и сделавшим ряд существенных критических замечаний. С некоторыми из них автор решился полемизировать в сносках.

В. Д. Андреев

Передача болгарских имен собственных в русском языке

Расширяющееся с каждым годом хозяйственное и научно-культурное сотрудничество нашей страны с народнодемократическими странами уже давно ставит требующие своего разрешения проблемы языкового взаимодействия. Наши газеты, журналы, радио и телевидение, издательства и переводчики, выполняя ответственную задачу информации, ознакомления советских граждан с жизнью и культурой братских славянских стран, ежедневно сталкиваются с необходимостью передачи различных понятий иноязычных народов. Немалую важность при этом имеет правильная и точная передача собственных имен того или иного языка. Значительность этой проблемы тем более очевидна, что она имеет не только чисто теоретический интерес, но и непосредственное практическое применение в ежедневной работе наших пропагандистов, издателей, переводчиков и т. д.

Любой славянский язык, в том числе и болгарский, несмотря на бесспорную близость к русскому языку, обладает своей национальной специфичностью, которая выражается, в частности, в самобытности имен собственных. Последние, имея строго определенное назначение в процессе человеческого общения, требуют точного, неискаженного перевода на русский язык. Практика, однако, свидетельствует об известной запутанности представлений, как же передавать собственные имена в русском языке. Почти полное отсутствие какой-либо

упорядоченной традиции в передаче болгарских имен, коварно-обманчивая лексическая близость болгарского языка русскому послужили причинами возникших за последние годы разнобоя, стихийности, что не может не дезориентировать русского читателя и слушателя. Надо учитывать также и то обстоятельство, что в результате общения не только имена собственные, но и целый ряд слов другого языка заимствуется языком русским; таким словам, стало быть, суждено долгое время исполнять свою роль. Естественно, что способы их передачи средствами нашего языка должны быть тщательно взвешены и отобраны.

Вопросы передачи славянских слов уже начали привлекать внимание специалистов[1]. К сожалению, обстоятельного обсуждения особенностей передачи собственных имен каждого из славянских языков до сих пор не возникло. А нужда в этом немалая. Ниже сделана попытка рассмотреть наиболее частые затруднительные случаи русской транскрипции болгарских имен; некоторые из предлагаемых решений не бесспорны, они, очевидно, вызовут возражения и новые предложения, — тем скорее будет наведен порядок в крайне нужном деле.

Из большой группы собственных имен болгарского языка пристального внимания заслуживают прежде всего имена личные и относящиеся к ним группы слов — прозвища, клички и т. п. Некоторые из них полностью совпадают с русскими — *Иван*, *Борис*; некоторые совершенно ему незнакомы — *Страхил*, *Божил*; многие только похожи — *Петър*, *Илия*, *Димитър*. Чаще всего наибольшую трудность для передачи на русский язык представляют болгарские слова, содержащие гласный звук ъ, отсутствующий в качестве самостоятельного звука в русском произношении и не имеющий у нас твердо установившегося обозначения. Обычно его передают нашим ы: *Стыршел*, *Вылко*, *Дыбак*, *Крыстев* и т. д. Прак-

[1] См., например: А. В. Суперанская. Спорные вопросы русской транскрипции болгарских, польских, сербохорватских, чешских и словацких имен собственных. — КСИС АН СССР, 28. М., 1960, стр. 51—60; П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов. Передача славянских имен при переводах. Сб. «Теория и критика перевода». Изд. ЛГУ, 1962, стр. 148—157; Е. С. Андреева. К вопросу о транскрипции чешских имен собственных. — Там же, стр. 158—160.

тика сама в данном случае пошла по наиболее правильному пути. Однако та же практика дает и немало отклонений. Совершенно справедливо пишет А. В. Суперанская о непоследовательности в передаче ъ через *ы*, ссылаясь на «Инструкцию по передаче на картах географических названий Болгарии»[2]. Предлагаемый затем ею принцип написания болгарского ъ через русское *а* и *ы* нам хочется поддержать как наиболее приемлемый и оправданный. Действительно, исключив слово *Болгария* и производные от него, следовало бы писать русское *а* в начале слов (случаи довольно редкие) в случаях, где *ы* невозможно (в сочетаниях с шипящими *жы, шы, цы — Жылтово—Жалтово, Цырква — Царква* и под.). Во всех остальных случаях следует писать *ы*.

Мы считаем необходимым поделиться следующими соображениями о передаче ъ в переводах художественной литературы. Транскрибирование иногда оказывается стереотипом, стирающим для русского читателя прозрачный для болгарина внутренний смысл того или иного имени. Видимо, поэтому иногда переводчики, редакторы отходят от простого транскрибирования и, стремясь к сохранению внутреннего смысла некоторых имен, передают звук ъ другими буквами русского алфавита.

Так, персонаж повести М. Георгиева *баба Първа* (т. е. «первая») в русском переводе назван *баба Перва*, а не *Пырва*, что совершенно правильно. Героиня рассказа Элина Пелина *Сълза* (т. е. «слеза») в переводе названа не *Сылза*, а *Селза*. В другом рассказе того же автора имя *Първоцветка* естественно передано как *Первоцветка*. Название народного танца *ръчаница* стали оправданно передавать как *ручеица* (от «рука»), а не *рычаница*, что неправильно, ибо транскрипция затемняет и искажает ясную этимологию. Подобных случаев немало. Очевидно, что по разным причинам наблюдается отход от «поголовного» превращения болгарского ъ в русское *ы*. Нам кажется, это имеет свои основания.

В произведениях художественной литературы вскрытие значения того или иного имени, прозвища, клички подчас является самостоятельной творческой задачей переводчика, продиктованной идейными и иными требованиями переводимого целого; искусство переводчика

---

[2] А. В. Суперанская. Указ. соч., стр. 53.

менее всего терпит стереотипы, перенесение однажды найденного способа на все остальные случаи; оно состоит в действительно творческом поиске средств родного языка для выражения специфичности иноязычного имени. Поэтому нельзя не поддержать стремление к этимологической передаче некоторых болгарских имен.

Целесообразно, быть может, выделить небольшую группу личных имен и производных от них прозвищ, кличек, имеющих совсем прозрачную семантику, и раскрывать ее в русском тексте. Такими словами могли бы быть: *Лъчезáр—Лучезар*, *Първáн—Перван*, *Дъбáк—Дубак*, *Гълъб—Голуб*, *Вълчáн—Волчан*, *Върбáн—Вербан* и т. п.

Чаще же имена с ъ имеют значительно бóльшую семантическую затемненность, вскрытие которой требует особых этимологических изысканий (например, *Съби* следовало бы передавать как *Суби*, а не *Сыби*, от «суббота», «родившийся в субботу»; *Вътю* — как *Ватю*, поскольку *Вътю* восходит к *Васúл*), что, естественно, неприемлемо для широкого практического использования.

Наконец, особо следует сказать об именах, похожих на русские: *Пéтър—Петр*, *Алексáндър—Александр*, *Димúтър—Дмитрий* и под. В практике перевода широко распространилось обыкновение заменять такие болгарские имена соответствующими русскими. Такой способ получил угрожающее распространение. Быть может, нет большой беды, если *Петър* становится *Петром* или *Александър — Александром*, но нельзя не тревожиться, когда болгарское имя *Димитър* передается в трех вариантах — *Дмитрий*, *Дмитр*, *Димитр*, когда *Васил* становится *Василием*, *Никола — Николаем* и т. д. Беда здесь в том, что иноязычные имена русифицируются, изымаются из их родной среды и перестают сообщать читателю представление о свойственных носителю данного имени признаках, чертах, т. е. лишаются важного своего свойства — перестают коннотировать.

То же можно сказать и о не вполне собственных именах — названиях учреждений, организаций, газет, журналов и под. В нашей печати болгарские названия *Пламък*, *Пламъче*, *Стършел* неправильно передаются как *Пламк*, *Пламче*, *Стршел*. Если принято точно передавать такие названия, как *Работническо дело*, *Отечествен фронт*, *Септември*, то, в интересах последователь-

ности, по тому же принципу нужно передавать и названия с ъ: *Пламык*, *Пламыче*, *Стыршел*, *Мисыл*, *Напредык* и т. д.

Другую значительную группу имен собственных составляют слова, несущие стилистическую нагрузку — обладающие уменьшительными, ласкательными суффиксами. Такие имена, как *Сла́вчо*, *До́рчо*, *То́нчо*, *Йо́вчо*, *Васи́лчо*, *Ра́дка*, *Сла́вка*, *Божу́рче*, *Ве́рче* и т. п., не вызывают трудностей при переводе, но аналогично образованные имена *Младе́н — Младе́нчо*, *Игна́т — Игна́тчо* иногда повергают переводчиков в смущение, и тогда к болгарским именам приставляют русские суффиксы: *Игнаша*, *Младеша*. Надо ли говорить, что природа такого «перевода» — все та же ничем не обоснованная русификация иноязычных слов.

Еще один часто встречающийся суффикс стилистической окраски имени — *-ьо*, хотя в подавляющем большинстве случаев, с молчаливого согласия переводчиков и редакторов, и получил свое русское обозначение, по нашему мнению, передается совершенно неверно. Можно было бы привести внушительный список имен — *Ди́ньо*, *Неде́льо*, *Ва́ньо*, *Кръ́стьо*, *Пе́тьо*, *Ми́тьо*, *Ко́льо*, *Ла́льо*, *Бо́ньо*, *До́сьо*, *Бо́тьо*, *Цо́ньо* и т. д., которые передаются как *Динё*, *Неделё*, *Ванё*, *Крыстё*, *Петё*, *Митё*, *Колё*, *Лалё*, *Бонё*, *Досё*, *Цонё* и т. д. То же и в середине слов: *Гъ́ргин—Гёргин*, *Бе́ньовица—Бенёвица*, *А́лдьовица — Алдёвица*, *Гъ́пца—Гёпца*, *Карагьо́з — Карагёз*, *Ма́ндьов — Мандёв*, *Шаркьо́й — Шаркёй* и под. Легко заметить, что при замене *-ьо* русским *ё* ударение переносится именно на этот последний звук, в то время как в болгарских словах оно, за очень редким исключением, приходится на корневую морфему. Это обстоятельство приводит к искажению болгарских имен, к явному противоречию с принципом возможно более близкого к произношению написания иностранных слов. Можно предложить иной выход из затруднения: в ударном положении писать русское *ё* (*Карагьо́з — Карагёз*, *Шаркьо́й — Шаркёй*), в безударном же положении наиболее приемлемым будет русское *е*: *Ди́не*, *Ва́не*, *Кры́сте*, *Пе́те* и т. д. При этом в целях предельно полной и правильной передачи, очевидно, следует ставить ударение там же, где оно находится в болгарском имени (чтобы читалось не *Дине́*, а *Ди́не*).

То же самое можно сказать о передаче болгарского сочетания *йо* (*Йордáн*, *Йóвков*, *Йовáн*, *Йóрга*, *Йóцо*, *Нéйо*, *Пéйо*, *Стóйо*). Если следовать аналогии с *Колé*, *Петé* и т. д., следовало бы писать *Ердан*, *Евков*, *Пейé* и т. д., что, однако, нигде не встречается, и надо признать единственно правильной утвердившуюся форму написания с *йо*: *Йордан*, *Йовков*, *Пейо* и под.

Не упорядочена передача имен со звуком *е*. В болгарском языке звук *е* в меньшей степени, чем в русском, смягчает предшествующие согласные, а в начале слов и после гласных буква *е* произносится без йотации. В живой речи это ощутимо изменяет звучание слов, близких к соответствующим русским; следуя за произношением, мы должны были бы передать болгарское имя *Евгени* как *Эвгени*. Нет единства и в передаче «незнакомых» болгарских слов, т. е. не имеющих близких соответствий с русскими, — в начале слова, где ясно слышится болгарское *е*, одни переводчики правильно пишут русское *э*: *Éлка — Элка*, *Еминáгов — Эминагов*, *Елпезé — Элпезе*, *Еникьóй — Эникёй*, *Ени-Захрéн — Эни-Захрен*, *Елисéйна — Элисейна*, *Éньо — Эне*, *ефéнди — эфенди* и т. д. Некоторые же переводчики, стремясь к более точной передаче звука, обозначают его русским *э* и в середине слова, после гласных и согласных: *Подуэ́не*, *Асэ́н*, *Младэ́н*.

Нельзя не согласиться с А. В. Суперанской: «Русское *е* в начале слова и после гласных содержит в себе также и *j* и изображает не одну, а две фонемы, в то время как для передачи нейотированного *е* в русском алфавите имеется специальная буква *э*». Болгарские же названия с *е* обычно так и оставляют в русских текстах, «отдавая предпочтение букве, а не фонеме, что неверно»[3]. По нашему мнению, следует принять как основное правило передачи болгарского звука русским э в начале слов и в середине после гласных: *Элка*, *Подуэне*, *Ноэмина*.

В данном случае, однако, речь идет только о болгарских именах, не имеющих прозрачных соответствий в русском языке. В интересах же последовательности, быть может, следовало бы применить то же правило и относительно написания имен, похожих на соответст-

[3] А. В. Суперанская. Указ. соч., стр. 52.

вующие русские, избегать их русификации и писать следующим образом: *Еле́на — Элена*, *Еремия́ — Еремия*, *Ефроси́на — Эфросина* и под.

Необходимо обменяться мнениями относительно передачи болгарских фамилий на *-ски* и имен на *-и*. Как правило, фамилии на *-ски* получают у нас окончание полного прилагательного: *За́рски — Зарский*, *Ра́девски — Радевский*, *Ге́новска — Геновская* и т. д. Это правильно, ибо позволяет склонять болгарские имена в отличие от несклоняемых фамилий неславянских. Исключение следует сделать для редко встречающихся фамилий на *-и*: *Гуля́шки*, *Ке́решки*, *Джамба́зки* и под., которые правильнее передавать в их исходной форме, не изменяя в косвенных падежах, подобно именам на *-и*.

Что же касается имен на *-и* (за исключением церковнославянских, сохраняющих и в современном болгарском языке традиционное написание в полной форме, — *Пахомий*, *Иеремий* и под.), то в подавляющем большинстве случаев их передают в соответствии с произношением: *Заха́ри*, *Але́кси*, *До́бри*, *Ца́ни*, *Арсе́ни*, *Валери́*, *Ла́мби*, *Мето́ди*, *Ра́ди*, *Ста́ври*, *Я́ни*, *Ана́ни*, *Сла́ви* и т. д. Естественно, что при этом их не склоняют. Как видно, большинство имен на *-и* у нас передается в соответствии с произношением, и только очень немногие имена, похожие на русские, уподобляются русским: *Гео́рги — Георгий*, *Евге́ни — Евгений*, *Евло́ги — Евлогий*, *Вита́ли — Виталий*, *Харала́мпи — Хараламлий*. Правильно ли это? Очевидно, ради упорядочения и унификации следует совсем немногочисленные имена передавать как *Георги*, *Эвгени*, *Эвлоги* и т. д., хотя стихийно возникшая традиция русификации этих имен, по всей вероятности, будет сопротивляться реализации такого предложения, тем более что их принято склонять.

Упомянем еще некоторые случаи неправильного или неупорядоченного написания болгарских имен. Неправильно передают сочетание звуков *шт*: в болгарском письме они обозначаются буквой *щ*, но сохранить ее в русском нельзя, так как это исказит произношение (пишут *Ще́рю* вместо *Штерю*, *Щилия́н* вместо *Штилиян*, *Свище́в* вместо *Свиштов*, *Копри́вщица* вместо *Копривштица*); неоправданно смягчают согласные в таких именах, как *Васи́л*, *Еми́л*, *Албе́рт*, *Асе́н*; уподобляют болгарские имена русским, удваивая согласные: *А́на —*

Анна, Е́ма — Эмма, Ки́рил — Кирилл, Са́ва — Савва, Виоле́та — Виолетта, Емануи́л — Эммануил; иногда неправильно передают имена со звуком *т*, уподобляя их аналогичным русским: *Тома́ — Фома, Мето́ди — Мефодий, Теодо́си — Феодосий, Теодо́ра — Феодора* и т. д. Во всех этих случаях, как уже говорилось выше, следует стремиться к бережному сохранению национальных особенностей иноязычных имен, оберегать их от ненужного упрощительства и «обрусения».

Названные факты неустановившейся либо ошибочной передачи болгарских имен собственных наиболее характерны и особенно часто встречаются в текущей литературе. В дополнение к ним надо обратить внимание еще на одну особенность болгарских имен. Своеобразной чертой болгарского языка является употребление постпозитивного члена для всех родов существительных (существительные мужского рода имеют еще и неполную членную форму). Являясь грамматической категорией, членная форма играет роль артикля и, конечно, никогда не переводится как самостоятельная единица. Для передачи ее функции на русском языке обычно употребляют некоторые синтаксические средства (дополнительные определительные слова, порядок слов). Имена собственные в болгарском языке почти никогда не имеют членных форм, зато прозвища, клички, родовые прозвания непременно снабжаются ими. В этом случае при переводе членные формы следует опускать. Теперь уже почти не встречаются в нашей печати безграмотные «переводы», в которых сохраняется и даже склоняется полная членная форма (*Караджа́та — Караджаты, Эсеме́то — Эсемете* и под.). Надо предостерегать от ошибочных попыток принимать неполную членную форму мужского рода *-а* за родовое или падежное окончание (*Юрталя́на* — на самом же деле это имя мужского рода *Юрталя́н, Кабя́ка* — на самом же деле это имя мужского рода *Кабя́к* и под.); вследствие такой ошибки имена меняют свой род, мужские имена становятся женскими (*Юрталана — Юрталаной* вместо *Юрталаном*). Все это приводит к серьезным искажениям смысла при переводе.

Не претендуя на полноту охвата всех случаев передачи болгарских имен собственных, а тем более слов-реалий, на исчерпывающее освещение всех особенностей

их употребления, мы считаем совершенно необходимым обратить внимание всех славистов — переводчиков, редакторов и т. д. — на спорные и ошибочные, стихийно сложившиеся способы передачи болгарских слов. Отдаваться же воле анархии либо кустарничества в этом серьезном деле больше нельзя, нужно по-деловому и конкретно разобраться во всех сомнительных и спорных случаях, добиваясь унифицированной и точной передачи болгарских имен на русском языке. По всей вероятности, следует иметь в виду создание в будущем специального свода правил написания славянских имен русскими буквами.

Е. И. Мельников

Заметки о морфологии и правописании чешских собственных имен в русской передаче

I. Цель этих заметок — попытка рассмотреть основные вопросы морфологии и правописания чешских собственных имен в русском языке. Приводимый в заметках материал сопоставляется с данными об иноязычных собственных именах, имеющимися в академических руководствах по русской морфологии и орфографии. Единичные случаи неубедительного индивидуального словооформления и неправильности, свидетельствующие о недостаточном знании русского языка, не входят в материал заметок.

Следует отметить, что в руководствах по орфографии[1] и грамматике русского языка нет указаний, непосредственно относящихся к передаче и оформлению чешских (и словацких) собственных имен; имеющиеся в них указания об иноязычных собственных именах сопровождаются примерами главным образом из романских и гер-

[1] В «Орфографическом словаре русского языка» есть указание на то (стр. 1234, § 79), что сложное слово «Чехословакия» пишется слитно (первоначально это слово писалось через дефис) и что «существительные, входящие в состав сложных собственных наименований и условно называющие предмет, пишутся с прописной буквы, например: „Чешский Лес“ (горы)» (стр. 1249, § 100). Поэтому надо считать неправильными встречающиеся иногда написания типа «Чешский лес» с существительным со строчной буквы (см., например, МСЭ. Изд. 3, т. 10, стб. 405).

манских лексических заимствований. Так как собственные имена, входящие в русскую речь из славянских языков, представляют собой в ней иноязычные слова, то, конечно, и к ним относятся существующие в современном литературном русском языке правила орфографии и морфологии иноязычных собственных имен (иностранных слов). Поэтому передача чешских собственных имен это не только воспроизведение их звуко-буквенными соответствиями русского языка (транскрипция), но и оформление их в соответствии с особенностями грамматики иноязычных слов (со значением имен собственных) в русском языке.

Славянское языковое родство, как мы видим, в ряде случаев усложняет вопрос о фонетико-грамматическом оформлении чешских собственных имен как слов иностранных в русском языке. В настоящее время в русской передаче собственных имен близкородственного языка часто наблюдаем, с одной стороны, замену отдельных значимых частей слов (главным образом суффиксов и окончаний) соответствующими морфемами русского языка, а с другой стороны, заимствование отдельных элементов из грамматики языка-источника слов и калькирование.

Вопрос о грамматических особенностях чешских собственных имен в русском языке — вопрос сложный, малоизученный. Исследуя чешскую лексику в русской передаче по данным советских энциклопедий [2], географической литературы [3], трудов по чешской истории [4], филологических [5] и литературно-художественных [6] журналов, переводов чешской литературы [7], газет, мы наблюдаем отсут-

[2] БСЭ. Изд. 2. М., 1950—1958; МСЭ. Изд. 3. М., 1958—1960 и др.; см. в них статьи о Чехословакии, Чехии, о чешских писателях, ученых деятелях и т. д.

[3] См. «Атлас мира». Указатель географических названий. М, 1954. См. также: И. М. Маергойз. Чехословакия. Краткая экономико-географическая характеристика. М., Географгиз, 1954.— Транскрипция чешских названий дана в этой работе по картам, изданным Главным управлением геодезии и картографии (см. стр. 20, примечание).

[4] «История Чехословакии». М., Изд-во АН СССР. Т. 1—1956; т. 2—1959; т. 3—1960. См. также: «Всемирная история». М., Изд-во АН СССР. Т. 3—1957; т. 7—1960.

[5] См. статьи по чешской филологии в «Вопросах языкознания» и других журналах.

[6] «Иностранная литература», «Огонек» и др.

[7] Издания Издательства иностранной литературы, Государственного издательства художественной литературы и др.

ствие единства в области морфологии и правописания чешских собственных имен (географических названий, фамилий).

II. Отсутствие единства при передаче чешских наименований особенно сказывается в области морфологии наименований, оканчивающихся на гласные. В чешском языке многие географические названия оканчиваются на *-ие*, эти названия склоняются; среди них есть слова различного грамматического рода. В грамматике русского литературного языка иноязычные географические названия, оканчивающиеся на гласные (кроме неударяемого *-а*)[8], относятся к несклоняемым словам. Поэтому чешские наименования на гласные, кроме *а* (как *Огрже*, *Страконице*, *Вране*, *Врхлаби*, *Слани*, *Брно*[9] и т. п.), входя в русский язык, становятся несклоняемыми словами, что мы и наблюдаем, встречая эти слова-наименования главным образом в географической литературе и энциклопедиях. Чешские наименования на *-е* (*Лидице*, *Пардубице*, *Витковице*, *Крконоше* и др.) сопровождены пометой «неизм». (неизменяемое) в «Словаре ударений для работников радио и телевидения». Однако наблюдаются случаи склонения названий, оканчивающихся в именительном падеже на *-е*, особенно тех, которые в чешском языке представляют собой слова во множественном числе. Например, в упомянутом выше словаре ударений: «Волы́нщик из *Страко́ниц*»; в БСЭ (т. 47, стр. 292): «Производство их (мотоциклов) сосредоточено на заводах *Страконице*, Праги...», т. е. неизменяемое *Страконице* в одном ряду с формой родительного падежа *Праги*; в МСЭ (т. 10, стб. 417): «в Градец-Кралове, Праге-*Дейвицах*», ср. с чешск. *v Dejvicich*, им. п. *Dejvice* (район Праги). В переводах и в трудах славяноведов, заимствующих грамматические свойства отдельных наименований из языка-источника, обычно в именительном падеже употреблять транскрибированную форму (*Дейвице*, *Страконице*), а в косвенных падежах склонять (*в Дейвицах*, *в Страконицах*), как будто бы исходная форма

[8] «Грамматика русского языка», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 181.

[9] Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. М., 1956, стр. 233 (среди примеров несклоняемых слов есть и чешское «Брно»).

была во множественном числе, т. е. *Дейвицы, Страконицы*). Например, в «Истории Чехословакии» (т. 3) им. п. — *Страконице* (стр. 652), предл. п. — *в Страконицах* (стр. 175, 608); в «Ученых записках Института славяноведения» (М., т. 18, стр. 38) — *в Страконицах* и др. Однако и в данном случае нет последовательности, см. в «Истории Чехословакии»: «были демонстрации в Праге... Остраве, *Чешских Будейовицах*, Млада Болеславе, *Пардубицах*» (т. 3, стр. 149, 150) и «Во время демонстраций в *Чешске Будейовице*, Праге...» (т. 2, стр. 200).

В транскрибируемых чешских географических названиях букву *у* передают обычно через русское *и*, но иногда (не на географических картах) и посредством *ы*[10], главным образом на конце слов. Чешские слова-названия на латинское *-y*, употребляемые только во множественном числе, переданные по-русски с *-ы* на конце, склоняются как слова во множественном числе: *Карловы Вары, Карловых Вар*[11]; *Липаны, Липан*[12]; *Градчаны, Градчан*[13] и т. д.

При передаче названий с чешским суффиксом *-í* типа *Pošumavi, Podkrkonoší* наблюдается морфологическая русификация наименований[14] при помощи морфемы *-ье* (суффикс существительных среднего рода, обозначающих место): *Пошумавье* (БСЭ, т. 2, 47, 293), *Подкрконошье* (там же), *Považí — Поважье* (там же); *Rudohoří — Рудогорье* («История Чехословакии», т. 3, указатель географических названий), *Podskalí — Подскалье* (район Праги. — Там же, т. 2, стр. 12, 28); *Povltaví — Повлтавье* (И. М. Ма-

---

[10] По этому поводу пишет А. В. Суперанская: «В соответствии с общими правилами чешские *i* и *y* передают одинаково, через *и*. Представляется, однако, что вполне возможно передавать *y* через *ы* там, где в соответствующих русских морфемах имеется *ы*: *Lysá Hora* — Лыса-Гора, *Malý Rybník* — Малый Рыбник, *Karlovy Vary* — Карловы Вары» («Спорные вопросы русской транскрипции болгарских, польских, сербохорватских, чешских и словацких имен собственных». КСИС АН СССР, 28. М., 1960, стр. 58).

[11] См. «Словарь ударений для работников радио и телевидения». М., 1960.

[12] БСЭ, т. 25; «Всемирная история», т. 3. М., 1957, стр. 706.

[13] И. М. Маергойз. Указ. соч., стр. 200.

[14] О словах, заимствованных из близкородственного языка и подвергшихся морфологическому переоформлению («калькоидах»), см.: Е. И. Мельников. К вопросу о чешских элементах в современном русском языке. «Československá rusistika». Praha, 1961, № 3.

ргойз. Указ. соч., стр. 177), *Krušnohoří — Крушногорье* (там же, стр.. 24, 78), *Подкрушногорье* (там же, стр. 44, 78, 84, 89) и др.

III. Чешские фамилии на гласные *-е*, *-и*, *-о*, *-у*, *-ы* (*Пуркине*, *Тихи*, *Крейчи Котятко*, *Мартину*, *Неедлы* и др.) по правилам русской грамматики не склоняются (ср. и такие неизменяемые иноязычные фамилии и имена на гласный, как *Гёте*, *Гарибальди*, *Бруно*, *Шоу*, *Кер-Оглы* и т. п.). Фамилии лиц мужского пола, оканчивающиеся на *-а*, склоняются подобно русским существительным на *-а*. Так, родительный падеж мужских фамилий на безударное *-а*: *Ружичка*, *Поливка — Ружички* (см., например, ВЯ, 1959, № 2, стр. 159), *Поливки* (В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 285) и т. п.; творительный падеж фамилии *Сметана*: «Вслед за основоположником чешской музыкальной классики Бедржихом *Сметаной* выдвинулся Антонин Дворжак» («Всемирная история», т. 7. М., 1960, стр. 717). Склоняют в русской передаче и односложную чешскую фамилию на *-а*: *Drda — Дрда*, *Дрды* и т. д. («История Чехословакии», т. 3, стр. 572: «...творчество Я. *Дрды*»).

В русской транскрипции обычно передается чешское долгое *и* (обозначаемое буквой *у* со знаком долготы над ней —*ý*) посредством *и*; поэтому наименования на *-ý* получают окончание *-и*, а с *-и* на конце они становятся, по правилам грамматики, неизменяемыми, но в передаче фамилий на *-ý* часто наблюдаем отступление от транскрипции и применение морфологической замены, дающей возможность фамилиям склоняться. Надо сказать, что вообще в словах, заимствуемых из близкородственного языка, нередко их морфологический состав подвергается переосмыслению. Так, фамилию *Pokorný* передают обычно как *Покорный*. Буква *-ý* (долгое *и*) в чешском прилагательном *pokorný* означает окончание, которому в созвучном русском прилагательном соответствует окончание *-ый* (покорный). Передача фамилий с морфологической заменой — гораздо более частое явление, чем передача без морфологизации[15]. Так, пишется и произносится

[15] А. В. Суперанская пишет: «Для имен, переданных без морфологизации, необходима... синтаксическая поддержка контекста типа «Ответ президента Мали депутату Новотни», однако это не всегда возможно. Поэтому практически более удобной является передача с соответствующими суффиксами заимствую-

окончание *-ий* в чешских фамилиях на *-ý* после *-к-* и некоторых других согласных, особенно в фамилиях, часто употребляемых или известных (*Коменский*, *Добровский*, *Гейровский*, *Запотоцкий* и др.), и окончание *-ый* в фамилиях с основой на согласные, после которых в русском языке пишется *ы* (*Новотный* и др.). См. эти и другие чешские фамилии в советских энциклопедиях, в указателе имен в «Истории Чехословакии» (т. 2 и 3), в «Словаре для работников радио и телевидения», в прессе. Переоформленные фамилии склоняются, как прилагательные, подобно русским мужским фамилиям с соответствующими суффиксами и окончаниями.

Чешские женские фамилии, оканчивающиеся на *-ová*, в русской передаче склоняются по образцу склонения русских женских фамилий на *-ова*. Они склоняются и в тех случаях, когда входят в состав сложных фамилий в качестве первого компонента. В «Словаре ударений для работников радио и телевидения» приведена женская составная фамилия, употребленная и в родительном падеже: *Годинова-Спурна*, *Годиновой-Спурна* (по-чешски пишется: *Hodinová-Spurná*). Родительный падеж второй части фамилии *Спурна* свидетельствует о несклоняемости женских фамилий типа *Spurná* в случае передачи их без морфологической замены. Впрочем, чаще всего женские фамилии на *-á* (долгое *a*) при передаче на русский язык получают окончание *-ая* и тогда они склоняются. Например: «*Светлая* (*Světlá*) Каролина — чешская писательница» (БСЭ, т. 38, стр. 231); «Жизнь крестьянства, процесс воздействия капитализма на чешскую деревню занимают большое место в творчестве В. Галека, *К. Светлой*, С. Чеха, К. В. Райса, *Т. Новаковой*, А. Ирасека и др.» (БСЭ, т. 47, стр. 268).

IV. Что касается чешских собственных имен, оканчивающихся на согласные, то они склоняются так же, как и исконно русские слова на соответствующие согласные. В географических названиях на *-ец* с беглым *е* в чешском языке (*Liberec*, род. п. *Liberce*) наблюдаем колебание: звук *е* перед *ц* в косвенных падежах то сохраняется, то не сохраняется. Например: «текстильное машиностроение (особенно в Варнсдорфе и *Либереце*,

---

щего языка: чешск. *Hrozný* ← *Грозный*, *Pokorný* — *Покорный*» (указ. соч., стр. 59).

Двур-Кралове, Находе, Крнове, Рихнове)...» (БСЭ, т. 47, стр. 293); «В июне 1844 г. на мануфактурах *в Либерце* рабочими было уничтожено множество машин» («История Чехословакии», т. 1, стр. 337). В наименованиях на *-ек*, *-ец* и в других (например, *Пльзень*), в которых звук *е* выпадает при склонении в чешском языке (*Písek — v Písku*, *Pesen — v Pesnu*), это *е* в русском языке при склонении, как правило, сохраняется: «В Таборе, *Писеке* у Ледеча и в Тршебиче налажено производство электротехнических изделий» (И. М. Маергойз. Указ. соч., стр. 208). При передаче чешских фамилий на *-ек* и *-ец* с беглым *е* замечаем колебание: гласный *е* в косвенных падежах то сохраняется, то выпадает. См. родительный падеж мужских фамилий: *Махека*, *Горалека*, *Гавранека*, *Травничека* (БСЭ, т. 47, стр. 327, 328); *Махка*, *Горалка*, *Гавранка*, *Немца* (ВЯ, 1959, № 2, стр. 151, 156, 158); *Махека* («Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1959, стр. 105) и т. п. Случаи опущения *е* свидетельствуют о воздействии форм косвенных надежей этих фамилий в языке-источнике и сближении их с русскими существительными с суффиксами *-ец*, *-ок*, *-ек*, где также есть беглые *о* и *е*, опускаемые в склонении. Энциклопедические словари в чешских фамилиях с беглым *е*, судя по всему, обычно сохраняют *е*. «Словарь ударений для работников радио и телевидения» приводит чешские фамилии на *-ек*, в родительном падеже которых *е* сохраняется: *Воячек*, *Воячека*; *Яначек*, *Яначека* и др. В чешских женских фамилиях, образованных от чешских мужских фамилий на *-ек* и *-ец* с беглым *е*, в русской передаче *е* отсутствует, так как его нет в этих женских фамилиях и в чешском языке: *Čapková — Чапкова*, *Němcová — Немцова*, так как здесь налицо просто транскрипция подлинника, а не производство женской формы фамилии от мужской.

V. Наблюдаются колебания и в правописании чешских составных географических названий. Наименования, состоящие из двух или нескольких компонентов, пишут как полуслитно (через дефис), так и раздельно. На современных географических картах и в энциклопедических словарях составные чешские названия написаны, как правило, с дефисом: *Чески-Крумлов*, *Гавличкув-Брод*, *Градец-Кралове*, *Двур-Кралове* и т. д. В переводах с чешского их обычно пишут раздельно под влиянием правописания оригинала. Раздельное написание часто

наблюдается в трудах славяноведов. Согласно правилам русской орфографии следует писать составные названия через дефис, так как через дефис пишутся «иноязычные словосочетания, являющиеся именами собственными, названиями неодушевленных предметов, например: ... *Нью-Йорк*, *Пале-Рояль*»[16]. Компоненты их, представляющие в языке-источнике знаменательные слова, пишутся с прописной буквы. В указателе географических названий «Атласа мира» мы находим составные иноязычные названия с дефисом: *Нью-Йорк*, *Нови-Биджов*, *Нове-Место* и т. д. В указателе географических названий в «Истории Чехословакии» (т. 2) название *Нью-Йорк* дано с дефисом, но славянские (чешские) наименования городов — без дефиса: *Нови Быджов*, *Нове Место* и т. п., очевидно, вследствие раздельного написания в чешском языке: *Nový Bydžov*, *Nové Město*, но и *New York* в подлиннике пишется без дефиса.

Первый компонент составных наименований, даже оканчивающихся на согласный, в географической литературе и энциклопедических словарях, как правило, не склоняется. В «Словаре ударений для работников радио и телевидения» при названии *Градец-Кралове*, написанном, кстати, через дефис, стоит грамматическая помета, свидетельствующая о его неизменяемости. В славяноведческой литературе и в переводах авторы склоняют названия данного типа под влиянием языка-источника. См. в «Истории Чехословакии», т. 3, стр. 143: «в *Остраве Мосте*, *Градце Кралове*»: но там же (т. 3, стр. 115) и случай несклоняемости первого компонента: «в *Кладно Братиславе*, *Двур Кралове*». Первое слово многих географических наименований, состоящих из двух слов, в чешском языке — прилагательное (например, *Kutna Hora*). Написание их через дефис, согласно правилам русской орфографии (*Кутна-Гора*, ср. *Нью-Йорк* и т. п.), свидетельствует о том, что первая часть этих наименований не является в русском языке прилагательным. Чешское прилагательное в русской передаче в составных названиях с полуслитным написанием представляет собой первую часть словосложения и, как правило, не склоняется. Например: «магистраль, проходящая через

[16] «Орфографический словарь русского языка», под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро. М., 1956, стр. 1234—1935, § 79, 11.

Прагу — *Ческа-Тршебову* — Оломоуц — Жилину» (БЭС, т. 47, стр. 297); «На сейме в *Кутна-Горе* была провозглашена свобода вероисповедания для католиков и чашников» («Всемирная история», т. 3. стр. 706). Но имеется и другой вариант передачи этих наименований — с подстановкой соответствующей русской морфемы и склонением первого компонента (под влиянием склонения этих названий в чешском языке). Так, в переводах обычно находим переоформленные наименования: *Кутная Гора*[17], *с Кутной Горой*[18], *в Кутной Горе*[19] и т. п. Наблюдаем и способ склонения названий данного типа при сохранении именительного падежа без морфологической замены: *Кутна Гора* («История Чехословакии», т. 2, указатель географических названий), *из Кутной Горы* (там же, стр. 27), *в Кутной Горе* (там же, стр. 28) и т. д.

Отсутствие единства при передаче географических названий способствовало возникновению в русском языке двух (и больше) вариантов наименований для целого ряда городов преимущественно с названиями, оканчивающимися на гласные. Например, название города *Karlovy Vary* по-русски передают как *Карлови-Вари* и как *Карловы Вары*. (В текстах исторического и разговорного характера встречается иногда и устаревшее название *Карлсбад*.) Первый вариант — с *и* на конце, в единственном числе[20] — не склоняется: «на съезде в *Карлови-Вари*» (БСЭ, т. 47, стр. 306). Второй вариант — с конечным *ы*, во множественном числе — склоняется, пишется без дефиса; слово *Карловы* воспринимается как притяжательное прилагательное множественного числа. Варианты, как мы видим, имеют разные грамматические особенности. Они отличаются и стилистически. Название *Карлови-Вари* создано географической транскрипцией с ее условным способом передачи четырех чешских букв (*i*, *í*, *y*, *ý*) или двух чешских звуков (*и* и *и* долгого) посредством одной русской буквы *и* без учета словоразличительного значения чешской буквы *y*, имею-

---

[17] См. пер. с чешск.: И Мацек. Табор в гуситском революционном движении, 1. М., 1956, стр. 582.

[18] Там же, стр. 92.

[19] См. пер. с чешск.: З. Шолле. Рабочее движение в чешских землях во время мировой империалистической войны 1914—1918 годов. М., 1955, стр. 40.

[20] И. М. Маергойз. Указ. соч., стр. 223.

щей одинаковое с *i* звуковое значение (*y* — как бы «графическая фонема»). *Карлови-Вари* — название, обычное на географических картах, в географической литературе, энциклопедиях и подобных изданиях. Если включить его в лексику разговорного стиля, то оно производит впечатление выражения не разговорного, а скорее книжного стиля, особенно при его неизменяемости. Вариант с *ы* — *Карловы-Вары* — не пишут на географических картах, его избегают в географической литературе, энциклопедических словарях, хотя он широко распространен не только в разговорной речи, но и в письменной литературной речи. «Словарь ударений для работников радио и телевидения» приводит только название с *ы*, тем самым рекомендуя его дикторам.

Итак, грамматические особенности передаваемых по-русски чешских наименований зависят от способа передачи слова (его конца). Существует два способа передачи географических наименований: способ передачи в соответствии с общими правилами транскрипции (принятой в картографии) и способ передачи с заменой морфем (преимущественно конца слов), т. е. применяя фактически перевод грамматически чужого в свое. Вследствие неодинаковости передачи возникают варианты названий, отличающиеся своими морфологическими, орфографическими, а иногда и стилистическими особенностями.

В случае морфологического переоформления (обрусения) или перевода частичного или полного (т. е. перевода первого слова или обоих слов) сложного наименования первый компонент склоняется и дефис не пишется. Например: *Моравская Острава*, но *Моравска-Острава*, *Карловы Вары*, но *Карлови-Вари*, *Чешский Лес*, но *Чески-Лес* (*Český les*) и др.[21]

В передаче чешских географических составных названий с предлогом наблюдается разнобой. Так, название города *Ustí nad Labem* передают и пишут по-разному: *Усти* (чаще всего, обычное на географических картах), *Усти на Лабе* (например, БСЭ. Изд. 2, т. 47, стр. 293; И. М. Маергойз. Указ. соч., стр. 18, 125), *Усти-на-*

[21] В географическом названии *Чешское Среднегорье* (БСЭ, т. 47. стр. 283; И. М. Маергойз. Указ. соч. 18), передающем наименование Českе středohoří, первое слово — перевод, а второе — калька.

Лабе (например, «Ежегодник Большой Советской Энциклопедии». М., 1960, стр. 378), *Усти над Лабой* (БСЭ, т. 44, стр. 403). В связи с последним вариантом (см. также в БСЭ, т. 49, стр. 433: *Яблонец над Ниссой*) отметим, что чешскому предлогу в названиях, указывающих на расположение населенного пункта на берегу или берегах реки, соответствует в русских географических названиях предлог *на*, требующий предложного падежа, — *Франкфурт на Майне*. Предлог и название реки в такого рода наименованиях вообще принято переводить. Начальный компонент составных названий с предлогом склоняют, если он представляет собой склоняемое слово. Например: «залежи железных руд у *Ледеча на Сазаве*» (И. М. Маергойз. Указ. соч., стр. 204).

Сочетания слов, представляющие названия площадей, улиц, районов и т. п., пишут по-разному — и раздельно, и полуслитно. Судя по дефисному написанию *Пьяцца-ди-Сан-Марко* (площадь св. Марка в Венеции) и других названий в «Орфографическом словаре русского языка» (стр. 1249, § 100, примечание), правильно написание через черточку: *Староместске-Намести* (*Staroměstské náměstí*), *На-Пршикопе* (*Na příkopě*), *Старе-Место* (*Staré město*) и т. п. Составные названия пишутся раздельно в случае передачи с заменой суффикса или окончания (*Старое Место*) и в случае передачи-перевода (*Český les* — *Чешский Лес*). Составные названия, передаваемые русскими буквами, пишутся раздельно, если выделяются в тексте кавычками (см. «Орфографический словарь русского языка», стр. 1235, § 79, примечание). Например: «Важнейшие из журналов — *«Нова мисль»* (*«Nová mysl»*), *«Творба»* (*«Tvorba»*) и др.» (МСЭ, т. 10, стб. 416).

Составные личные наименования (фамилии) с предлогом *z* (*ze*) пишут раздельно, предлог переводят: *Даниель* (или *Даниил*) *Адам из Велеславина* (*Daniel Adam z Veleslavína*), *Томаш из Штитного* (*Tomáš ze Štítného*), *Ян Рогач из Дубы* (*Jan Roháč z Dubé*) и т. п. (см. энциклопедии и историческую литературу). Перевод чешского предлога *z* (*ze*) и морфологическое обрусение следующего за ним слова — воздействие славянской языковой близкородственности. В фамилиях подобного типа не из близкородственного языка средний компонент воспринимается как частица и не переводится, ср. *Леонардо да*

Винчи и др. (см. «Орфографический словарь русского языка», стр. 1234, § 79, примечание).

VI. Чешские собственные имена в русской передаче представляют собой главным образом существительные. Интересен вопрос о грамматическом роде и числе чешских наименований в русской передаче. Род географических названий в чешском языке и в передаче на русском языке далеко не всегда совпадает. Например: название города *Mladá Boleslav* женского рода, а в русском *Млада-Болеслав* мужского рода (см. окончание родительного падежа в «Словаре ударений для работников радио и телевидения»: *Млада-Болеслав, -а*), также и *Собеслав* (*Soběslav*), *Часлав* (*Čáslav*), *Яромерж* (*Jaroměř*), *Кромержиж* (*Kroměříž*) и др. Наименования, оканчивающиеся в русской передаче на твердые согласные, — мужского рода. Названия населенных пунктов, окачивающиеся на мягкие согласные, бывают и мужского, и женского рода; наблюдаются и колебания. Так, *Plzeň* в чешском языке — слово женского рода (это двусложное слово, первый слог образован слоговым *л*, на нем ударение). В русском языке находим несколько способов передачи этого названия: *Пильзень*, *Пильзен* (первоначальный облик слова, отражающий посредничество немецкого *Pilsen*), *Пльзень*, *Плзень*. В «Словаре ударений для работников радио и телевидения»: *Пильзен, -а* (новое *Пльзень*); *Пльзень, -и*. Судя по окончанию слова в родительном падеже *-и* в указанном словаре ударений, *Пльзень* — женского рода. В «Краткой географической энциклопедии» (М., 1960) слово *Пльзень* мужского рода (см. стр. 551: «проходит шоссе из *Пльзеня*»). В БСЭ — мужского рода: «*Пи́льзен* ... правильнее *Пльзень*» (т. 33), «в районе *Пльзеня*» (т. 47, стр. 292), «заводы в Горни-Бржизе у *Пльзеня*» (там же, стр. 294). В «Истории Чехословакии» — тоже мужской род: *в Пльзене* (т. 3, стр. 368). Слово *Пльзень* употребляется, как мы видим, и в мужском, и в женском роде; склонение его зависит от рода. Названия на гласные, которые в чешском языке представляют собой слова, употребляемые только во множественном числе, в русском обычно становятся словами в единственном числе. *Lidice* — в чешском языке слово, употребляемое только во множественном числе [22]. В БСЭ —

[22] «Slovník spisovného jazyka českého». ČSAV. Praha, 1960, стр. 1108.

Лидице, слово в единственном числе, женского рода (деревня); см. т. 25, стр. 114; «*Лидице* стала известна всему миру». В «Энциклопедическом словаре» (т. 2, стр. 261) — *Лидице*, тоже в единственном числе, женского рода (деревня). В МСЭ — в единственном числе мужского рода (поселок): «*Лидице* отстроен вновь» (т. 5, стб. 566).

VII. Прилагательные к названиям пунктов (городов) представляют собой нередко (особенно к составным названиям) заимствованные из чешского языка и переоформленные прилагательные с русскими окончаниями. См., например: «Большое значение получили в XIV в. новые разработки залежей серебряной руды в районе Кутна-Горы. Эксплуатация *Кутногорских*, *Йиглавских* и других серебряных рудников»... («Всемирная история», т. 3, стр. 695). Прилагательное *кутногорский* восходит к чешскому *kutnohorský*, *карловарский* (Карловы Вары) — к *karlovarský*, *младоболеславский* (Млада-Болеслав) — к *mladoboleslavský*, *градецкий* (Градец-Кралове) к — *hradecký*, *устецкий* или *устицкий* (Усти) — к *ústecký*, *мостецкий* (Мост) — к *mostecký*, *пардубицкий* (Пардубице) — к *pardubický*, *брненский* (Брно) — к *brněnský* и др. По образцу прилагательного *брненский* образовано от несклоняемого наименования *Кладно* прилагательное *кладненский* (по-чешски *Kladenský*). Прилагательное к *Пльзень* звучит по-разному. В «Словаре ударений для работников радио и телевидения»: *пльзенский* (*Пльзе́нская* область) и *пильзенский* (*пильзенское* пиво). В БСЭ (т. 33, стр. 305) — *пльзеньский* (*Пльзе́ньская* область). То же и в МСЭ (т. 7, стб. 232): «Пльзень... адм. ц. *Пльзеньской* обл.» (см. там же, т. 10, стб. 405). «Написание прилагательного с мягким *н* перед суффиксом *-ск* (*ий*) следует отнести к орфографическим заимствованиям типа *гданьский*, *познаньский*»[23] (отсутствие единства наблюдается и в прилагательных). К некоторым названиям населенных пунктов имеется два прилагательных — одно заимствованное и переоформленное, а другое образованное от названия в русской передаче. Прилагательное к названию города *Ческе-Будейовице* — *ческо-будейовицкий* (МСЭ, т. 10, стр. 405; БСЭ, т. 47, стр. 282); судя по его первой составной части, оканчивающейся на *-о*, является заимствованным сло-

[23] См. А. В. Суперанская. Об одной ошибке в написании географических названий. «Вопросы культуры речи», 2. М., 1959, стр. 163.

вом (*českobudějovický*), пишущимся, в отличие от своего прототипа, обычно через дефис. Другое прилагательное — *ческе-будейовицкий* (БСЭ, т. 47, стр. 228) — образовано непосредственно от *Ческе-Будейовице*, судя по концу его начальной составной части (*-е*).

VIII. Что касается ударения в рассматриваемых нами чешских названиях и фамилиях в русской передаче, то дело обстоит сложнее, чем обычно принято думать. При передаче чешских имен собственных принято держаться правила, что в чешском языке ударение ставится на первом слоге слова[24]. Однако иногда в словарях и очень часто в произношении говорящих (по наблюдениям при слушании радиопередач, лекций, речей, разговоров русских с чехами) бывают отступления от этого правила. Эти отступления заслуживают внимания, потому что часто отражают такие важные особенности чешской фонетики, как долгие гласные (особенно долгие *а* и *и*) и побочное ударение (в чешском языке ударение на первом слоге — главное — заметно слабее русского ударения, а роль побочного ударения значительно больше, чем в русском).

Фамилия писателя *Ирасек* в БСЭ и МСЭ дается с ударением на первом слоге, а в «Словаре ударений для работников радио и телевидения» — на втором. В том же словаре находим и другие фамилии с ударением на второй гласной, подударность которой отражает выделенность второго (долгого) гласного в чешском языке: *Воя́чек*, *Нечáсек*, *Яна́чек*, *Прохáска*. Там же находим знак ударения на втором слоге и в таких чешских именах собственных, как *Борóвский* (см. *Гáвличек-Борóвский*), *Божéна* (*Нéмцова Божéна*), *Алóис* (*Ирáсек Алóис*). В названии *Будейовице* в энциклопедиях ударение стоит на первом слоге, а в упомянутом словаре ударений — на третьем (*Будейóвице, Будейóвицкая* обл.). Ударение на

[24] «Словарь ударений для работников радио и телевидения», стр. 645. — Впрочем, вопрос о чешском ударении сложнее; об этом, между прочим, свидетельствует ударение в русских словах, произносимых чехами (см.: Е. Мельников. О русском ударении в связи с ошибками учащихся. «Ruský jazyk», II. Praha, 1953, стр. 96). Чешские учащиеся при списывании и чтении новых для них русских слов (без знака ударения), похожих на чешские, часто ставят ударение не на первом, а на втором гласном, иногда в многосложных словах (под влиянием чешского побочного ударения) на третьем и следующем гласном.

ретьем слоге учитывает подударность слога ё (*йо*) в рус-
ком литературном произношении. Ударение в русифи-
цировавшихся прилагательных нередко не на первом
слоге, а на втором или на конце основы: *мостéцкий* (МСЭ,
т. 6, стр. 251: *Мостéцкая* забастовка), *карловáрский* (БСЭ,
т. 20, стр. 225). В указанном выше словаре ударений —
Пáрдубице, но *Пардубúцкая* обл. Итак, ударение в чеш-
ских наименованиях в русской передаче не всегда на
первом слоге, но иногда и на втором (главным образом
в случае долготы чешского второго гласного или под
влиянием русских лексических соответствий) и даже
на следующих слогах (особенно в русифицированных
многосложных словах).

В. Э. Сталтмане

К вопросу о морфологическом оформлении латышских имен собственных в русской транскрипции*

Основной причиной разнобоя и отсутствия единых принципов в передаче иноязычных имен собственных на русский язык является существующая в настоящее время децентрализация разработки данных вопросов. Вследствие этого иноязычные имена собственные разделяются как будто бы на несколько групп: правильное написание (и частично произношение) географических названий в русском языке устанавливают картографы и географы, личных имен и фамилий — библиографы, переводчики и др., названий иноязычных газет и журналов — работники библиотек, печати и др. Такое положение вещей явно тормозит разработку теории данной отрасли прикладной лингвистики в целом.

Особенно неудовлетворительно дело обстоит с передачей имен собственных с языков народов СССР, поскольку в этом направлении децентрализация разработки рассматриваемых вопросов достигает своей высшей степени. При настоящем распределении обязанностей между различными научными и законодательными учреждениями

* Затронутые вопросы неоднократно обсуждались в Институте языка и литературы АН Латвийской ССР, а также в Отделе транскрипции Центрального научно-исследовательского института геодезии, аэросъемки и картографии.

союзных республик специалисты русского языка, тем более люди, специально занимающиеся вопросами передачи иноязычных имен собственных на русский язык, в некоторых случаях мало привлекаются или вообще не привлекаются к разработке правил передачи имен собственных языков национальных республик в русском языке, так как эти правила издаются в виде местных правительственных постановлений[1]. Вследствие сложившейся ситуациии в настоящее время теряется возможность создать единую, прочную теоретическую базу для передачи имен собственных с различных языков СССР.

А между тем разработка данных вопросов, равно как и передача имен собственных с зарубежных языков, не должны происходить помимо русистов. Наоборот, последнее и окончательное слово в таких случаях всегда должно остаться за русистами. Дело в том, что иноязычное слово из чужой среды переходит в русский язык и начинает функционировать в нем, меняя свой фонетический, орфографический и морфологический облик, приспосабливаясь к фонетической, орфографической и морфологической системе русского языка. Все эти метаморфозы с иноязычными именами собственными происходят под влиянием правил русского языка, с учетом сложившихся в русском языке традиций. Ведущее место русистов в этом деле неоспоримо. Латышские языковеды, разрабатывающие принципы передачи иноязычных имен собственных на латышский язык[2], также стремятся

---

[1] Например, Постановление Совета народных комиссаров Латвийской ССР 1945 г., № 987 и 1167. См. «LPSR Augstākās Padomes Prezidija Ziņotājs», 1945, № 230; 1946, № 8. Аналогичную роль играют также инструкции, изданные академиями наук союзных республик и утвержденные советами министров, например литовская инструкция «Instrukcija lietuviškiems tikriniams vardams rusiškai transkribuoti» (Vilnius, 1962) утверждена Постановлением Президиума Верховного Совета Литовской ССР, № 134 от 19 апреля 1962 г. См. «Ведомости Верховного Совета и правительства Литовской ССР», № 15, 1962. Эстонская инструкция «Правила передачи эстонских имен собственных русскими буквами» (Таллин, 1959), согласно постановлению Президиума Верховного Совета Эстонской ССР, № 287 от 26 сентября 1959 г., является обязательной для всех учреждений и организаций Эстонской ССР. См. «Ведомости Эстонской ССР», № 53, 1959.

[2] См. серию справочников по орфографии и орфоэпии иноязычных имен собственных в латышском литературном языке: 1) «Имена собственные эстонского языка» (1960), 2) «Имена собственные чешского и словацкого языков» (1961), 3) «Имена собственные немец-

найти общий подход[3] к именам собственным различных языков, исходя из общих тенденций и возможностей латышского языка при включении этих чужих элементов в систему родного языка. Конечно, имеется и существенное различие между тем, как мог бы отнестись, например, француз или швед к своей фамилии или фамилиям своих соплеменников, услышав их в русской речи или увидев их в русском написании, и тем, как свою фамилию, имя или название родного города в русской передаче воспринимает латыш, эстонец, армянин, якут и представители любой другой национальности Советского Союза.

Степень знакомства с русским языком и широта его употребления за рубежом и в национальных республиках Советского Союза — это несравнимые вещи. Русский язык в наших республиках широко распространен, хорошо известен и в некоторых сферах общения[4] выступает наравне с национальными языками. Поэтому латыш, эстонец, армянин или якут свою фамилию в русской передаче слышит весьма часто и не может оставаться безразличным к тому, как это звучит по-русски, в то время как для француза или шведа эти вопросы не имеют столь актуального значения. Отсюда очевидна такая активность национальных республик в разработке вопросов практической транскрипции на русском языке. Эту активность можно только приветствовать. Однако именно русисты должны направлять все устремления в единое русло и координировать создание единых принципов передачи имен собственных с языков народов СССР на русский язык. Только в этом случае вопросы прак-

---

кого языка» (1960), 4) «Имена собственные литовского языка» (1961), 5) «Имена собственные польского языка» (1961), 6) «Имена собственные английского языка» (1961), 7) «Имена собственные испанского языка» (1961). Все справочники изданы Академией наук Латвийской ССР в Риге.

[3] Попытка найти общий подход не исключает необходимости учитывать специфические особенности различных языков при передаче иноязычных имен собственных. Так, например, при передаче английских имен собственных на латышский язык приходится в большей степени прибегать к приемам транслитерации, чем это имеет место, например, при передаче на латышский язык имен собственных чешского и словацкого языков.

[4] Например, на происходящих в республиках межреспубликанских и всесоюзных совещаниях.

тической транскрипции будут поставлены на научную основу.

В данной статье не ставится задача охватить все вопросы, касающиеся русской транскрипции латышских имен собственных; анализу подвергаются только те случаи, в которых на практике наблюдаются наиболее ощутимые колебания и разнобой (латышская топонимика и личные имена, где разнописание особенно бросается в глаза)[5].

I

Одним из таких случаев является вопрос о передаче латышской флексии в русской транскрипции. В Постановлении правительства Латвийской ССР[6] говорится, что имена собственные латышского языка на русский язык передаются полностью, включая суффиксы и окончания. Исключения составляют все имена собственные I склонения (оканчивающиеся на *s-*, *-š*) и фамилии II склонения, оканчивающиеся на *-dis*, *-tis*, *-nis*, *-ris*, *-lis* после гласной и имеющие не менее трех слогов, а также мужские имена интернационального происхождения. Флексию *-s*, *-š* и *-is* (в указанных случаях) в передаче на русский язык предполагалось отбрасывать[7].

Это ограничение было сделано для того, чтобы флексия именительного падежа (например, *Tukums*, *Tukuma*, *uz Tukumu* и т. п.) не повторялась в русском языке в косвенных падежах (*Тукум*, *Тукума*, *Тукуму* и

---

[5] При охвате всех случаев передачи латышских имен собственных на русский язык перед исследователем могут встать и другие проблемы, а именно случаи, когда транскрибирование производится единым способом в пределах латышских имен собственных, но несогласованно с русской транскрипцией аналогичных явлений с других языков. В качестве примера можно привести передачу дифтонга *ie*: в литовских именах собственных этот дифтонг транскрибируется через русское *е*, в латышских — всегда, без колебаний, через сочетание русских звуков *ие*. Такие случаи в данной статье не рассматриваются, хотя в принципе они не должны оставаться вне поля зрения исследователя проблем практической транскрипции.

[6] «Latvijas PSR Tautas Komisāru Padomes lēmums», № 987, 1167. — «Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija Ziņotājs», 1945, № 230; 1946, № 8.

[7] Аналогичные нормы передачи, согласно Постановлению, разработаны также в «Инструкции по передаче на картах географических названий Латвийской ССР». М., 1952.

т. п., а не *Тукумс*, *Тукумса* и т. п.). Однако отбрасывание флексии оказалось неудачным приемом[8] по следующим причинам:

1. Отбрасывать флексию предлагалось только для определенных морфологических категорий слов, в то время как при передаче слов, относящихся к другим склонениям, предписывалось флексию сохранять. Таким образом, в принципе не было исключено повторение латышской флексии именительного падежа в русских косвенных падежах. Например, согласно Постановлению следовало передавать на русский язык (и склонять) географические названия: *Екабпилс*, *Екабпилса*, в *Екабпилсе*; *Салдус*, *Салдуса*, в *Салдусе* и фамилии: *Лацис*, *Лациса*, *Лацису*, о *Лацисе* и т. п., хотя в латышском языке в этих склонениях флексия также меняется в косвенных падежах (например: *Jēkabpils*, *uz Jēkabpili*, *Jēkabpilī*; *Saldus*, *uz Saldu*, *Saldū*; *Lācis*, *Lāča*, *Lācim* и т. п.).

2. Принцип отбрасывания флексий латышских имен собственных оказался непоследовательным и с точки зрения общих тенденций практической транскрипции русского языка.

Оформление иноязычных имен собственных в виде чистых основ без оригинальной флексии в наши дни можно считать старым приемом, ушедшим в историю. В этом легко убедиться, знакомясь с традицией и с современными тенденциями развития языка. Так, имена собственные из классических языков попали в русский язык в виде чистых основ, теряя греческую флексию -ος, -ης, -ον и др. и латинскую *-us*, и др. (окончания *-ius* менялись на *-ий*)[9], например: греч. Ὅμηρος — *Гомер*,

---

[8] Об этом наглядно говорит разнобой в передаче латышских имен собственных с флексией *-s*, *-š*, *-is*, длившийся уже чуть ли не двадцать лет. Например, на Государственной карте СССР м-ба 1 : 1 000 000 (М., 1953) встречаются написания, соответствующие правилам «Инструкции» (*Нариньцием*, *Яунпагаст*, *Инчукалн*, *Арцием* и др.), но тут же рядом находим написания, явно противоречащие «Инструкции» (*Леясциемс*, *Берзциемс*, *Мерсрагс*, *Лизумс*, *Дзедруциемс* и др.). Подобную картину наблюдаем и на Административной карте Латв. ССР м-ба 1 : 600 000 (М., 1957): по «Инструкции» — *Леясцием*, *Лизум*, *Лаздукалн*, *Мерсраг*; в разрез с «Инструкцией» — *Калнциемс*, *Балтайскрогс* и др. Такой же произвол царит в области латышских личных имен и фамилий, передаваемых на русский язык.

[9] Об этом см.: Я. К. Грот. Филологические разыскания, II. СПб., 1899, стр. 771.

Ὀδυσσεύς — *Одиссей*, Περικλῆς — *Перикл*; лат. *Augustus* — *Август*, *Horatius* — *Гораций*, *Ovidius* — *Овидий*.

Однако в наше время при заимствовании имен собственных из новогреческого языка, сохранившего синтетический строй, флексия, как правило, сохраняется[10], например в именах и фамилиях: *Манолис Глезос*, *Диомисиос Соломос*, *Венизелос* (партия основана *Венизелосом*), *Метаксас* (правительство *Метаксаса*), *Пластирас*, *Цуперос*.

Сохраняется в русском языке также флексия литовских имен собственных[11]; фамилии[12]: *Vienuolis* — *Венуолис*, *Čiurlionis* — *Чюрлёнис*, *Baranauskas* — *Баранаускас*, *Mrazdas* — *Страздас*, *Bretkunas* — *Бреткунас*, *Stankevičius* — *Станкевичюс*, *Donelaitis* — *Донелайтис*; географические названия: *Šimonys* — *Шимонис*, *Subačius* — *Субачюс*, *Dusetos* — *Дусетос*, *Vainutas* — *Вайнутас*, *Rietavas* — *Ретавас*, *Biržtonas* — *Биржтонас* и др.

Морфемы *-as*, *-is*, *-ys*, *-us*, *-os* в литовском языке являются флексией, изменяющейся в склонении соответствующих слов.

Итак, при передаче иноязычных имен собственных на русский язык в наше время развивается тенденция к сохранению оригинальной флексии. Следовательно, более целесообразно с точки зрения установления единых принципов для практической транскрипции было бы сохранить флексию во всех случаях, в том числе и в латышских именах собственных. Этим был бы ликвидирован разрыв с практикой, которая упорно сопротивляется отбрасыванию флексий. Сохранение флексии во всех случаях упростило бы также правила передачи имен собственных латышского языка на русский язык.

Конечно, окажется ли возможным распространить это новое и весьма удобное правило абсолютно на все собственные имена латышского языка во всех сферах речевой практики — это далеко не решенный вопрос. Пока намечаются две группы латышских имен собственных, которые вряд ли без сопротивления подчинятся правилу

---

[10] Примеры, иллюстрирующие передачу имен собственных новогреческого языка, взяты из БСЭ, т. 12. М., 1952, стр. 564—569.

[11] «Инструкция по прередаче на картах географических названий Литовской ССР». М., 1952.

[12] Примеры взяты из БСЭ, т. 25. М., 1954, стр. 250—274.

сохранения флексии при переходе их в русский язык. Это личные имена и фамилии интернационального и славянского происхождения.

В латышском, как и во многих других индоевропейских языках, большинство личных имен имеет иноязычное происхождение[13], хотя с точки зрения современности эти имена ощущаются как обыденные распространенные латышские имена, например: *Kārlis*, *Valters*, *Alberts*, *Arturs*, *Edvards*, *Ernests*, *Pēteris*, *Miķelis*, *Fricis*, *Rūdolfs*, *Edgars*, *Pauls*, *Augusts*, *Roberts*, *Valdemārs* и др. Примерно так же воспринимаются и имена *Leonīds*, *Viktors*, *Aleksandrs*, *Andrejs* и др., часто встречающиеся в русском языке.

Русские, передавая эти имена на свой язык, стремятся оформить их в виде обычных западноевропейских имен, а именно: *Карл*, *Вальтер*, *Альберт*, *Рудольф*, *Артур*, *Фриц* и т. п. Еще менее вероятно, что русские будут передавать имена латышей в виде *Александрс*, *Леонидс*, *Андрейс*, *Викторс*. Думается, что такой последовательной передачи следовало бы придерживаться, по крайней мере, в официальном стиле (в печати, в научных трудах, в паспортизации и т. п.); в разговорной речи этого добиться вряд ли удастся.

Сложнее дело обстоит с латышскими фамилиями интернационального и славянского происхождения. В латышском языке очень часто встречаются фамилии — сложные слова, с немецким *-mann*, *-sohn* во второй части слова, правда, в летуанизированном виде — *-manis*, *-sons*, например: *Bergmanis*, *Valdmanis*, *Reihmanis*, *Baumanis*, *Blaumanis*, *Veismanis*, *Vasermanis*, *Amtmanis; Jansons*, *Kārlsons*, *Pētersons*, *Jēkabsons*. Естественно встает вопрос, передавать ли эти фамилии на русский язык, как русские привыкли их обычно видеть и произносить: *Бергман*, *Рейхман*, *Петерсон*, или передавать их, сохраняя приобретенный ими определенный национальный колорит: *Блауманис*, *Бергманис*, *Янсонс*.

Еще сложнее дело обстоит с фамилиями славянского происхождения, носители которых оказываются латышами; например: *Janševskis*, *Jankovskis*, *Petrovskis*, *Zi-*

---

[13] Имен исконно латышского происхождения, таких, как *Centis*, *Dailis*, *Ziedonis*, *Spodris*, *Drosmis*, *Varis* и др., сравнительно немного.

linskis, *Jankevics*, *Budļevskis*, *Cilinskis* и даже *Ivanovs* (фамилия известного латышского композитора с ударением на первом слоге). Думается, что для русского показалось бы весьма странным говорить и писать: «Шестая симфония *Ивановса*».

Задача осложняется еще и тем, что не всякий текст, переводимый на русский язык, содержит точные указания на национальную принадлежность носителя славянской фамилии. И все же, кажется, в официальной речи более последовательно было бы передавать все фамилии латышей как немецкого, так и славянского происхождения, беря за исходную форму именительный падеж, например: *Янковскис*, *Янкевицс*, *Бергманис*, *Петерсонс* (и склонять в род. п. *Янковскиса*, *Янкевица*, *Бергманиса*; дат. п. *Янковскису*, *Янкевицу*, *Бергманису* и т. п.). Этим был бы сохранен национальный колорит этих фамилий. Дело еще и в том, что эти как будто бы «нелатышские» фамилии, бытуя в латышском языке, претерпели определенные изменения как фонетические, так и графические и даже морфологические, например: *Jankevics* — перенос ударения на первый слог и летуанизированный суффикс + латышская флексия *-s*; *Vasermanis*, *Cimermanis* (нем. *Wassermann*, *Zimmermann*) — латышская графика, отказ от удвоения согласных + латышская флексия *-is*.

Между прочим, второй компонент сложных фамилий *-manis* и *-sons* в какой-то мере получили значение «фамильного суффикса», так как в наше время они встречаются в «гибридных» фамилиях, в которых морфемы *-manis*, *-sons* присоединяются к исконно латышскому корню, например: *Baltmanis* (balts — белый); *Lielmanis* (liels — большой), *Upmanis* (upe — река); *Jansons* (*Jānis* — одно из самых распространенных латышских имен, соответствует немецкому *Johann*), *Jēkabsons* (*Jēkabs* соответствует немецкому *Jakob*).

II

Среди топонимов Латвии значительное место занимают названия населенных пунктов в форме множественного числа. Это, как правило, названия хуторов. При передаче их на русский язык значение множественного числа обыкновенно не сохраняется: транскрибируемое название передается в форме единственного числа, при-

чем род определяется частично окончанием, частично зависит от рода номенклатурного термина, например город *Liepāja* (ед. ч., ж. р.) — *Лиепая* (ед. ч., ж. р.); город *Cēsis* (мн. ч., м. р.) — *Цесис* (ед. ч., м. р.).

Согласно Постановлению и «Инструкции», исключение из общего правила составляют те названия множественного числа мужского рода, которые оканчиваются на *-i* после твердых согласных, например: *Meirāni*, *Dubulti*, *Ozoli*. Конечное *-i* в данных случаях предписано заменять русским *-ы*, сохраняющим за собой значение множественного числа и склоняемость, например: *Мейраны*, в *Мейранах*; *Дубулты*, в *Дубултах* и т. п. В то же время несклоняемыми остаются те латвийские географические названия, в которых окончанию множественного числа предшествует мягкая согласная, например: *Kalniņi*, *Ģibuļi* и др. — *Калнини*, *Гибули* (жить в *Калнини*, в *Гибули*).

Передача окончания множественного числа *-i* после твердых согласных при помощи морфологической замены через *-ы* диктуется тенденцией, характерной для всех флективных языков, а именно тенденцией избегать несклоняемых форм.

И все же, несмотря на все доводы, как будто бы подтверждающие обоснованность решения вопроса, на практике наблюдаем непоследовательность и колебания в передаче окончаний множественного числа *-i* с предшествующей твердой согласной[14]. В чем же дело?

Применение двух русских гласных (*-и* и *-ы*)[15] для обозначения твердости или мягкости предыдущей согласной т о л ь к о в к о н ц е слова с фонетической точки зрения не обосновано: на самом деле мягкость и твердость латышских согласных (имеющая фонематическое значение и графически различные обозначения) в равной мере различается и в начале, и в середине, и в конце слова. Так, например, согласная *n*, два раза повторяю-

[14] Показательны примеры на Административной карте Латв. ССР, 1957, м-ба 1 : 600 000 — *Друсты*, *Кангары*, *Зосены*, *Талсы*, *Мазозолы* и т. п., но рядом: *Калети*, *Зиемери*, *Броцени*, *Озоли* и т. п. Пеструю картину наблюдаем также на Государственной карте СССР, 1953, м-ба 1 : 1 000 000: *Броцены*, *Озолы*, *Балвы*, *Стуры* и т. п., но рядом: *Марени*, *Оволи* (одноименное с указанным выше), *Скривери* и т. п.

[15] Любое латышское *-i*, независимо от его позиции, по своему звучанию ближе к русскому *и*, чем к *ы*.

ыся в слове *Nikšēni*, имеет одно и то же качество, нако по «Инструкции» эта согласная на русский язык лжна передаваться по-разному — *Никшены*[16].

К тому же употребление *-и* и *-ы* в окончаниях латышских топонимов практически дало бы возможность данной позиции передать различным способом только е пары латышских фонем, противопоставленных по гкости и твердости, а именно фонемы *l* — *ļ* и *n* — *ņ*. ары *k* — *ķ* и *g* — *ģ* в транскрипции не различаются, к как в передаче латышских имен собственных на сский язык после *к* и *г* писать *ы* не принято[17]. остальных же случаях написание *-ы* (после согласных *p*, *m*, *v*, *d*, *t*, *s*, *c*) не связано с фонематическим разграничением транскрибируемых согласных, поскольку эти гласные в латышском языке не образуют твердых и мягких пар.

Относительно передачи категории числа иноязычных топонимов на русский язык вообще высказывались различные мнения. Особого внимания в этом отношении заслуживают близкородственные языки. Так, А. М. Сухотин писал: «При передаче названий с языков, имеющих с русским языком прозрачные морфологические соответствия (в особенности славянские языки, а также греческий, румынский и др.), надлежит отражать такие категории, как число, в меньшей степени род. Поэтому польское *Kielce* — *Кельцы*, румынское *Ploesti* — *Плоешты*, греческое *Saloniki* — *Салоники*... В отношении языков, не имеющих с русским языком столь прозрачных морфологических соответствий, как вышеупомянутые, отражать множественное число желательно в названиях горных цепей (*die Alpen*, *les Alpes* — *Альпы*...)...»[18].

---

[16] В начале и в середине слова мягкость или твердость латышских согласных, предшествующих гласной *i* (а также перед *е* во всех позициях), по укоренившейся традиции при транскрипции на русский язык не различается.

[17] Однако при передаче имен собственных других языков (например, узбекского, киргизского, туркменского, азербайджанского и др.) на русский язык написание *ы* после *к* и *г* допускается. См.: «Общая инструкция по передаче географических названий на картах». М., 1955, § 43, стр. 16; «Инструкции по передаче на картах географических названий Узбекской ССР» (Ташкент, 1959), Туркменской ССР (М., 1955), Киргизской ССР (М., 1955), Азербайджанской ССР (М., 1956).

[18] А. М. Сухотин. О передаче иностранных географиче-

Однако в наши дни эти пожелания, как правило, не соблюдаются. Так, инструкции по передаче на картах географических названий Чехословакии[19] и Польши[20] предлагают формы множественного числа транскрибировать в виде несклоняемых форм единственного числа, например чешск. *Fintice — Финтице*, *Myslejovice — Мыслеёвице*; польск. *Małowice — Маловице*, *Skierniewice — Скерневице* и т. п., а не *Финтицы*, *Мыслеёвицы*, *Маловицы*, *Скерневицы*. Не учитывается также значение множественного числа при передаче на русский язык топонимов Литвы[21], например *Šiauliai — Шяуляй*, *Obeliai — Обеляй* и др., а не *Шяуляи*, *Обеляи*.

Наряду с приведенными примерами особый подход к формам множественного числа латвийских топонимов кажется необоснованным. Более того, некоторое единообразие практической транскрипции будет достигнуто, если все географические названия Латвии будут передаваться на русский язык в единственном числе (*Дубулти*, *Зиемели*, *Цесис*, *Эглес*, *Аузиняс* и др.). Тем более, что предлагаемая «Инструкцией» морфологическая замена распространяется только на одну часть топонимов, в остальных случаях значение множественности при передаче на русский язык неизбежно теряется.

III

В современном латышском языке явно выражена тенденция к противопоставлению двух родовых форм у слов, обозначающих лица. Формы женского рода, соотносительные с формами мужского рода, имеют, как правило, имена нарицательные типа nomina agentis, например *nesējs — nesēja* (тот, кто несет), и слова, обозначающие профессию, занимаемый пост, звание, титул и т. п.: *kasieris — kasiere* (кассир), *kandidāts — kandidāte* (кандидат), *direktors — direktore* (директор), *inženieris — inženie-*

ских названий. «Вопросы географии и картографии». НИИБСАМ, сб. I. М., 1935, стр. 140.

[19] «Инструкция по передаче на картах географических названий Чехословакии». М., 1955.

[20] «Инструкция по передаче на картах географических названий Польши». М., 1955.

[21] «Инструкция по передаче на картах географических названий Литовской ССР». М., 1952.

(инженер), *redaktors — redaktore* (редактор), *lektors — ore* (лектор) и т. п.

Коррелятивные формы мужского и женского рода ют также фамилии. Фамилии мужского и женского да образуют строгую систему форм: определенным словообразовательным типам мужских фамилий соответствуют только те и не иные формы женского рода, например: *Jānis Kalniņš — Marija Kalniņa*, *Kārlis Balo — Mirdza Balode*, *Aivars Silenieks — Aina Sileniece*, *deris Resnais — Skaidrīte Resnā* и т. п.

Постановление правительства 1945 г. предписывает при передаче на русский язык заменять специфические формы женских фамилий соответствующими формами мужского рода. Такое решение вопроса требует пересмотра.

Выражение женских фамилий особыми формами женского рода в латышском языке отнюдь не является факультативным приемом. Наоборот, этого требует норма литературного языка. Эти формы также засвидетельствованы в паспортизации и являются обязательными в официальной речи. Замена форм женских фамилий мужскими нередка встречается в просторечии и придает высказыванию некоторый оттенок малокультурной речи, речи, засоренной немецкими оборотами. Передавать на русский язык такие формы, как *Aina Purviņ* вместо *Aina Purviņa*, это значило бы брать в языке-источнике формы, находящиеся за пределами норм литературного языка.

С другой же стороны, путь, предлагаемый Постановлением, ни в малейшей мере не облегчает процесс морфологического оформления передаваемых женских фамилий, а наоборот, осложняет этот процесс. Несомненно, проще окажется транскрибировать фамилию женского рода, данную в латышском языке (например, *Anita Ratniece — Анита Ратниеце*), чем найти соответствующую фамилию мужского рода (*Ratnieks*, для чего необходимо знать, что фамилиям женского рода с суффиксом *-niec-* соответствуют формы мужского рода с суффиксом *-niek-*).

Если обратимся к общим традициям русского языка, то увидим, что в практике имеются случаи сохранения специфических форм женских фамилий в передаче на русский язык. Так, по крайней мере, в наше время поступают с женскими фамилиями литовского и чешского

языков. Например, из литовского языка: *Balsys* (мужчина) — *Балсис*, *Balsienė* (жена) — *Балсене*, *Balsytė* (дочь) — *Балсите*; примеры чешского языка: *Pujman* (мужчина) — *Пуйман*, *Pujmanová* (женщина) — *Пуйманова*; *Novotný* (мужчина) — *Новотный*, *Novotnová* (женщина) — *Новотнова*. Думается, что такой принцип целесообразно было бы применить также и в передаче на русский язык латышских женских фамилий.

Сохранение в русской транскрипции полной формы латышской женской фамилии весьма важно еще и потому, что это предостерегает от крайних случаев русификации, ставящей в одну пару фамилии *Ян Берзин* и *Майя Берзина* (от латыш. *Jānis Bērziņš* и *Maija Bērziņa*).

IV

Одна из самых сложных проблем практической транскрипции иноязычных географических названий — это передача названий, выраженных словосочетаниями, в состав которых обычно входит номенклатурный термин. В латышском языке названия этого типа, как правило, образуют словосочетания, между словами которых осуществляется подчинительная связь, а именно собственно географическое название в форме родительного падежа находится в атрибутивных отношениях с определяемым словом (номенклатурным термином).

Подобными конструкциями в латышском языке могут быть выражены самые различные географические названия, например: озеро — *Liepājas ezers* (им. п. *Liepāja*), лес — *Saukas mežs* (им. п. *Sauka*), болото — *Velna purvs* (им. п. *Velns*), река — *Maltas upe* (им. п. *Malta*), город — *Valmieras pilsēta* (им. п. *Valmiera*), улица — *Dzirnavu iela* (им. п. *Dzirnavas*), район — *Cēsu rajons* (им. п. *Cēsis*), село — *Salienas ciems* (им. п. *Saliena*), станция — *Ierīķu stacija* (им. п. *Ierīķi*) и т. п.

Однако степень стабильности перечисленных словосочетаний далеко не одинакова, что зависит от вида обозначаемого объекта. Для некоторых видов географических объектов словосочетание родительный падеж + номенклатурный термин является единственно возможным обозначением. Так, например, дело обстоит с названиями озер, лесов, болот, пещер, улиц, районов. И наоборот, названия географических объектов других ви-

нов оказываются более лабильными, так как они могут быть выражены двумя синтаксически различными способами — то одним словом, то генитивным словосочетанием, например: город *Valmieras pilsēta* или просто *Valmiera* (ср. русск. *город Куйбышев* и *Куйбышев*, жить в *Куйбышеве*), станция *Ierīķu stacija* или *Ierīķi*, река *Gaujas upe* или *Gauja* и т. п.

В передаче на русский язык географические названия, выражающиеся двумя вариантами, не представляют никаких трудностей, так как в качестве передаваемого берется однословная форма, а именно *Valmiera* — г. *Валмиера*, *Ierīķi* — ст. *Иерики*, Gauja — р. *Гауя*.

Труднее разрешить вопрос о тех географических объектах, которые имеют только один вариант названия, а именно словосочетание родительный падеж + номенклатурный термин, например *Rēznas ezers*, название этого озера без номенклатурного термина в латышском языке не употребляется. В Постановлении 1945 г. рекомендуется в таких случаях форму латышского родительного заменить русским отыменным прилагательным, а номенклатурный термин переводить, например *Burtnieku ezers* — *Буртниекское озеро*. Такой способ передачи в наше время применяется только к названиям объектов административно-территориального деления, например: *Jelgavas rajons* — *Елгавский район*, *Alsviķu ciema padome* — *Алсвикский сельсовет* и т. п.

Хотя в передаче названий административно-территориальных единиц Латвийской ССР на русский язык весьма последовательно, без колебаний применяется принцип замены латышского родительного падежа русским отыменным прилагательным, все же этот прием нельзя принять без возражений, поскольку русское отыменное прилагательное несет на себе некоторый отпечаток русицифированной формы (например, *Илукстский район*). К тому же в таких условиях очень осложняется ретранскрипция (*Ilūkstes rajons*).

В передаче названий физико-географических объектов русские отыменные прилагательные на практике почти не применялись, на что, по-видимому, оказала влияние русская картографическая традиция — исходя из данного родительного падежа, восстанавливать соответствующий именительный падеж и его же транскрибировать. Так предписывает поступать и «Инструкция

по передаче на картах географических названий Латвийской ССР».

Отрицательная сторона предлагаемого способа передачи заключается в сложности (для русского транкриптора) восстановления формы именительного падежа, так как различным окончаниям родительного падежа соответствуют различные формы именительного, например:

Babītes ezers — Babīte
Feimaņu ezers — Feimaņi
Burtnieku ezers — Burtnieki
Alauksta ezers — Alauksts
Ineša ezers — Inesis.

Кроме того, названия озер в форме именительного падежа — это нечто теоретически созданное и весьма редко встречающееся в латышском языке [22].

В большинстве случаев названия латышских озер совпадают с названиями вблизи существующих одноименных населенных пунктов. В какой-то степени это обстоятельство облегчает транскрипцию, так как название озера можно просто заменить названием населенного пункта, например название озера *Liepājas ezers* (около г. Лиепая), согласно «Инструкции», следует передавать *озеро Лиепая*. Однако под названием *Liepāja* в латышском языке понимают только соответствующий город, и исходная форма (для передачи) *Liepāja* в качестве названия озера звучит в латышском языке как недоразумение.

В отдельных случаях, когда названия озер не имеют одноименных названий населенных пунктов, восстановление формы именительного падежа является проблематичным. Такая задача под силу только специалистам-языковедам. Например, с трудом можно реставрировать историческую форму именительного падежа в названиях *Sivera ezers* (*Sivers* или *Siveris?*), *Drīdza ezers* (*Drīdzis?*).

В передаче названий латышских улиц за последние годы укоренился способ транскрипции родительного па-

22 Исключение составляют единичные случаи, например озера *Алауксте* и *Инесис*, названия которых могут быть выражены как одним словом — *Alauksts*, *Inesis*, так и словосочетанием — *Alauksta ezers*, *Ineša ezers*; без номенклатурного термина употребляются также названия озер, представляющие собой сложные слова со словом *-ezers* во второй части слова, например: *Lielezers — Лиелэвер*, *Kīšezers — Кишэвер* и др.

ежа с отбрасыванием (точнее, переводом) номенклатурного термина[23]. Такой прием передачи весьма не сложен, так как транскрибировать можно механически. Плохо однако то, что таким образом разрывается в языке-источнике органически связанное словосочетание и объектом передачи является косвенный падеж, выступающий в языке-приемнике уже в значении именительного падежа.

Практику передачи названий латвийских озер, болот, лесов и других естественных объектов в принципе нельзя отрывать от передачи названий улиц, бульваров, площадей и т. п., так как эти названия образуют грамматически вполне однородные конструкции. Идеально было бы географические названия, выраженные недетными словосочетаниями в латышском языке, в полном виде транскрибировать на русский язык. Этим была бы достигнута передача реально существующей в латышском языке, полной, неизменной формы географического названия, например *Babītes ezers* — оз. *Бабитес-Эзерс*[24].

Два вышеизложенных приема передачи топонимов, выраженных словосочетаниями родительный падеж + номенклатурный термин (транскрипция родительного падежа и транскрипция всего словосочетания), применяются в последнее время и в передаче на русский язык[25] литовских географических названий. В качестве основного приема в литовском языке предлагается транскрибирование родительного падежа с переводом номенклатурного термина, например *Pyragių ežeras — озеро Прагю*. В случаях, требующих большой точности передачи, в литовском языке применяется транскрибирование полностью всего словосочетания, например *Žiemos raistas — болото Жемос-Райстас*.

Принципы передачи географических названий, выраженных словосочетанием, применяемые по отношению к литовскому языку, следовало бы распространить и на латышский язык, тем более что генитивные конструк-

[23] По отношению к названиям улиц, площадей, бульваров этот способ в виде исключения предусматривается Постановлением.

[24] К сожалению, предлагаемый способ по техническим причинам трудно применим в картографии, где предпочтительны краткие названия.

[25] «Instrukcija lietuviškiems tikriniams vardams rusiškai transkribuoti». Vilnius, 1962.

ции в области топонимики обоих балтийских языков имеют материальное родство и общую семантику. Предлагаемый прием способствовал бы также соблюдению единого принципа в транскрибировании аналогичных явлений, встречаемых в различных исходных языках. Для иллюстрации можно сослаться на завоевавшую права транскрипцию словосочетаний, включающих в свой состав номенклатурный термин, например: нем. *Schweriner See* — оз. *Шверинер-Зе*, англ. *Red River* — р. *Ред-Ривер*, фр. *Rivière à la Chaloupe* — р. *Ривьер-а-ла-Шалуп*, чешск. *Malý Rybník* (rybník — озеро, пруд) — оз. *Мали-Рибник* (примеры взяты из инструкций, изданных Главным управлением геодезии и картографии МВД СССР).

* * *

В итоге анализа вышеизложенного материала можно сделать следующие выводы. В передаче на русский язык надо: 1) сохранять во всех случаях флексию именительного падежа (в том числе и окончания мужского рода единственного числа *-s* и *-š* и специфические окончания женских фамилий); 2) окончание множественного числа географических названий *-i* передавать во всех случаях через русское *-и*, независимо от качества предыдущей согласной; 3) географические названия, выражаемые в латышском языке прочными словосочетаниями, характеризующимися подчинительной связью между составными частями словосочетания, транскрибировать на русский язык в полном, неизменном виде (даже если в состав словосочетания входит номенклатурный термин).

А. В. Суперанская

К вопросу о практической транскрипции собственных имен стран английского языка

Русская транскрипция английских собственных имен в большинстве случаев ориентирована на южноанглийский (лондонский) тип произношения, независимо от того, в какой части Британских островов, Америки или Австралии находится данный географический объект или живет интересующее нас лицо. Такая ориентация объясняется тем, что в Советском Союзе обучают преимущественно южноанглийскому произношению. Однако этот тип произношения распространен не очень широко, и большинство говорящих по-английски придерживается иного произношения. Это заставляет некоторых транскрибирующих обращаться к американскому варианту английского языка, когда им приходится иметь дело с американскими географическими названиями или с фамилиями американцев, и ставит их в тупик, когда дело доходит до Австралии или Новой Зеландии. Все это делает существующую транскрипцию английских собственных имен дискуссионной. А поскольку аналогичные факты отмечаются и в других языках, распространенных на значительных территориях, поставленный вопрос можно считать частью более широкой проблемы: «Литературный язык и диалекты в транскрипции» и связанной с ней другой проблемы: «Варианты одного и того же языка на отдаленных территориях и их отражение в транскрипции».

В данной статье делается попытка анализа особенностей английского произношения в разных частях света с точки зрения целесообразности отражения их в практической транскрипции.

Английское произношение во всех частях света очень пестро. Оно варьирует от одного говорящего к другому, от одной территориальной и социальной группы к другой, оно меняется в зависимости от стиля речи. Поэтому для изучения и описания типов произношения, свойственных в определенное время на определенной территории определенной социальной группе, в тщательной разговорной речи было введено понятие стандарта[1]. Стандарт объединяет наиболее характерные черты каждого типа произношения. В то же время в стандарте нейтрализуются все мелкие, индивидуальные, социальные или локальные особенности. Это, если так можно выразиться, синтетическое произношение каждой территории. Это образец, к которому стремятся и которому обучают. Стандарты отличаются от старых территориальных диалектов тем, что они действуют на значительно большей территории, специально культивируются и являются средством междиалектного общения.

Существует девять наиболее ярко выраженных стандартов английского произношения: 1) южноанглийский, 2) североанглийский, 3) шотландский, 4) ирландский, 5) восточноамериканский[2], 6) южноамериканский, 7) общеамериканский[3], 8) культивируемый австралийский, 9) народный австралийский[4]. Все они — сложившиеся в разных условиях «потомки» южноанглийского стандарта разных эпох у разных социальных групп. Североанглийский стандарт близок по своим чертам к общеамериканскому. Оба они — потомки раннего лондонского стандарта XVII в., когда началась коло-

---

[1] См.: D. Jones. The pronunciation of English. Cambridge, 1937, p. 1; P. A. D. MacCarthy. English pronunciation. Cambridge, 1944, p. 1—2.

[2] Имеется в виду территория США.

[3] Мы не выделяем канадского произношения, так как там господствует общеамериканское или просто американское (как его там называют) произношение, а на Востоке страны произношение напоминает восточноамериканское. Кроме того, живущие в Канаде англичане сохраняют свойственное им английское произношение.

[4] Оба австралийских стандарта повсеместно сосуществуют. В Новой Зеландии произношение напоминает австралийское.

низация Америки. Оба они стабилизировались на значительных территориях и насчитывают наибольшее число говорящих. Южноанглийский стандарт близок к восточноамериканскому (Новая Англия), так как эта часть Соединенных Штатов поддерживала наиболее тесный контакт с Лондоном, произношение которого продолжало изменяться. По этой же причине культивируемый австралийский стандарт мало чем отличается от южноанглийского. Южноамериканский стандарт в ряде черт напоминает народный австралийский. Объясняется это сходством социального состава людей, заселявших эти территории. Кроме того, южноамериканское произношение более всего сходно с южноанглийским, а народное австралийское — с лондонским «кокни» и с «кокни» других крупных городов Англии [5].

Таким образом, возникновение существующих типов английского произношения объясняется территориальными, временными и социальными причинами, а также влиянием других языков, что особенно сказалось на шотландском и ирландском стандартах, первый из которых формировался на кельтском субстрате, а второй — при живом участии кельтского (гаэльского) языка. В настоящее время, благодаря росту народного образования и выпуску разнообразных пособий по фонетике и культуре речи (учебники, произносительные словари), существующие стандарты английского языка стабилизировались и подвергаются значительно меньшим изменениям, чем в период с XVII по XIX в.

Ниже приводится сравнительная таблица некоторых характерных черт английского произношения разных частей света. В таблице даны фонологически значимые отличия в произношении типовых слов, имеющих одинаковое написание во всех странах английского языка (см. табл. 1). Кроме этого, каждому стандарту свойственны свои особенности безударного вокализма, на которых мы в данной статье останавливаться не будем. Не вошедшие в таблицу специфические изменения со-

---

[5] Простонародный вариант южноанглийского произношения — лондонский «кокни» — восходит к лондонскому диалекту древнеанглийского языка. «Кокни» других городов сохраняют отпечатки соответствующих древних территориальных диалектов, ныне вымирающих.

гласных в шотландском и ирландском стандартах английского языка обычно отражаются на письме.

Занимаясь вопросами культуры речи, англичане уделяют мало внимания исследованию причин (исторических, лингвистических и социальных), породивших указанные стандарты. Снобизм и презрительное отношение к языку других территориальных и социальных групп порождает у них версии о «порче» хорошего английского языка в Америке, Австралии, Ирландии. В пылу полемики американцы доказывают, что их язык лучше, и мало кто соглашается с простой истиной, что американские стандарты английского языка так же хороши для американцев, а австралийские для австралийцев, как английские для англичан. Идея единого английского произношения для всех частей света неосуществима, поскольку, распространяясь на значительной территории, любой единый стандарт неизбежно подвергается дифференциации.

В нашей стране, как и в большинстве стран Европы, обучают южноанглийскому стандарту как первоисточнику, из которого образовались прочие стандарты, как основе, овладев которой можно усвоить любой другой английский стандарт. Считая это положение принципиально правильным, обратимся к существующей практике транскрибирования английских собственных имен. Основным направляющим эту транскрипцию пособием является инструкция по передаче английских географических названий на русских картах[6].

Согласно этой инструкции, перечисленные в табл. 1 звуко-буквенные явления передаются следующим образом:

1. *r* после гласных транскрибируется везде, при этом гласный передается в соответствии с южноанглийским произношением (в котором это *r* не звучит, а, вокализовавшись, влияет на количество или качество гласного). В результате получается подобие североанглийского, общеамериканского, шотландского и реже ирландского произношения.

2. *a* в словах типа *last*, *path*, *dance*, *half* передается так, как в большинстве стандартов английского языка,

---

[6] См. Главное управление геодезии и картографии МВД СССР. Инструкция по передаче на картах английских географических названий, составители А. А. Стариков и С. А. Тюрин. М. 1955.

это также соответствует и написанию. Думается, что это — удачный вариант передачи.

3. *o* в словах типа *stop*, *rob* передается в соответствии со специфическим произношением, отличающим южноанглийское, восточноамериканское и культивируемое австралийское от прочих типов английского произношения. Тот факт, что оно соответствует написанию, оправдывает такую передачу.

4. *a* в словах типа *hate*, *spade* передается в соответствии со спецификой того же произношения. Отсутствие единства в произношении подобных слов в других стандартах подтверждает целесообразность такой передачи.

5. *o* в словах типа *note*, *rode* из-за ориентации составителей инструкции в данном случае на написание, а не на произношение передается, как это ни странно, в соответствии с североанглийским, общеамериканским, шотландским и ирландским стандартами. Такая передача, нарушая единство ориентации русской транскрипции, нарушает и единство передачи южноанглийской фонемы ⟨оу⟩. Ср. с передачей слов типа *row*, *soul*[7].

6. *a* в словах типа *talk*, *draw* передается в соответствии с произношением в большинстве стандартов, что вполне правильно.

7. *wh* в словах типа *what*, *when* передается в соответствии с произношением в меньшинстве стандартов (южноанглийский, восточноамериканский, культивируемый австралийский). Тем не менее иная передача слов этого типа едва ли возможна, так как русский язык не обладает фонетико-орфографическими средствами для удовлетворительной передачи более распространенного варианта английского произношения.

В результате получается своеобразная синтетическая транскрипция имен собственных всех стран английского языка, при которой слова, содержащие сочетания гласный + *r*, а также слова типа *note*, *rode* транскрибируются в соответствии с североанглийским и общеамериканским произношением, слова типа *last*, *path*, *dance*, *half* и типа *talk*, *draw* передаются в соответствии с произношением в большинстве стандартов, а слова типа *stop*, *rob*, типа *hate*, *spade* и типа *when*, *what* — в соответствии с южно-

[7] См.: В. И. Кузнецова. Фонетические основы передачи английских имен собственных на русском языке. Л., 1960, стр. 59.

английским стандартом. При этом единственное возражение вызывает лишь передача слов типа *note*, *rode*. Это синтетический русский стандарт, искусственно созданный на базе существующих девяти стандартов английского произношения и возможный только благодаря своей искусственности. Это тот своеобразный единый стандарт, который не может быть достигнут в странах английского языка из-за вечно живого процесса дифференциации. Русский синтетический стандарт позволяет довольно точно транскрибировать и ретранскрибировать английские имена единообразно для всех частей света, но он в силу своей условности не дает точного соответствия местному произношению, а в ряде случаев может иметь и фонологические расхождения с местными вариантами слов.

Помимо фонологических отличий между отдельными стандартами английского языка существуют и фонетико-орфографические. Английское написание, за небольшими исключениями, едино для всех стандартов. Но расхождение между произношением и написанием в одних стандартах больше, в других — меньше. Наибольшие расхождения наблюдаются в южноанглийском стандарте. В общеамериканском и североанглийском значительно меньше непроизносимых согласных, меньше сокращений, элизий, ассимиляций, меньше вставных *r* между гласными.

В результате одинаково пишущиеся фамилии и географические названия читаются по-разному в разных частях мира, говорящего по-английски. Например, в таких английских географических названиях, как *Norwich*, *Woolwich*, *w* перед *i* не произносится. Перенесенные в США, эти названия произносятся с [w]. Так американцы и англичане по-разному воспринимают одни и те же написания. Существующее в Англии и Америке (Эссекс, Массачусетс) название *Haverhill* произносится в Англии ['hei-]. Так же произносят это название и жители американского города. Но уже в 20 милях от него название это звучит по-американски [hæ-]. Одинаково пишущиеся в Англии и Америке названия *Walthom* и *Edinburgh* произносятся в Англии ['wɔltəm] и ['ednbʌrə], в Америке — ['wɔlθəm] и ['ed(i)nbə:g][8].

---

[8] См.: G. H. Grandgent. From Franklin to Lowell. «Publications of the Modern Language Association of America», 1899.

В шотландском и ирландском стандартах можно отметить ряд особенностей, возникших под влиянием кельтских языков. Например, в словах, произношение которых противоречит законам распределения звуков в кельтских языках, обычны метатезы. Ср. ирл. *massacre* ['masə,kri], шотл. *cross* [kors]. Особенности шотландского и ирландского произношения слов, содержащих графическое *r*, отмечены в табл. 2. Это варьирование произношения при более или менее стандартной орфографии повышает роль транслитерации, дающей письменный стандарт при отсутствии устного «межстандартного» стандарта. Именно к транслитерации прибегали в подобных случаях в прежнее время, в результате чего сейчас мы отмечаем немало так называемых традиционных имен собственных, в русской транскрипции которых отдается дань транслитерации. В изданиях, не требующих четкой и однозначной транскрипции, как это требуется в картографии, иногда дают варианты транскрипции, ближе соответствующие местному произношению (книги, энциклопедии).

Чтобы ответить на вопрос о правомерности передачи в русской транскрипции фонетико-орфографических особенностей каждого стандарта, необходимо обратить внимание на некоторые орфоэпические особенности имен собственных, для которых внутри одного и того же стандарта может быть два и более допустимых варианта, отражающих как литературные нормы данного стандарта, так и нормы того стандарта, на территории которого находятся данные объекты или живут данные субъекты, равно как и узколокальные особенности произношения. При установлении орфоэпических норм местное произношение имени нарицательного игнорируется всеми, кроме диалектологов. К местному произношению имени собственного прислушиваются, потому что есть тенденция считать истинным произношением именно местное его произношение. И тем не менее литературный язык не в состоянии вобрать в себя все местные варианты, потому что он развивается по своим собственным нормам и зачастую не испытывает тех иноязычных или субстрат-

---

vol. 14, № 2 (New series, vol. 7, N 2), p. 236; J. S. Kenyon. American pronunciation. Ann Arbor, Mich., 1945, p. 112—115.

ных влияний, которым подвержен язык отдельных местностей.

Так складываются две нормы произношения собственных имен в центре и на местах. Это свойственно не только английскому языку. В русском языке это чаще всего проявляется в разноударности одних и тех же имен собственных (ср. центральное произношение *Сы́зрань*, *Кондопо́га* и местное *Сызра́нь*, *Ко́ндопога*), в английском — в особенностях озвучивания определенных буквенных сочетаний. Произносительные словари английского языка фиксируют обычно все местные особенности произношения собственных имен. Однако каждый словарь рассчитан на определенный стандарт, в связи с чем он дает на первом месте произношение, свойственное данному стандарту, и уж затем прочие варианты произношения. В связи с этим представитель любого английского стандарта обычно читает собственные имена в соответствии со своим стандартом, не меняя своих привычек даже в том случае, если он теоретически осведомлен о существовании иного произношения имени. Таким образом, он не стоит перед проблемой выбора произносительного варианта, перед которой поставлен русский транскриптор.

Но если все собственные имена всех стран английского языка транскрибируют у нас с помощью единой синтетической системы, ориентированной главным образом на фонологическую систему южноанглийского стандарта, то вряд ли стоит нарушать эту систему, показывая фонетико-орфографические особенности других стандартов фонологическими средствами, приближающимися к южноанглийским, и вряд ли следует нарушать общую ориентацию русской передачи. Здесь мы делаем некоторое отступление от тезиса «Имя собственное должно максимально дифференцировать». Думается, что тезис этот может быть без ограничения применим лишь к транскрипции фамилий, но для географических названий следует сделать ограничение. Не следует забывать и о письменном стандарте английского языка, действительно едином для всех частей света. В связи с этим вряд ли следует, давая русскую транскрипцию географических названий, каждый раз стремиться к местному варианту произношения. Вряд ли стоит заставлять потребителя этой транскрипции заучивать два и более

произносительных варианта одного и того же графического имени, тем более что при английских географических названиях принято указывать графства, при американских — штаты, а при канадских — провинции. При наличии такого надежного средства дифференциации, как локализация, такие ненадежные и случайные средства, как присутствие или отсутствие одной буквы в орфограмме (*Вулидж* или *Вулуидж*) вряд ли нужны, тем более что возможны также и устарелые или ошибочные варианты *Вулвич* и *Вульвич*.

Проблема выбора произносительного варианта имени собственного для кельтоязычных частей Ирландии, Шотландии и Уэлса представляется наиболее сложной. Географические названия этих территорий имеют свое кельтское произношение, которое, однако, мало кому известно. Англичане читают их в соответствии со своими правилами, а американцы (составлявшие последние лоции) — со своими. Думается, однако, что и здесь необходимо следовать основному направлению. Русская транскрипция этих названий должна быть узнана не только кельтами, но и англичанами, вероятность общения с которыми у нас намного больше, чем с кельтами, которым, кстати, знакомы и английские варианты названий.

В связи с тем, что показ местных фонетико-орфографических особенностей обесценивает тот синтетический вариант русской транскрипции, который обслуживает нашу литературу и картографию в течение уже многих лет, надо, видимо, не стремиться к показу этих особенностей, а передавать все географические названия в соответствии с южноанглийским стандартом, последовательно придерживаясь одной ориентации. Если же начать показывать местные фонетико-орфографические особенности, то следует перестроить и фонологические основы практической транскрипции, передавая географические названия каждой части света в соответствии с принятым там стандартом. Последнее пока вряд ли приемлемо, так как это неизмеримо осложнило бы работу транскрипторов, хотя, быть может, со временем это положение и будет пересмотрено. Смешанный путь (показ местных фонетико-орфографических особенностей с помощью транскрипции, опирающейся на южноанглийскую фонологию) едва ли приемлем как дезориен-

Таблица 1

Некоторые характерные черты английского произношения разных частей света

Явление	Стандарт									Русская транскрипция
	южно-английский	северо-английский	шотландский	ирландский	восточно-американский	южно-американский	общеамериканский	культивируемый австралийский	народный австралийский	
1. Графическое *r* после гласной	—	r	r	r	—	—	r	—	—	*р*
2. *a* в словах типа *half, path, last, dance*	ɑ	æ	a, ɑ	a	ɑ	æ	æ	ɑ	ɑ	*а*
3. *o* в словах типа *stop, rob*	ɔ	ɑ	ɑ	ɑ	ɔ	ɑ	ɑ	ɔ	ɑ	*о*
4. *a* в словах типа *hate, spade*	eɪ	e	e	e	eɪ	e	e	eɪ	aɪ	*ей, эй*
5. *o* в словах типа *note, rode*	ou	o	o	o	ou	ou	o	ou	au	*о*
6. *a* в словах типа *talk, draw*	o	ɑ	ɑ	ɑ	o	o	o	o	o	*о*
7. *wh* в словах типа *what, when*	w	ʍ	ʍ	ʍ	w	ʍ	ʍ	w	ʍ	*у+гласная*

Таблица 2

Произношение типовых слов с графическим *r* в шотландском и ирландском стандартах в сравнении с южноанглийским

Типовое слово	Стандарт			Русская транскрипция
	южноанглийский	шотландский	ирландский	
beer	bɪə	bir	bir	*бир*
dear	dɪə	dir	dir	*дир*
bird	bə:d	bərd	bʌrd	*берд*
servant	'sə:vənt	'sərvənt	'sʌrvənt	*сервант*
turn	tə:n	tʌrn	tʌrn	*терн*
work	wə:k	wʌrk	wʌrk	*уэрк (уорк)*
part	pɑ:t	part	part	*парт*
warm	wo:m	warm	warm	*уорм*
floor	flo:		flur	*флор*
coarse	ko:s		kurs	*корс*

ружающий, как смешивающий несопоставимое. Поэтому практическая транскрипция должна исходить не только всех особенностей местного произношения, но и из практических потребностей заимствующего языка, для которого на данном этапе удобнее ориентация на южноанглийский стандарт. Такая транскрипция связана с многолетней практикой, а следовательно, традиционна. Она способствует преемственности нашей современной транскрипции, не делая большого разрыва между существующей и существовавшей практикой, которую можно совершенствовать, но которую нельзя ломать. Ориентация на южноанглийский стандарт делает транскрипцию более понятной, так как именно этому стандарту обучают как в нашей стране, так и в большинстве европейских стран. В связи с этим именно такая транскрипция будет наиболее понятной и доступной. Благодаря этому она будет и хорошо обратимой, т. е. будет обладать максимальными возможностями восстановления по русской транскрипции оригинального написания, которое затем можно будет прочитать, ориентируясь на любой местный стандарт.

З. Д. Голубева

О передаче номенклатурных терминов, входящих в состав немецких географических названий*

Номенклатурные термины, т. е. слова, поясняющие род объекта (например, гора, залив, бухта, озеро, остров и т. д.), входят в состав многих географических названий германских языков. Встает вопрос, как поступать с ними при передаче названий: сохранять номенклатурные термины и транскрибировать их так же, как собственно названия, или отбрасывать, заменяя иноязычный термин соответствующим русским.

В основу современной практической транскрипции положен принцип, сформулированный А. А. Реформатским: «„Перекладывать" надо слова в слова, так как то, что подлежит транскрибировать, — это прежде всего слова, и то, что должно получиться после транскрибирования, должно быть тоже словами. При этом слова берутся во всей полноте их лингвистической характеристики: лексической, грамматической, фонетической и графической — для введения фактов одного языка

* Эти заметки написаны с чисто практической целью. На материале немецких географических названий делается попытка показать, что правила, установленные инструкцией по передаче на картах немецких географических названий (Геодезиздат. М., 1954) в отношении номенклатурных терминов неверны, и поэтому они должны быть пересмотрены.

в состав и систему другого языка»[1]. Применительно к тем географическим названиям, в состав которых входят номенклатурные термины, этот принцип означает, что надо прежде всего разобраться в лексической и грамматической природе этих названий. По сути дела вопрос сводится к следующему: насколько тесно номенклатурный термин слился с собственно названием, стал ли он его неотъемлемой частью?

Рассуждая последовательно, можно было бы признать, что само исходное положение «номенклатурные термины, входящие в состав географических названий», содержит ответ на поставленный вопрос. В самом деле, допустить, что номенклатурные термины входят в состав географических названий, это значит признать, что они являются частью самого названия, и их следует поэтому транскрибировать наравне с прочими элементами, составляющими названия (ср. названия, в состав которых входят предлоги, артикли, частицы и т. д.).

Казалось бы, к тому же выводу должны были бы прийти и составители инструкций по передаче географических названий с германских языков, поскольку они исходили из того же положения: номенклатурные термины входят в состав географических названий. Однако этого не случилось. Например, английская инструкция решает этот вопрос следующим образом. Все номенклатурные термины разделены на две группы. В первую группу составители инструкции включили номенклатурные термины, которые они называют «часто употребляющимися словами», во вторую — номенклатурные термины, называемые ими «редко употребляющимися словами». Термины, отнесенные к первой группе, инструкция предписывает транскрибировать, если собственно название представляет собой прилагательное или существительное в родительном падеже, и отбрасывать, если оно является существительным. Термины, включенные во вторую группу, рекомендуется всегда транскрибировать[2]. Заметим сразу же, что критерий, на ос-

[1] А. А. Реформатский. Практическая транскрипция иноязычных собственных имен. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», т. XIX, вып. 6. М., 1960, стр. 533.

[2] «Инструкция по передаче на картах английских географических названий». Редакционно-издательский отдел ВТС. М., 1955, стр. 23—24.

новании которого одни номенклатурные термины отнесены к первой группе, другие — ко второй, более чем неопределенен. Почему слова *branch, shoal, valley* отнесены к первой группе? Разве они употребляются чаще, чем, например, слова *beck, flat, plain*, отнесенные ко второй группе? Частота употребления слов в языке вообще может быть установлена только с помощью статистических методов, и говорить о более употребительных и менее употребительных словах можно лишь после проведенного статистического анализа.

Составители немецкой инструкции поступили более последовательно. Они считают необходимым отбрасывать все номенклатурные термины, если собственно название является существительным[3]. Остальные инструкции по передаче географических названий с германских языков предписывают сохранять номенклатурные термины и транскрибировать их наравне с собственно названием[4]. Причина такого решения вопроса о номенклатурных терминах применительно к скандинавским языкам кроется, очевидно, в том, что в этих языках номенклатурные термины большей частью пишутся слитно с собственно названием[5].

Таким образом, действующие в настоящее время инструкции по передаче на картах географических названий германских языков предписывают отбрасывать все номенклатурные термины в немецких географических названиях, если собственно название представляет собой существительное, и некоторые номенклатурные термины в английских названиях, причем английские номенклатурные термины сохраняются по признаку, довольно неопределенному.

Попытаемся доказать на примерах немецких географических названий, что такое решение вопроса о номенклатурных терминах не только ничем не обосновано, но и неверно. Названия, в состав которых входят но-

---

[3] «Инструкция по передаче на картах немецких географических названий». М., Геодезиздат, 1954, стр. 14.

[4] «Инструкция по передаче на картах географических названий Нидерландов». М., 1956, стр. 12.

[5] «Инструкция по передаче на картах географических названий Дании». М., 1954, стр. 14—15; «Инструкция по передаче на картах географических названий Норвегии». М., 1954, стр. 12; «Инструкция по передаче на картах географических названий Швеции». М., 1954, стр. 11.

енклатурные термины, являются в немецком языке, ак же как и во всех других германских языках, слож- ыми словами. Они обладают всеми признаками слож- ого слова, вплоть до слитного написания, показателя отя и чисто формального, но зато бесспорного. Как олько закрепляется устойчивое слитное написание, роцесс становления сложного слова завершается. Не ызывает никакого сомнения, что названия *Viebach* (B), *Feldstraße* (D), *Bockgrund* (E_{247})[6] представляют собой ложные слова, так же как не вызывает сомнения, что ри транскрибировании этих названий номенклатурный ермин должен быть сохранен: *Фибах* (речка), улица *ельдштрасе*, мель *Бокгрунд*. Решающим факто- ом, обусловившим сохранение номенклатурного тер- ина, послужило в приведенных примерах слитное его аписание с собственно названием.

Эти слова принадлежат к самому многочисленному в современных германских языках типу сложных слов, бразованных по способу «полносложения» (eigentliche usammensetzungen). Они образованы по той же модели, то и нарицательные слова *Wasserdampf*, *Nachtruhe*, *Seegefecht* и т. п., т. е. без соединительного элемента. Большинство сложных слов, относящихся к этому типу Determinitivkomposita), двучленно, но есть и трехчлен- ые, и четырехчленные, и даже пятичленные слова, на- ример: *Siebenjahrplan*, *Unterseebootstützpunkt*, *Dampfstra- enbahnaktiengesellschaft*. Однако в конечном итоге все ти слова состоят из двух частей [7]. Первая часть слова яв- яется определяющим, вторая — определяемым, главным лементом. При этом определяющее имеет форму чистой менной основы и на него падает сильное ударение.

До тех пор, пока мы рассматривали сложные (слитно

---

[6] Источники, из которых взяты приводимые в статье при- еры, обозначены буквами:

A — Ostsee-Handbuch, IV. Teil. Hamburg, 1959.
B — Немецкая морская карта № 26. Гамбург, 1959.
C — Немецкая морская карта № 36. Гамбург, 1958, л. I, II.
D — Немецкая морская карта № 67. Гамбург, 1959.
E — Ostee-Handbuch. Südlicher Teil. Berlin, 1931.

Цифры рядом с буквой указывают на номер страницы, напри- ер A_{25} означает: «Ostsee-Handbuch», IV. Teil. Hamburg, 1959, . 25.

[7] См.: M. L e m m e r. Falsche Wortzusammensetzung. «Sprach- liege». Berlin, 1961, № 1, стр. 10—11.

пишущиеся) слова, трудностей при передаче номенклатурных терминов, входящих в состав названия, не возникало. Все было предельно ясно: номеклатурный термин нельзя вырывать из состава сложного слова, следовательно, его надо транскрибировать.

Дело осложняется тем, что далеко не все номенклатурные термины в немецком языке пишутся слитно с собственно названием. В написании названий, в состав которых входят номенклатурные термины, имеются колебания, которые отражают процесс становления сложных слов. Возможны три вида написания — слитное, через дефис и раздельное, например:

Buk Spitze (B)	*Buk-Spitze* (A_{342})
Mühlen Au (D)	*Mühlenau* (E_{165})
Salz-Haff (B)	*Salzhaff* (D)
Langballig-Au (A_{263})	*Langballigau* (A_{263})

Слитное написание номенклатурного термина с собственно названием чаще встречается в связном тексте, чем на картах. По всей вероятности, это объясняется тем, что издатели карт, стремясь добиться прежде всего преемственности названий на картах, сознательно придерживаются старого написания, которое не отражает происходящих в языке изменений. Вообще в связном тексте отчетливее прослеживается стремление осознать такого рода названия как сложные слова и соответственно оформить их письменно: например, если на карте название написано раздельно, в лоции оно зачастую пишется через дефис, а то и слитно; если на карте — через дефис, то в лоции — слитно. И, безусловно, название, в состав которого входит номенклатурный термин, осознается как единое сложное слово и пишется слитно, если оно само выступает в роли определяющего к другому слову, например: «*Die Höruphaff-Brücke* ist 58 m lang, 3 m breit» (A_{258}). Несколькими строками выше то же название было написано через дефис: «*Das Hörup-Haff* liegt zwischen der Südküste von Alsen und Kekenis» (A_{258}).

О тесном слиянии номенклатурного термина с собственно названием свидетельствует также тенденция к целостному и однократному грамматическому оформлению всего комплекса, например: «Die Durchsteuerung *des Fehmarn-Belt* von Lolland bis Gedser bietet bei kla-

m Wetter keine Schwierigkeit» (A_{313}); «Durch den östli-
en Teil *des Fehmarn-Sund* führt eine 60 m breite Bag-
rinne mit 5, 8 m Tiefe» (A_{306}).

Словосочетание это осознается как единое целое, и
этому говорящий избегает избыточной грамматиче-
ской оформленности. Тенденция к устранению избыточ-
ых грамматических форм проявляется в современном
емецком языке все более последовательно и широко.
ак, в лоции, изданной около 30 лет назад, родитель-
ый падеж тех же названий был еще оформлен дважды —
ртиклем и окончанием существительного: «Die Dur-
steuerung *des Fehmarn-Beltes* und das Fahrwassers süd-
ch von Laaland bis Gjedser bietet bei sichtigem Wet-
r keine Schwirigkeit» (E_{175}); «Landmarken sind die Kir-
hen von Burg, Petersdorf und Landkirchen, ferner die
abelhäuser der Starkstromleitung der Überlandzentrale
n beiden Seiten *des Fehmarn-Sundes*» (E_{169}).

Колебания в написании имеют место не только в соб-
твенных названиях, но и в нарицательных словах.
рудно провести четкую границу между словом и слово-
очетанием. Вопрос о природе и границах слова чрез-
ычайно сложен [8], и мы коснемся его лишь постольку,
оскольку, устанавливая правила передачи немецких
оменклатурных терминов на русский язык, обойти его
евозможно.

Для практического определения границы слова по-
казателен случай, приведенный известным немецким
рамматистом О. Бехагелем в книге «Немецкий язык».
очтовый служащий, принимая телеграмму, доказывал
е отправителю, что *Zweiuhr-Zug* следует считать за
ри слова, и требовал соответствующей оплаты. Отпра-
итель телеграммы доказывал, что это два слова. Спор
азгорелся, и дело дошло до суда. На суде выступили
идные языковеды. Приговор превзошел все ожидания:
Zweiuhr-Zug было признано одним словом [9]. Таким обра-
ом, в отношении номенклатурных терминов, следующих
а собственно названием и пишущихся с ним через де-
фис, вопрос также ясен — их следует сохранять и тран-
скрибировать при передаче названий на русский язык.

Остается разобрать вопрос, как поступать с номенк-

[8] См.: В. М. Жирмунский. О границах слова. — ВЯ, 1961, № 3.

[9] O. Behagel. Die deutsche Sprache. Halle, 1954, стр. 199.

латурными терминами, которые не объединены слитным написанием с собственно названием в одно слово. Подобные названия не подходят под то определение сложного слова, которое в качестве рабочей гипотезы предлагает В. М. Жирмунский: «Слово есть кратчайшая единица языка, самостоятельная по своему значению и форме»[10]. Впрочем, в грамматиках скандинавских языков сочетания двух существительных (даже раздельно пишущихся, типа *Oslo arbeiderne*), из которых первое определяет второе, принято рассматривать не как словосочетания, а как сложные слова[11].

Собственно, для того, чтобы решить вопрос о судьбе номенклатурного термина, входящего в состав немецкого географического названия, при передаче названия на русский язык, нет нужды доказывать, что сочетание номенклатурного термина с собственно названием всегда представляет собой сложное слово. Для решения этого вопроса важно другое — то, что сочетание собственно название + номенклатурный термин (даже если с грамматической точки зрения это и не сложное слово, а словосочетание) всегда представляет собой атрибутивное сочетание, в котором отношения постоянны: главным, определяемым является номенклатурный термин, а зависимым, определяющим — собственно название. С точки зрения синтаксических связей сочетания *Vierwaldstätter See* и *Boden See*, *Thüringer Wald* и *Franken Wald* совершенно однородны, поскольку в обоих сочетаниях первый член является определяющим, второй — определяемым, и по-русски они оформляются одинаково: *Фирвальдштетское озеро*, *Боденское озеро* и *Тюрингский Лес*, *Франконский Лес*.

Благодаря однородности синтаксических связей возможны такие варианты, как, например, *Fliemstorfer-Huk* (A_{334}) — *Fliemstorf-Huk* (E_{193})[12]. Поскольку с точки зрения

---

[10] В. М. Жирмунский. Указ. соч., стр. 3.

[11] См., например: М. И. Стеблин-Каменский. Грамматика норвежского языка. М.—Л., 1957, стр. 220—221; С. С. Маслова-Лашанская. Шведский язык, ч. I, Л., 1953, стр. 76—77.

[12] О предпочтении сложного слова определительному комплексу с прилагательным в области терминологии говорится в статье: К. А. Левковская. Об особенностях так называемых определительных сложных существительных в немецком языке. «Сборник статей по языкознанию памяти М. В. Сергиевского». М., 1961, стр. 172.

интаксиса эти сочетания равноправны и равнозначны, ничем не оправдано устанавливать разный подход к этим сочетаниям при передаче их на русский язык и, как это предписывает инструкция, сохранять номенклатурный термин, если определение выражено прилагательным, и отбрасывать, если оно выражено существительным. Если следовать инструкции, то название *Dahmer See* надо транскрибировать как «*озеро Дамер-Зе*», а *Fasten See* — «*озеро Фастен*».

Правильно в этом отношении складывались традиционные русские формы немецких названий, например: *Weser Gebirge* — «*Везерские горы*», *Nordsee* — «*Северное море*», *Rheinland* — «*Рейнская область*», *Wismar Bucht* — «*Висмарская бухта*» и т. д. Первый член сочетания — собственно название — осознавался как определение, поэтому в русском языке, где сложные слова, состоящие из двух чистых именных основ, не получили столь широкого распространения, как в немецком, ему совершенно правильно был найден вполне соответствующий эквивалент — определение, выраженное прилагательным. Таким образом, номенклатурные термины следует сохранять при передаче географических названий на русский язык и в тех случаях, когда они пишутся раздельно с предшествующим им собственным названием.

До сих пор мы разбирали названия, представляющие собой словосочетания, в которых собственно название предшествовало номенклатурному термину. Номенклатурный термин с точки зрения грамматических связей был главным элементом словосочетания. В большей или меньшей степени он утратил подлинный характер номенклатурного термина, призванного пояснять название, и сам превратился в определяемое слово.

Номенклатурный термин полностью сохраняет свой характер в тех случаях, когда, поясняя род объекта, он предшествует собственно названию, например: «*Das Dorf Habernis* liegt auf dem 20 m hohen Ufer dieser Huk» (A_{262}); «*Die Halbinsel Alt-Bessin* engt mit der gegenüberliegenden Halbinsel Der Burg die Einfahrt ein» (E_{220}). На картах также имеет место препозиция номенклатурного термина, например: *Schloß Pötenitz* (C), *Villa Hochrott* (D), *Bahnhof Ellerbeck* (D). Номенклатурный термин выступает в подобных сочетаниях в роли приложения, определяя качественный характер объекта. При пере-

даче такого рода названий номенклатурный термин, не связанный зависимыми синтаксическими связями с другими членами сочетания, следует переводить, заменяя его соответствующим русским номенклатурным термином, например: *замок Пётениц*, *вилла Хохротт*, *вокзал Эллербекк*.

Конечно, невозможно все богатство живого языка вместить в определенную схему. Некоторые названия допускают колебания в употреблении номенклатурного термина по отношению к собственно названию, номенклатурный термин может либо предшествовать собственно названию, либо следовать за ним, например: «Poel-Unterfeuer auf achteckigem Betonsockel mit rotem Gasbehälter mit der Aufschrift «14» etwa $5^1/_2$-Kblg NW-lich *der Walfisch-Insel* und Walfisch-Oberfeuer auf grauer, eiserner Gitterbake mit zwei Galerien *auf der Insel Walfisch* führen in Linie von der Leuchttonne «K» durch die Innereede bis zur Baggerrinne» (A_{335}).

Такого рода исключения (как известно, нет правил без исключений) не мешают, на наш взгляд, сделать следующие практические выводы: 1) номенклатурные термины, входящие в состав немецких географических названий, следует транскрибировать, если собственное название предшествует номенклатурному термину, при этом написание (слитное, через дефис или раздельное) роли не играет; 2) номенклатурные термины, предшествующие названию, подлежат переводу на русский язык.

З. Д. Голубева

Передача суффигированного артикля в норвежских и шведских географических названиях *

Перед всеми, кому приходится иметь дело с транскрибированием скандинавских географических названий, неизменно встает задача: как поступать с суффигированным определенным артиклем — сохранять его или отбрасывать? Решать эту задачу каждый должен самостоятельно, руководствуясь тем запасом знаний из области грамматики скандинавских языков, который у него имеется.

Единственным пособием, к которому можно прибегнуть для разрешения этой задачи, так же как и для решения других транскрипционных вопросов, являются у нас инструкции по передаче географических названий со скандинавских языков, изданные Главным управлением геодезии и картографии. Инструкция по передаче географических названий Швеции предписывает всегда сохранять суффигированный артикль [1]. В инструкциях по передаче географических названий Дании и Норвегии сказано, что суффигированный артикль надо сохранять, если географические названия последовательно пишутся с артиклем во всех датских или норвежских

* Все, что сказано в статье о суффигированном артикле в норвежских и шведских географических названиях, в равной мере может быть отнесено к суффигированному артиклю в датских географических названиях.

[1] «Инструкция по передаче географических названий Швеции». М., Геодезиздат, 1954, § 8.

источниках. В случае разнобоя в написании названий, т. е. если название в одних источниках пишется с артиклем, в других — без него, артикль рекомендуется не передавать [2].

Казалось бы, вопрос тем самым решен. Чего проще: в шведских географических названиях суффигированный артикль следует сохранять при передаче их по-русски, в датских и норвежских — отбрасывать, если имеют место колебания в употреблении артикля, засвидетельствованные в печатных изданиях. Чем же объяснить в таком случае тот факт, что в разночтении скандинавских географических названий на наших картах и в литературе очень часто повинен суффигированный артикль? Объясняется это тем, что употребление суффигированного артикля во многих скандинавских географических названиях свободно, факультативно. С равным правом по-норвежски можно сказать *Bjørnnes* (A_{29})[3] и *Bjørnneset* (B_{81}) «*мыс Бьёрннес*, *Batteriøy* (A_{96}) и *Batteriøya* (B_{87}) «*остров Баттериё*»; по-шведски *Kalkgrund* (C_{111}) и *Kalkgrunden* (C_{118}) «*мель Калькгрунд*», *Storö* (D_{223}) и *Storön* (E) «*остров Стурё*».

Свободное употребление артикля в географических названиях нашло также отражение в атласах и на картах, изданных в скандинавских странах: в одних изданиях название написано с суффигированным артиклем, в других — без него. Вполне понятно, что предписания шведской инструкции, так же как и датской и норвежской, оказываются несостоятельными, потому что один транскриптор пользуется одними картами, атласами, книгами, где название написано с артиклем, второй — другими, где то же название написано без артикля. В результате — разнобой в написании скандинавских географических названий.

Каким же образом можно достигнуть единого написания скандинавских названий, употребляемых то с суффигированным артиклем, то без него? Прежде всего нельзя одинаково подходить ко всем географическим названиям с суффигированным артиклем. В зависимости от грамматических свойств артикля в составе

[1] «Инструкция по передаче географических названий Дании». М., Геодезиздат, 1954, § 9; «Инструкция по передаче географических названий Норвегии». М., Геодезиздат, 1954, § 11.

[2] Источники, из которых взяты примеры, см. в конце статьи

слова — географического названия необходимо различать две группы названий. К первой группе относятся географические названия, которые по своему строению являются простыми словами; ко второй — географические названия, представляющие собой сложные слова.

Рассмотрим подробнее географические названия каждой группы и попытаемся установить, как следует поступать с суффигированным артиклем при передаче названий по-русски.

I. Среди географических названий первой группы, представляющих собой простые слова, можно различить названия, утратившие смысловое значение, например: *Mjøsa* (F) «озеро Мьёса», *Ätran* (G) «река Этран», *Glomma* (F) «река Гломма» и т. д., и названия, происхождение и смысловое значение которых очевидно, например: *Grunnen* (B_{249}) «банка Груннен», *Skäret* (C_{11}) «рыбачий поселок Шерет», *Bøtta* (B_{170}) «риф Бётта» и т. д.

Смысловое значение географических названий типа *Mjøsa*, *Ätran* может быть совершенно утрачено в современном языке, и установить его удается лишь посредством этимологических изысканий и путем сопоставления с современными словами, изменившими свое первоначальное значение. Обращение к истории языка дает, например, возможность узнать старые «безартиклевые» формы современных названий озер *Веттерн* (*Vättern*), *Венерн* (*Vänern*), *Меларен* (*Mälaren*), которые засвидетельствованы в древнешведских памятниках: *Vetur* (*Vætr*), *Vænir*, *Mælir*. Названия *Vetur*, *Vænir* восходят к древнескандинавскому слову, родственному современному шведскому *vatten* «вода»; название *Mælir* — неизвестного происхождения[4]. Примечательно, что в названиях, засвидетельствованных на карте XVIII в., суффигированный артикль сохранился полностью: *Wetteren* (H), *Weneren* (H).

Названия рек *Логен* в Норвегии (*Lågen*) и *Лаган* в Швеции (*Lagan*) восходят к древнескандинавскому слову *lagr* «вода, река». Это слово сохранилось в современном шведском языке — *lag* «отвар» и в современном норвежском — *låg* «сенной отвар». Первоначальное значение слова, из которого развились оба значения, утрачено.

---

[4] E. Hellquist. Svensk etymologisk ordbok. Lund, 1925.

И еще одно обстоятельство, которое убедительно свидетельствует о том, что названия типа *Mjøsa*, *Ätran* до сих пор продолжают осознаваться в языке как слова с суффигированным артиклем: в составе сложного слова эти названия выступают без артикля, например: ***Mälar**vikarna* (I_{588}) «бухты озера Меларен», ***Lofot**loven* (R_{27}), ***Lofot**torsken* (R_{30}) «лофотенский закон», «лофотенская треска» (от **Lofoten** «Лофотенские острова») и т. п. В этом отношении географические названия рассматриваемого типа ведут себя так же, как все остальные географические названия с суффигированным артиклем, например: *Stillehavet* (G), «Тихий океан», ***stillehaus**laks* (K) «тихоокеанский лосось», ***stillehaus**kyst* (K) «тихоокеанское побережье», *Holmenkollen* (Q_{31}) «трамплин Холменколлен», *Holmenkoll**publikum*** (Q_{32}) «публика, собравшаяся у трамплина Холменколлен».

В географических названиях типа *Grunnen*, *Skäret* установить смысловое значение не представляет труда. Наряду с географическим названием существует нарицательное слово, которому название и обязано своим происхождением. Возникновение географического названия в этом случае связано с переосмыслением и переносом значения, например: *Bakka* (F) «селение Бакка» (*en bakke* «холм»), *Kråkan* (B_{140}) «остров Крокан» (*en Kråka* «ворона»), *Kjærringi* (B_{192}) «скала Хьярринги» (*en kjerring* «женщина, баба»).

Оба эти типа географических названий — тех, которые утратили смысловое значение, и тех, смысловое значение которых очевидно, — объединены нами в одну группу не только потому, что они представляют собой простые (не сложные) слова, но и потому также, что роль суффигированного артикля в этих названиях одинакова. Суффигированный артикль настолько слился с собственно названием, что перестал осознаваться как таковой. Поэтому нельзя говорить об основном грамматическом значении суффигированного артикля — служить показателем «определенности». Но суффигированный артикль утратил не только свое основное назначение — быть показателем «определенности», он утратил также способность служить показателем рода и числа. Например, в сочетаниях *Det fjerne Østen* «Дальний Восток», *det gamle Orienten* «старый Восток» свободно стоящий артикль — среднего рода, суффигированный —

бщего. Название *Dalarna* «область Даларна в Швеции» по форме — существительное множественного числа, однако его заменяет местоимение единственного числа: I judiciellt hänseende utgjorde *Dalarna*, då *det* först framträder i historien, ett eget härad» (L_{1149}) («В юридическом отношении, когда она впервые выступает в истории, Даларна представляла собой самостоятельный округ»).

На это обстоятельство в свое время обратил внимание известный шведский лингвист А. Норен, заметив, что в названиях *Danviken*, *Dalarna* суффигированные артикли не осознаются как таковые, поэтому возможны сочетания *ett nytt Danviken*, *det sköna Dalarna*[5].

Поскольку суффигированный артикль в географических названиях этой группы утратил свое грамматическое значение, он все более и более осознается как постоянная, неотъемлемая часть слова. В отдельных названиях, таких, например, как *Vättern*, *Vänern*, *Mjøsa*, *Glomma*, процесс слияния суффигированного артикля с основой слова зашел так далеко, что эти названия не поддаются уже расчленению на основу и артикль. Вполне естественно поэтому, что и при передаче этих географических названий по-русски было бы ничем не оправдано отрывать от них суффигированный артикль и тем самым разрушать твердо сложившуюся и последовательно употребляемую форму названия[6].

---

[5] A. Noreen. Vårt språk, Bd V. Lund, 1904, стр. 291, 293. — По поводу последнего примера (*det sköna Dalarna*) заметим, что Э. Велландер считает подобные сочетания невозможными в шведском языке. Приводя в качестве примера сочетание *den trötta Teodor*, Велландер пишет, что оно означает «какой-то Теодор, который устал», тогда как *trötta Teodor* значит обычное имя известного Теодора. Поэтому, заключает Велландер, в географических названиях определенный свободно стоящий артикль отсутствует, например: *Gamla Uppsala*, *Saxiska Schweitz* (E. Wellander. En handling i svenska språkets vård. Stockholm, 1959, стр. 176).

[6] В скандинавских языках вообще прослеживается тенденция оформлять географические названия, представляющие собой простые слова, с помощью суффигированного артикля. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что иноязычные названия рек часто получают суффигированный артикль, например: по-норвежски *Elben* (немецк. *Elbe*), *Rhinen* (немецк. *Rhein*; в норвежском языке сохранилась древненемецкая форма, не подвергшаяся дифтонгизации); а однажды нам даже встретилась форма *Nevan* «Нева» («Svensk flottans historia», Bd II. Malmö, 1945, стр. 125).

Таким образом, в географических названиях, представляющих собой простые слова, суффигированный артикль всегда следует сохранять при передаче этих названий по-русски.

II. Географические названия, отнесенные нами ко второй группе по тому признаку, что все они являются сложными словами, также неоднородны по своему составу. В зависимости от того, сохраняет ли второй компонент сложного слова свое реальное значение или утратил его, географические названия второй группы подразделяются на три подгруппы.

1. Первую подгруппу образуют географические названия, второй компонент которых сохраняет свое значение, т. е. те географические названия, вторым компонентом которых является номенклатурный термин, например: *Ringsjön* (G) «озеро Рингшё» (*en sjö* «озеро»), *Skälderviken* (C_{65}) «залив Шельдервик» (*en vik* «залив, бухта»), *Drøbaksundet* (B_{67}) «пролив Дрёбаксунн» (*et sund* «пролив».

Суффигированный артикль в этих названиях выполняет свои обычные функции: основную — он служит показателем грамматической категории «определенности», а также и побочные — является показателем рода и числа существительного. В географических названиях этой подгруппы особенно часты колебания в употреблении суффигированного артикля. Это объясняется их противоречивым характером. С одной стороны, это собственные имена, и как все собственные имена, они не нуждаются в артикле, поскольку нет необходимости в выражении «определенности» — «неопределенности». Но с другой стороны, второй компонент географических названий сохраняет свое реальное значение и требует соответствующего грамматического оформления всего сложного слова, в том числе он требует и присоединения суффигированного артикля, который также, по замечанию К. Мёллера, «превращает нарицательное имя в собственное»[7].

Как известно, во всех скандинавских языках второй компонент сложного слова является главенствующим. Он наделяет сложное слово своими грамматиче-

[7] K. Møller. Nordiske artikelproblemer. København, 1945, стр. 113.

кими свойствами. В географических названиях, вторым компонентом которых является номенклатурный термин, суффигированный артикль, таким образом, выполняет роль грамматического показателя. Основное его назначение — служить показателем грамматической категории «определенности», которой нет в русском языке. Он несет информацию, которую по-русски выразить невозможно, да в этом и нет надобности. Это дает право при передаче географических названий этого типа по-русски опускать суффигированный артикль. Вторая функция суффигированного артикля, так сказать побочная, — служить показателем грамматического рода. Род существительных в русском и норвежском и шведском языках не совпадает. Категория рода, показателем которой является суффигированный артикль, по-русски выражается иными средствами. Следовательно, это также дает право отбрасывать суффигированный артикль.

Отделить суффигированный артикль от основы не представит труда для транскриптора, так как форму слова всегда можно установить с помощью словаря. При этом транскриптору надо будет помнить, что в норвежском языке, наряду с суффигированным артиклем общего и среднего рода, существует еще и суффигированный артикль женского рода — *a*, который также надо отбрасывать, например, *Syrdalsbrea* (М) «ледник Сюрдалсбре». В некоторых названиях транскриптору придется даже восстанавливать форму слова, например: *Finsehytta* (К) «приют Финсехютте» (*en hytte* «домик, хижина»).

Лишь в третьей, также побочной функции показателя множественного числа суффигированный артикль имеет право быть переданным по-русски. В русском языке множественное число выражается путем изменения окончания (перемена места ударения и чередование — сопутствующие факторы), поэтому вполне оправдано, если и по-русски форма слова во множественном числе будет отличаться своим окончанием (с точки зрения русского языка это — окончание) от формы того же слова в единственном числе, например: *шхера Баккешер* [*Bakkeskjæret* (A_{34})]; но *шхеры Братшерене* [*Brattskjærene* (A_{47})]; *гора Нурефьель* [*Norefjell* (F)], но *горы Лангфьелла* [*Langfjella* (F)].

Итак, в географических названиях, вторым компонентом которых является номенклатурный термин во

множественном числе, суффигированный артикль следует, на наш взгляд, сохранять.

2. Вторую, относительно малочисленную подгруппу составляют географические названия, представляющие собой сложные названия, вторым компонентом которых является не номенклатурный термин, а любое иное нарицательное существительное, например: *Andersnatten* (F) «гора Аннерснаттен» (*en natt* «ночь»), *Trollhättan* (P_{673}) «город Трольхеттан» (*en hätta* «капюшон») и т. п.

К этой же подгруппе должны быть отнесены названия, второй компонент которых является бывшим номенклатурным термином, т. е. он представляет собой слово, которое с течением времени утратило способность выступать в качестве номенклатурного термина. Такая участь постигла, например, норвежское слово *heim* «дом, жилище», некогда часто употреблявшееся в качестве номенклатурного термина, о чем свидетельствуют многочисленные названия со вторым компонентом *heim*: *Jotunheimen* (N) «плоскогорье Йотунхеймен», *Larsheimen* (M) «селение Ларсхеймен» и т. д.

Суффигированный артикль в названиях этой подгруппы стал их неотъемлемой частью. В этом отношении они сближаются с географическими названиями первой группы, особенно с названиями типа *Grunnen*, *Skäret*. Поэтому с суффигированным артиклем в этих географических названиях надо поступать так же, как с артиклем в названиях первой группы, т. е. сохранять его при передаче названий по-русски.

3. Наконец, третью подгруппу географических названий, представляющих собой сложные слова, образуют названия, второй компонент которых обычно выступает как номенклатурный термин, но в составе этих названий он им не является, здесь он «ложный номенклатурный термин». Возникновение названий этой подгруппы всегда связано с переносом значения, с переосмыслением, например: *Svindalen* (E) «селение Свиндаль» (*en dal* «долина»), *Strandefjorden* (M) «озеро Страннефьюр» (*en fjord* «фьорд») и т. д. Суффигированный артикль в этих названиях не выполняет никаких грамматических функций, так как второй компонент сложного слова утратил реальное смысловое значение. В этом отношении можно провести аналогию между географическими названиями рассматриваемой подгруппы и гео-

рафическими названиями предыдущей подгруппы, та-ими, как *Andersnatten*, *Trollhättan*, в которых суффи-ированный артикль рекомендуется сохранять.

Однако в географических названиях, относящихся рассматриваемой подгруппе, сохранять суффигирован-ый артикль при передаче этих названий по-русски ряд ли целесообразно. Большинство этих названий, торым компонентом которых является ложный номен-латурный термин, вообще, как правило, употребляется ез артикля.

Что касается тех названий, которые употреблены суффигированным артиклем, то, как правило, те же азвания можно употребить и без артикля, подтвер-ждением чему служат примеры подобного рода разно-чтений, взятые из разных книг и атласов, например: *Finnmark* (R_{628}), *Finnmarken* (S_{697}), *Finnmarka* (F) «область Финмарк»; *Østlandet* (Q_{41}), *Østland* — (T_{300}) «область Эст-ланн».

Число примеров можно было бы значительно умно-жить. В шведской лоции издания 1951 г. большинство названий селений, употребленных в тексте с суффиги-рованным артиклем, в указателе приведены без артикля, например: *Fågelviken* (C_{221}), *Fågelvik* — ($C_{\text{Указатель}}$); *Klädes-holmen* (C_{65}), *Klädesholm* ($C_{\text{Указатель}}$); *Hovenäset* (C_{185}), *Ho-venäs* ($C_{\text{Указатель}}$) и т. п.[8]

Третью подгруппу можно рассматривать как проме-жуточную между первой и второй подгруппами: номен-клатурный термин входит в название, но в то же время это уже не номенклатурный термин. Колебания в упот-реблении артикля в географических названиях, вторым компонентом которых является ложный номенклатурный термин, нетрудно объяснить. Несмотря на то, что в на-званиях, возникших в результате переосмысления, номен-клатурный термин утратил свое реальное значение, грамматические его свойства сохранились, в том числе сохранялись и колебания в употреблении артикля.

Все, что было сказано о суффигированном артикле в географических названиях, вторым компонентом кото-

---

[8] В шведско-русском словаре также приведены две формы названия — с артиклем и без него, например: *Lappmark*, *Lapp-marken* «область Лапмарк» («Шведско-русский словарь», сост. Д. Э. Миланова. М., 1959).

рых является ложный номенклатурный термин, дает право отбрасывать артикль при передаче названий этого типа по-русски.

Выводы

1. При передаче норвежских и шведских географических названий по-русски суффигированный артикль следует сохранять в следующих случаях: 1) если географическое название представляет собой простое (не сложное) слово; 2) если географическое название является сложным словом, второй компонент которого — слово в форме множественного числа; 3) если географическое название представляет собой сложное слово, второй компонент которого является не номенклатурным термином, а любым другим нарицательным именем.

2. Суффигированный артикль следует отбрасывать при передаче по-русски норвежских и шведских географических названий, если последние представляют собой сложные слова, вторым компонентом которых выступает номенклатурный термин, независимо от того, сохраняет он свое реальное значение или утратил его.

Источники, из которых взяты приводимые в статье примеры, обозначены буквами:

A — Den norske los, 1ste hefte. Oslo, 1934.
B — Den norske los, Bd II. Oslo, 1955.
C — Svensk lots, Bd I. Stockholm, 1951.
D — Svensk lots, D. II. Stockholm, 1952.
E — Шведская морская карта № 293. Stockholm, 1947.
F — Kartbok over Norge. Oslo, 1955.
G — Bonniers stora världsatlas. Stockholm, 1948—1951.
H — карта «Svea och Göta Riken med Finland och Norland». Stockholm, 1747.
I — Svensk uppslagsbok, Bd 27. Malmö, 1953.
K — газета «Friheten», 1961, № 62.
L — Nordisk familjebok, Bd V, 1906.
M — карта «Norwegen», 1 : 1 000 000. Oslo, 1940—1941.
N — газета «Friheten», 1961, № 60.
O — Nordisk familjebok, Bd 33. Stockholm, 1922.
P — Nordisk familjebok, Bd 29. Stockholm, 1919.
Q — K. W. Gullers, S. Hoel. Norge. Glimt fra et stort lite land. Oslo, 1951.
R — Aschehougs konversasjons leksikon, Bd VI. Oslo, 1956.
S — Aschehougs konversasjons leksikon, Bd VIII. Oslo, 1957.
T — Det norske folks liv og historie gjennom tidene, Bd IV. Oslo, 1955.

Цифры рядом с буквой указывают на номер страницы, например B_{208} означает: «Den norske los», Bd II. Oslo, 1955, стр. 208.

В. В. Перцмахер

Некоторые вопросы русской передачи географических названий стран Южной и Юго-Восточной Азии

За последние годы, в связи с ростом политических, экономических и культурных связей Советского Союза со странами Южной и Юго-Восточной Азии, в нашей прессе, картографии, научно-популярной и художественной литературе, в переводах произведений писателей Востока все чаще встречаются географические названия, имена и фамилии, а также термины на многочисленных языках этого обширного района. Вопрос о правильной русской передаче этих слов приобретает все большее значение. Не удивительно, что на совещании по топонимике Востока, состоявшемся в Москве в апреле 1961 г., этому вопросу было уделено серьезное внимание (доклады В. А. Никонова, А. М. Дьякова, В. Г. Златоверховой, М. Б. Волостновой, Е. М. Поспелова, Г. Г. Стратановича, Т. Т. Мхитарян, М. Я. Берзиной и др. в сб. «Топонимика Востока». М., 1962). В журналах «Советское востоковедение» и «Проблемы востоковедения» (ныне «Народы Азии и Африки») были опубликованы статьи В. Г. Эпштейн[1], Г. П. Сердюченко[2],

[1] В. Г. Эпштейн. К вопросу о транскрибировании бирманских собственных имен. «Советское востоковедение», 1958, № 5.

[2] Г. П. Сердюченко. О русской транскрипции для языков зарубежного Востока. «Проблемы востоковедения», 1960, № 3.

Т. Т. Мхитарян[3], посвященные разработке систем русской передачи топонимов Южной и Юго-Восточной Азии. Важную роль в установлении единого и правильного русского написания географических названий рассматриваемого района на советских картах, в прессе и т. д. (вопрос о точной научной транскрипции в специальных востоковедческих изданиях нами здесь не рассматривается) призваны сыграть составленные В. Г. Эпштейн «Правила русской транскрипции бирманских географических названий»[4] и изданные Центральным научно-исследовательским институтом геодезии, аэросъемки и картографии инструкции по передаче на картах географических названий с хинди[5], Западного Пакистана[6] и др. Заслуживают внимания статьи немецких картографов Вейгандта и Бормана, в которых много места уделено передаче восточных топонимов в Большом Атласе Бертельсмана (1961 г.)[7], и работа Вейгандта «Kartographische Ortsnamenkunde» (1955)[8].

Естественно, что указанные работы не дают исчерпывающего ответа на все вопросы, которые могут возникнуть в процессе русской передачи местных географических названий. К числу нерешенных проблем относится проблема языка-источника для передачи топонимов огромного Индийского субконтинента, что нередко приводит к различному русскому написанию одних и тех же индийских географических названий. В наших изданиях

---

[3] Т. Т. Мхитарян. О русской транскрипции для вьетнамского языка. «Народы Азии и Африки», 1962, № 1.

[4] В. Г. Эпштейн. Правила русской транскрипции бирманских географических названий. Изд-во восточной литературы. М., 1959.

[5] «Инструкция по передаче на картах географических названий с хинди». ЦНИИГАиК. М., 1959.

[6] «Инструкция по передаче на картах географических названий Западного Пакистана». ЦНИИГАиК. М., 1959.

[7] H. Weygandt. Zur Präparation exotischer Nomenklaturen in der Atlaskartographie. Eine Darstellung der wichtigsten Transkriptionssysteme in der geographischen Namengebung. «Kartographische Nachrichten». Gütersloh, XI Jahrgang, Hft. 5, Oktober 1961; W. Bormann und H. Weygandt. Gedanken um die Entwicklung und Zukunft der Atlaskartographie. «Petermanns Geographische Mitteilungen». Gotha, 1961, № 3.

[8] H. Weygandt. Kartographische Ortsnamenkunde. Probleme und Richtlinien der Kartenbeschriftung mit Musterbeispielen der Asienkarten. Lahr, 1955.

жно встретить *Шантиникетан*[9] (в чтении хинди) и *Шантиникетон*[10] (в бенгальском чтении). Бенгальское слово নগর (nagar) передается по-разному: *нагар* (Чан-дигнагар)[11] и *ногор* (Кришноногор)[12].

При русской передаче географических названий Индии следует иметь в виду, что, согласно Конституции Индии, официальным языком Индийского Союза является хинди в письме деванагари. Английский язык, который сейчас продолжает применяться для всех официальных целей страны, со временем должен будет уступить место хинди. Однако, как сказал покойный генеральный секретарь Национального совета Коммунистической партии Индии Аджой Кумар Гхош, «это не значит, что английский должен быть заменен хинди во всех областях, где он сейчас используется. Некоторые из его функций постепенно перейдут к хинди, но многие — к так называемым местным языкам... Для того чтобы приблизить органы управления к народу, необходимо, нам кажется, быстрое переключение с английского на местные языки как официальные языки штатов»[13].

Необходимость бережного отношения к географическим названиям народов Индии очевидна. В течение последних лет в Индии немало сделано для восстановления искаженных португальскими, голландскими, французскими и английскими колонизаторами местных географических названий и для замены навязанных народам Индии чужеземных названий исконными индийскими. Так, были восстановлены тамильские названия *Тируччираппалли* (бывший *Тричинополи*), *Тирунелвели* (бывший *Тинневелли*), бенгальское название *Кришнанагар* (бывший *Кришнагар*), древние названия *Авадх*

---

[9] «Новейшая история Индии». Изд-во восточной литературы. М., 1959, стр. 652; «Современный Восток». М., 1961, № 2, стр. 51.

[10] Рабиндранат Тагор. Био-библиографический указатель. Изд-во Всесоюзной книжной палаты. М., 1961, стр. 19.

[11] Н. Гонгопадхайя. Лунный свет и другие рассказы. Пер. с бенгали. Изд-во иностранной литературы. М., 1958, стр. 158.

[12] Т. Гонгопадхай. Шорнолота. Пер. с бенгальского. ГИХЛ. М., 1958, стр. 3.

[13] Аджой Кумар Гхош. Статьи и речи. Изд-во восточной литературы. М., 1962, стр. 304.

(вместо *Ауд*), *Варанаси* (вместо *Бенарес*) и т. д.[14] Кроме того, в ряде изданий на языке хинди наблюдается стремление более точно отражать местное написание и произношение топонимов. В делийском журнале «Аджкал» название *Тамилнад* пишется तमिलनाडु (tamilnāḍu)[15], т. е. отражен краткий [u] в конце слова [раньше обычно писали तमिलनाड (tamilnāḍ)].

Все это говорит о том, что и мы должны при русской передаче индийских географических названий отражать особенности графики и произношения топонимов на важнейших индийских языках. Однако не все особенности местных названий должны быть сохранены в русской передаче. Необходимо учесть, что самым распространенным национальным алфавитом в Индии является деванагари, который используется для хинди, маратхи и некоторых других языков. Именно с алфавитом деванагари придется иметь дело при русской передаче большинства индийских топонимов. Следовательно, нельзя допустить, чтобы русская передача тамильских, бенгальских, ассамских и других названий значительно отличалась от их написания в деванагари.

Характерной особенностью бенгальских названий является то, что их произношение часто не соответствует написанию, которое, за некоторыми исключениями, соответствует написанию в деванагари. Например, название, звучащее по-бенгальски *Кришноногор*, будет писаться бенгальским алфавитом কৃষ্ণনগর (kṛṣṇanagar), что соответствует написанию в деванагари कृष्णनगर (kṛṣṇanagar). Произноситься же на языке хинди оно будет *Кришнанагар*.

Поскольку написание бенгальских географических названий бенгальским алфавитом и алфавитом деванагари очень часто совпадает, до получения исчерпывающих материалов на бенгальском языке и издания инструкции по передаче бенгальских географических на-

[14] Списки переименований см.: M. P. Thakore. Changes in place-names in India. «The Indian Geographer», vol. I, № 1. New Delhi. Aug. 1956, стр. 51—54; Sivaprasad Das Gupta. The changing map of India, pt. II. New geographical names. «Geographical review of India». Calcutta, 1960, vol. XXII, № 4. стр. 13—32. «Notice to Mariners». Dehra Dun, 1961, № 49.

[15] आजकल («Аджкал»). Дели, год изд. 17, № 11, 1961, стр. 10.

ваний возможно и желательно применение для этой цели «Инструкции по передаче на картах географических названий с хинди». Разумеется, инструкцию необходимо будет дополнить некоторыми сведениями о бенгальском языке, о географических названиях Западной Бенгалии и о правилах их передачи.

Характерной особенностью бенгальского языка является то, что знак, соответствующий краткому *a*, произносится как [ɔ] или [o] и дифтонгам *ai* и *au* соответственно как [oi] и [ou]. Однако эту особенность, на наш взгляд, не следует отражать в русской передаче, за исключением тех случаев, когда она подтверждается написанием деванагари. Этим мы достигнем единого русского написания слов, общих для хинди и бенгали[16]. Точно так же мы должны поступать при передаче согласного *s* в тех случаях, когда он произносится как [ʃ]. Например, мы будем писать *с*, если бенгальскому শ (s) будет соответствовать स (s) в хинди. Бенгальское ৱ (v), если оно произносится как [b], можно передавать русским *б*, так как в самом хинди многие слова пишутся как с व (v), так и с ब (b).

Для языка маратхи характерны переднеязычные аффрикаты ‹ć›, ‹j›, ‹jh› (ц, дз, дзх), отражать которые в русской передаче не целесообразно, так как неспециалисту часто будет затруднительно определить, в каких случаях в названиях сохраняются среднеязычные аффрикаты ‹c›, ‹j›, ‹jh› (ч, дж, джх), а в каких их заменяют переднеязычные. Какуминальным [ṛ], [ṛh] языка хинди соответствует маратхская фонема ‹ḍ›. Например: хинди बीड़ (bīṛ), देवगढ़ (devgaṛh) — маратхи बीड (bīḍ), देवगड (devgaḍ). Эти особенности маратхского языка следует учитывать при русской передаче, поскольку номенклатурный термин गड (gaḍ) входит в состав названий многих маратхских крепостей, известных в исто-

[16] Ср. русскую передачу тех украинских названий, которые имеют общие корни с русскими словами, но произносятся и пишутся по-разному, например названия рек: *Медведь* — укр. *Ведідь*, *Рыбная* — укр. *Рибна*, *Брод* — укр. *Брід* («Каталог річок України». Видавництво Академії Наук Української РСР. Київ, 1957). — В изданиях на русском языке они даются в русском переводе, чем достигается единство передачи многих русских и украинских топонимов.

рии Махараштры, и уже несколько десятилетий большинство историков, пишущих на английском языке (как англичан, так и индийцев), передают этот термин по-маратхски.

Много вопросов может возникнуть при передаче дравидийских географических названий Юга Индии. В дравидийских языках все или большинство согласных не могут стоять в конце слова, и им сопутствует гласный. В последние годы в индийских изданиях, как на хинди, так и на английском языке, наблюдается тенденция отражать это явление даже тогда, когда гласный значительно редуцируется (например, तमिलनाडु — в журнале на языке хинди, *Eluru* и *Kozhikode* — в различных изданиях на английском языке). Естественно, что эта характернейшая черта дравидийских языков должна найти отражение и в наших изданиях. Незачем только стремиться к точному воспроизведению варианта фонемы ‹u›, близкого к русскому [ы] (это относится и к вариантам фонем ‹i› и ‹ī›). Сейчас нет единообразия в передаче тамильского дифтонга [ei], который является вариантом фонемы ‹ai› во всех слогах, исключая первый. Этот дифтонг передают посредством *аи*, *ай*, *ей*. В литературе встречаются река *Вайгай* (тамильское வைகை) и река *Вайхей*, *Пиллаи* (переводчик у французского губернатора Пондишери Дюплекса) и *Пиллей* и т. д. В принципе можно согласиться с теми, кто считает, что практическая передача иноязычных слов должна быть фонематической, т. е. следует учитывать только фонемы, а не их варианты[17], однако мы не должны забывать и следующего определения задачи практической транскрипции: «... задача практической транскрипции иноязычных географических названий и личных имен — не перекладка букв разных алфавитов (транслитерация), не подстановка звуков разных языков (фонетическая транскрипция) и даже не перевод одних фонем в другие (фонематическая транскрипция), а передача слов одного языка, взятых во всей полноте их лексической, грамматической, фонетической и графической характеристики, словами дру-

[17] См.: А. В. Суперанская. Вопросы орфографии географических названий. — Сб. «Транскрипция географических названий. Труды совещания, состоявшегося 28—31 января 1959 г.» М., 1960, стр. 56.

го языка в соответствии с его законами, нормами его ксики, грамматики, фонетики и орфографии, для вве- ия в лексический состав данного языка»[18].

Нам кажется, что не всеми вариантами фонем можно енебречь при передаче тамильских топонимов. Это жно безболезненно сделать с близкими к [ы] вариан- ии фонем <u>, <i> и <ī> и, возможно, с вариантом фо- мы <ai>. Однако вряд ли можно пренебречь такими зиционными вариантами, как [k] и [g] для фонемы <k> /க்/;] и [ḍ] для <ṭ> /ட்/; [t] и [d] для <t> /த்/; [p] и [b] я <p> /ப்/[19]. Безусловно, звонкие и глухие варианты мильских фонем следует отражать в русской передаче той степени, в какой они отражаются в деванагари в латинице. Что же касается таких вариантов, как [h] я <k>; [c], [j] и [s] для <c> /ச்/; [ð] для <t>; [β] для <p>; tr], [dr] и [p/t] для <r> /ற்/, то, прежде чем прийти какому-либо решению, нужно глубоко и всесторонне учить вопрос.

Тамильский звук [l] /ழ்/ и звук языка малаялам [ṛ] /ഴ്/ можно передавать русским *ж*, например *Кожикоде* (точ- нее, *Кожиккоде*) — малаялам കോഴിക്കോട് (koṛikkoṭŭ) — нгл. *Kozhikode*.

Несмотря на многие нерешенные вопросы, можно ска- ать, что с русской передачей географических названий Индии дело обстоит в общем благополучно. Этого, к со- жалению, нельзя сказать об Индокитайском полуострове. Самым большим злом является то, что для обширных районов Индокитая не существует сколько-нибудь удов- летворительных систем русской передачи географических названий. Это относится в первую очередь к Камбодже и Лаосу и в меньшей степени к Таиланду. В настоящее время только для Бирмы и Вьетнама разработаны совре-

---

[18] А. А. Реформатский. О подаче и передаче географических названий на русских картах. — Там же, стр. 53.

[19] М. С. Андронов. Тамильский язык. М., Изд-во восточной литературы. 1960, стр. 16—19; его же. Краткий очерк грамматики тамильского языка. «Тамильско-русский словарь». Составили А. М. Пятигорский и С. Г. Рудин. Под ред. Пурнама Сомасундарама. Гос. изд. иностранных и национальных словарей. М., 1960, стр. 1307—1311.

менные научные системы русской передачи географических названий.

При разработке инструкций по русской передаче географических названий Таиланда, Камбоджи и Лаоса необходимо учитывать, что большинство языков этого района родственны или между ними существует взаимосвязь. Это обязывает составителей инструкций соблюдать единую меру точности при разработке конкретных рекомендаций. Если проект инструкции по передаче вьетнамских географических названий предусматривает перевод, а не транскрипцию номенклатурных терминов, то это правило следует распространить на все другие страны Индокитая. Если бирманские топонимы передаются в слитном написании, то такое же написание целесообразно принять для тхайских названий. Коль скоро при передаче географических названий Бирмы и Вьетнама отражается придыхание согласных, оно должно быть учтено при передаче топонимов Таиланда[20], Камбоджи и Лаоса, тем более что в кхмерском языке мера придыхания согласных сравнима с соответствующей мерой в бирманском языке[21], а в тхайском значительно выше, чем в бирманском[22]. Если вьетнамское *и'* ‹ш› передается как *ы*, то так же должны передаваться близкие к нему тхайское и кхмерское ‹ш:›[23] и т. д.

Соблюдение единой меры точности при передаче географических названий — важное условие создания стройной, логичной и неопровержимой системы практической транскрипции.

---

[20] При разработке инструкции по передаче на картах географических названий Таиланда может быть полезна книга «Permanent Committee on geographical names for British official use». Glossaries: 6. Thai (Siamese). London, 1944. В книге содержится детальный обзор официальной латинизации тхайского письма, краткий очерк фонетики и морфологии и словарь тхайских номенклатурных терминов в оригинальном написании, фонетической транскрипции и официальной латинизации.

[21] Д. И. Еловков и Н. Д. Андреев. Из наблюдений над фонетикой кхмерского языка. «Уч. зап. ЛГОЛУ», № 294. Серия востоковедческих наук, вып. 12. Л., 1961, стр. 100.

[22] Ю. М. Осипов и Н. Д. Андреев. Из наблюдений над фонетикой тхайского языка. — Там же, стр. 108.

[23] Там же, стр. 110; Д. И. Еловков и Н. Д. Андреев. Указ. соч., стр. 102.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Стр.
2
27
39
108
115
116
180
Топо

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
2	9 сн.	языкознания и	русского языка
27	10 »	*Лысые горы*	*Лысые Горы*
39	6 »	фамилий и лиц	фамилий у лиц
108	22 »	рассуждение в	рассуждение о
115	20 св.	которых	которые
116	2 »	предполагает	предлагает
180	21–22 сн.	завимым	зависимым

Топономастика и транскрипция

63 коп.